

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 4 (126)

Academic Journal

Series:
Sociology

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (126)

Научный журнал

Серия

«Социологические науки»

Москва 2014

УДК 316(05)
ББК 60.5я

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Социологические науки»

Редакционная коллегия:
Ж.Т. Тощенко – отв. редактор
Н.М. Великая
И.О. Шевченко
Е.А. Колосова
Е.И. Иванова

Номер подготовили:
Н.М. Великая
Е.А. Колосова

СОДЕРЖАНИЕ

История, теория и методология социологической науки

<i>Ж.Т. Тощенко</i>	
О социологических стратегиях в социологии.....	11
<i>Н.В. Романовский</i>	
Социология накануне всемирного конгресса в Иокогаме.....	22
<i>Д.В. Мальцева</i>	
Профессиональное социологическое сообщество с позиции сетевого подхода.....	36
<i>А.В. Кученкова</i>	
О методе качественного сравнительного анализа с использованием нечетких множеств.....	42
<i>Е.О. Нечаева</i>	
Социальные технологии: история становления и версии понимания.....	55

Город и село в социологическом измерении

<i>Н.М. Великая, Н.И. Белова</i>	
Законодательное и финансовое обеспечение культурной политики в малых и средних городах России в оценках экспертного сообщества	65
<i>А.А. Голосеева, А.А. Хохлов</i>	
Проблемы самоорганизации и функционирования неформальных сообществ в сфере культуры в российской провинции	80
<i>А.А. Жирикова</i>	
Досуговые практики жителей средних и малых городов России	91

<i>С.А. Соловченков</i> Село юга Дальнего Востока: последствия 20 лет преобразований	99
---	----

Социология коммуникаций

<i>Л.Ф. Адилова, В.А. Мищенко</i> Образ семьи и семейные ценности в российских СМИ.....	108
--	-----

<i>С.С. Касаткин</i> Печатные СМИ в России: основные факторы формирования и этапы трансформации (конец XX – начало XXI в.)	117
--	-----

<i>С.В. Докука</i> Современные подходы к изучению виртуальных сообществ.....	125
---	-----

Демографические проблемы России

<i>Е.И. Иванова</i> Структурные и социальные факторы здоровья населения России.....	138
--	-----

<i>Л.А. Хафизова</i> Рождаемость в России: состояние и тенденции.....	156
--	-----

<i>И.О. Шевченко</i> Одинокое отцы в России: повседневные практики и проблемы.....	163
---	-----

Социология детства и молодежи

<i>С.Н. Майорова-Щеглова</i> Трансформации детства в начале XXI в.: К уточнению концепции социального конструирования детства	173
---	-----

<i>Е.Ю. Евдокимова</i> Социализационная функция детского творчества в российском обществе: к определению базового понятия	184
---	-----

<i>Е.А. Колосова</i> Детское чтение в современной России: понятие, структура и практики	193
---	-----

<i>А.Ю. Губанова</i>	
Критерии отбора сайтов для детей: социологический анализ	199
<i>В.А. Смирнов</i>	
Молодежная политика как сфера воспроизводства имитации	204
<i>И.А. Малкова</i>	
Межэтнические отношения в студенческой среде	214
<i>И.В. Бабанов</i>	
Спорт как фактор социализации: особенности и механизмы	219
<i>М.О. Шумилина-Павлова</i>	
Источники формирования исторического сознания российской молодежи	226

Проблемы отечественного образования и науки

<i>М.Б. Буланова, П.А. Борисова</i>	
Высшее образование и трудоустройство: современные риски	233
<i>Н.А. Илюхина</i>	
Рейтинг вузов как этап планирования профориентационной работы со школьниками	241
<i>И.В. Воробьева</i>	
Престиж профессии учителя	247
<i>Г.О. Аркин</i>	
Реформа РАН как катализатор солидаризации ученых	255
Abstracts	262
Сведения об авторах	273

CONTENTS

History, Theory and Methodology of Sociological science

<i>Zh. Toshchenko</i> About sociological strategies in sociology	11
<i>N. Romanovskiy</i> Sociology on the eve of the World Congress in Yokohama	22
<i>D. Maltseva</i> Professional sociological community from the network approach position	36
<i>A. Kuchenkova</i> On the method of qualitative comparative analysis and fuzzy sets.....	42
<i>E. Nechaeva</i> Social technologies: the history of formation and version of understanding.....	55

City and Village in Sociological Dimension

<i>N. Velikaya, N. Belova</i> Legislative and financial ensuring of cultural policy in the small and medium cities of Russia according expert's evaluations.....	65
<i>A. Goloseeva, A. Khokhlov</i> Problems of self-organization and functioning of informal communities in the field of culture in the Russian province.....	80
<i>A. Zhirikova</i> Leisure practices of medium-sized and small cities residents	91
<i>S. Solovchenkov</i> Village in the south of the Far East – consequences of 20 years of change.....	99

Sociology of Communications

- L. Adilova, V. Mishchenko*
Image of family and family values in the Russian media..... 108
- S. Kasatkin*
Print media in Russia: major factors of formation and stages
of transformation (end of XX – beginning of XXI century) 117
- S. Dokuka*
Contemporary approaches to the investigations of the
virtual communities..... 125

Demographic Problems of Russia

- E. Ivanova*
Structural and societal factors in health of Russian population 138
- L. Khafizova*
Birth rate in Russia: issues and tendencies..... 156
- I. Shevchenko*
Single fathers in Russia: everyday practices and challenges 163

Sociology of Childhood and Youth

- S. Mayorova-Shcheglova*
Transformations of childhood in the beginning of XXI century
(refining of the concept of social construction of childhood)..... 173
- E. Evdokimova*
Socializing function of the children's creativity
in Russian society: the definition of the basic concept 184
- E. Kolosova*
Children's reading in modern Russia: concept, structure and practices 193
- A. Gubanova*
Criteria used in selection of web resources for children:
sociological analysis..... 199

<i>V. Smirnov</i>	
Youth policy as area of reproduce of imitation.....	204
<i>I. Malkova</i>	
Ethnic relationships in the student community.....	214
<i>I. Babanov</i>	
Sport as a factor of socialization: features and mechanisms	219
<i>M. Shumilina-Pavlova</i>	
Sources of formation of historical consciousness of the Russian youth.....	226

Problems of education and science

<i>M. Bulanova, P. Borisova</i>	
Higher education and employment: modern risks.....	233
<i>N. Ilyukhina</i>	
University rating as a stage of planning a career-oriented work with school-leavers.....	241
<i>I. Vorobyova</i>	
Prestige of the teaching profession.....	247
<i>G. Arkin</i>	
Russian Academy of Sciences reform as the catalyst of solidarity of academic scholars.....	255
Abstracts	262
General data about the authors.....	273

История, теория и методология социологической науки

Ж.Т. Тощенко

О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ В СОЦИОЛОГИИ

В статье дается анализ теорий, концепций, школ с их многообразием подходов как к процессу познания социальной реальности, так и к возможностям влияния социального знания на эту реальность. Однако, несмотря на многообразие этих трактовок и объяснений, все они сводятся к трем основным методологическим стратегиям – социологическому реализму, социологическому номинализму и социологическому конструктивизму. В соответствии с этим дается характеристика основных постулатов и особенностей каждой из них.

Ключевые слова: социология, теория, методология, концепция, школы в социологии.

Есть ли в современной, в том числе и отечественной, социологии четкое представление о методологических стратегиях в социологии? Если мы рискнем задать этот вопрос любому социологу, маститому или начинающему, можно с большой степенью уверенности утверждать, что вопрос поставит его в затруднение, если не в тупик. Конечно, можно назвать имена, и не одно, – тех, кто известен как теоретик-методолог или экспериментатор-социолог в нашей стране и за рубежом, кто провел не одно крупномасштабное исследование, получил значительные и интересные результаты. Но стратегии, которые объясняли бы все многообразие современной социологии, характеризовали принципиальные отличия между ними, вряд ли назовут.

Что касается западной социологии, то, напомню, мы всегда встречаемся с описанием (характеристикой) структурного функ-

ционализма, теорий социального действия, конфликта, (нео)бихевиоризма, феноменологической социологии, этнометодологии и т. д. Все они имеют свое особенное толкование базовых теоретико-методологических и методических принципов, используют свой набор методов познания, свои подходы к построению и применению социологического инструментария. Иначе говоря, западная социология предстает перед нами букетом самых различных концепций, сосуществующих друг с другом, полемизирующих между собой, отстаивающих ценность и значимость своих исходных посылок. Причем процесс обновления и появления новых школ не прекращается. Более того, в известном смысле он интенсифицируется, ибо за последние четверть века мы стали очевидцами появления новых концепций – глобалистики, постмодернизма, новых институционалистов и др.¹

Аналогичную картину по многообразию концепций и теорий мы имеем в дореволюционной русской социологии. В ней известны школы, выражающие идеи народничества, географического детерминизма, этико-субъективную концепцию, органицизм, психологизм и т. д. Когда же переходим к советской или современной российской социологии, встречаемся с удивительным явлением – *отсутствием аргументированных различий при трактовке базовых теоретико-методологических оснований, затрагивающих принципиальные вопросы, прежде всего предмета и объекта социологии*. Конечно, близость и общность взглядов социологов отнюдь не означали и не означают такое же единство в концептуальных воззрениях членов социологического сообщества.

Нужно особо подчеркнуть, что до определенного времени отсутствие различных концепций в отечественной социологии можно объяснить тем, что мы все официально были социологами-марксистами исходя из господствовавшей тогда идеологии, исключавшей возможность существования любой другой. И если в рядах социологов вдруг обнаруживались разночтения, то их пытались объяснить тем, что некоторые исследователи: 1) слабо усвоили суть марксистской доктрины; 2) некритически восприняли опыт социологической мысли Запада; 3) недостаточно подготовлены для социологического изучения социальной действительности. И хуже всех приходилось тем социологам, кого подозревали в сознательном искажении марксистской теории: их работы не публиковали, а по отношению к ним часто применялись санкции репрессивного характера (в 1960–1970-е годы). Вместе с тем с точки зрения западных коллег мы все в современной российской социологии выглядим на одно лицо: марксисты или бывшие марксисты

(последнее утверждение не отменяет первое). Но даже у тех, кто отрекся от марксизма, имеющаяся аргументация, демонстрация самостоятельности нередко звучат сиротливо, неубедительно, порой даже убого².

Надежды на демократические преобразования в России, которые снимут идеологические оковы с общественной мысли, увы, не оправдались. Появившиеся же попытки более точно обозначить свою позицию приводят к тому, что мы, по меткому выражению Р.В. Рывкиной, по-прежнему занимаемся «примыкательством», причисляя себя то к понимающей социологии, то к структурному функционализму, то к теории конфликтов, то еще к чему-то другому, что представлено в концепциях наших западных коллег, ибо восточных мы не знаем. Не менее верно замечание Е.С. Барзговой: «Молодые социологи, усваивая веяния западной социологии, становятся в большей мере эпигонами, нежели создателями национальной социологической школы»³. Более того, что удивительно, у нас появились российские (!) учебники и учебные пособия, в которых ни разу не упомянуто слово «Россия».

Однако если более обстоятельно разобраться в этом вопросе, мы все же не так однолики и однообразны, как может показаться на первый взгляд. И в советской, и в российской литературе по-разному трактовались и трактуются исходные основополагающие позиции, которые касаются анализа объекта и предмета социологии, уровней и структуры социологического знания, понятийного аппарата социологии, соотношения нашей дисциплины с другими науками и, в первую очередь, с философией.

Более того, в 1970–1980-е годы прошли дискуссии о теоретико-методологических основах социологии, в которых наиболее активное участие приняли Г.М. Андреева, В.Я. Ельмеев, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, М.Н. Руткевич, А.Г. Харчев, В.А. Ядов и другие, и которые выявили достаточно серьезно различающиеся между собой точки зрения⁴. Но в то же время отметим, что попыток разобраться с имеющимися теоретико-методологическими подходами в современной, в том числе в отечественной, социологии практически не предпринималось. В этой связи можно упомянуть лишь ряд произведений С.А. Кравченко, а также труд, подготовленный Е.Ф. Молевичем, в которых авторы стремились восполнить данный пробел⁵.

История социологии свидетельствует о сложном пути становления, развития и обогащения методологии и методов изучения социальной реальности. На первых порах становления социологии ее приемы и способы познания действительности мало отлича-

лись от тех, которые использовались уже существующими науками – философией, экономикой, правом, историей. Однако и на этом этапе – что нашло особенно яркое воплощение в позитивизме – социология ориентировалась на изучение конкретных данных, «осязаемой» информации, которая, как и в точных науках, могла получить как качественную, так и количественную интерпретацию.

Определенность каждой науки обуславливается тем, какие парадигмы и, соответственно, методологические стратегии используются и как они используются. В науке идет постоянный процесс уточнения или смены парадигм, и нередко возникает ситуация, при которой совокупность накопленных научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Тогда старая парадигма «угасает» и на смену ей приходит новая (или новые), которая претендует на более точную и глубокую интерпретацию теорий, фактов, методов. Так как специфика научного метода в социологии очень значительна по сравнению с другими социальными науками, представляется обоснованным уделить внимание методологическим стратегиям как базовым направляющим началам в познании социальной реальности.

Кроме того, социологические стратегии на основе используемых парадигм постепенно накапливали свои методы познания, особенно когда это касалось эмпирических исследований. Статистическая информация, которая широко получила обоснование в XIX в. (примером может быть земская статистика), была дополнена опросными листами, интервью, анализом документов, что получило завершённую, целостную интерпретацию в основном в 20-е годы XX в. Именно с этого периода стало возможно говорить о научно обоснованных процедурах, методике и технике, позволяющих всесторонне анализировать изучаемые процессы и явления.

Длительное время в социологической науке доминировали две основные парадигмы – *социологический реализм* (объект – общество, социальная структура, социальные институты) и *социологический номинализм* (объект – человек, личность, социальные группы и общности). В конце XX в. стала интенсивно развиваться еще одна социологическая стратегия – *конструктивистская*. Структура, уровни и понятийный аппарат социологии зависят от той методологической стратегии, которая ориентируется на свое толкование объекта и предмета социологии как науки. В зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, основополагающим исходным понятием в этих парадигмах и начинается логика построения понятийного аппарата. Эти стратегии можно представить в следующей таблице.

Методологические стратегии социологии

Стратегии	Время возникновения	Предмет науки
Социологический реализм	Середина XIX в.	Человечество, цивилизации, общество, социальные системы, социальные институты
Социологический номинализм	Начало XX в.	Человек, личность, индивид, социальные общности
Социологический конструктивизм	Конец XX в.	Общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды

Что касается социологического реализма и его ориентации на парадигму «общество», то соответствующая традиция восходит к О. Конту и Г. Спенсеру. Почти все труды социологов XIX в. следовали этой методологической установке. В дальнейшем, в XX в. она претерпела ряд изменений, что нашло отражение в работах Т. Парсонса (1902–1979) и Р. Мертона (1910–2003)⁶. Они изучали общество посредством исследования социальных систем, социальных институтов в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Но уже на грани XIX–XX вв. было установлено (Э. Дюркгейм, М. Вебер), что ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, ибо оно, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это признавал уже Р. Мертон, который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса. Кроме того, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкая совокупность общественных процессов – вплоть до человечества в целом, что породило глобалистские концепции социологии⁷) оживили никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности, или слишком абстрагируются от нее.

Как показало время, трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, видоизменяются, а иногда и теряют свой первоначальный смысл. Мало способствует этому и модификация представлений об обществе посредством анализа понятий «социальная структура», «социальные отношения» как определяющих объект и предмет социологии. Ведь даже такое классическое понятие, как социальная структура, в настоящее время мало что выражает, ибо: а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом изменился; в) появились новые, ранее неизвестные феномены. Такие, казалось бы, классические понятия, как «рабочий», «крестьянин», приобрели «неустойчивость», аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы опрометчиво и поспешно. Как показали социологические исследования еще в 1970-е годы (а тем более в 1990-е), многие черты сознания и поведения людей из различных страт могут быть ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни внутри социально-профессиональных групп могут быть настолько различными, что теряет смысл объединять их в какое-то зафиксированное, формализованное понятие: внутри этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному достатку, по их месту в структуре разделения труда, по их целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) несводимыми к одним и тем же однородным показателям. В этой ситуации возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой – профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, но представляющие разные социальные сообщества? Ответ очевиден, что объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать. Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство: социальные системы и общности – очень «нехороший» объект для сравнительных кросскультурных (международных) исследований, так как они настолько различны

в своем содержательном обличье, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации.

Таким образом, центральное понятие – *общество* и его производные – *социальная структура, социальные системы, социальные институты* – являются важной, но серьезно ограниченной областью получения социологического знания. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая стратегия.

Вторая методология – *социологический номинализм*, восходящая к М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX – начала XX в., обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит процессам взаимодействия людей, процессам их интеграции и дифференциации. Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят человека, личность, считая их основным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой представлений об абстрактном. Анализ феномена «человек в обществе» позволяет с наибольшей полнотой судить и о человеке, и об обществе. Причем эта ориентация на человека все больше усиливается. В современной социологии эта тенденция нашла отражение в работах А. Турена, Э. Баумана, П. Бурдьё⁸. Показательно, что известный политический деятель Э. Бжезинский убежден, что мы (человечество) все больше сталкиваемся с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми» (1999).

В течение XX в. многие социологи предпринимали попытки преодолеть противоречивость любой из вышеназванных методологий, осуществляли попытки устранить деление социологии на макро- и микроуровень, на объективно-предметный и субъективно-ценностный подходы. Так, Т. Парсонс, ориентируясь на общество как определяющее понятие, стремился учесть влияние и роль социальных действий. Во второй половине XX в. попытки преодолеть крайности осуществлялись П. Бурдьё, Н. Луманом, отчасти Э. Гидденсом. Однако данные методологические стратегии никак не объясняют тот социальный факт, как человек, люди «попадают» в эти социальные общности, социальные структуры, другие соци-

альные образования. Ведь, явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение в большинстве случаев заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. То, что социальные структуры, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти структуры и общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию французского социолога А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества⁹. И наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации – человеку, что предполагает анализ не столько каких-то систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, сами системщики, работающие на эмпирическом уровне, так и поступают: обращаются в основном к информации, характеризующей сознание и поведение людей. Недовольство ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась также в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии (феноменологическая социология, драматургическая социология, этнометодология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.).

Ответ на этот вопрос может быть найден при помощи еще одной методологической стратегии – конструктивистской, учитывающей взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтно-логической концепциями. Такой методологической стратегией является *концепция социологии жизни*, зачатки которой проявили себя еще в XIX в. Жан Мари Гюйо (1854–1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии провозглашается реальная жизнь. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его дости-

жениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие в теории социального действия (А. Турен), частично в теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме (Дж. Мид) и феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни – ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития. Но тем не менее все больше и больше социологов XX в. эту направленность в социологии – на органическое рассмотрение совокупности субъективных факторов и объективных условий – разделяли, поддерживали, развивали. «Идеи и культуры не меняют ход истории – по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном обосновании – толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов»¹⁰. Еще большую определенность на ориентацию на человека в совокупности всех его взаимосвязей как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее *«ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ»*¹¹.

Русская социология в XIX – начале XX в. во многом характеризовалась тем, что ей была присуща гуманистическая направленность – обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе. Объектом изучения становились вопросы, характеризующие состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо, и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Это отметил еще на рубеже XX в. А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания».

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована в социологии жизни, которую в определенной степени разделяют Ю.Г. Волков, И.Ф. Девятко, С.И. Григорьев, В.А. Ядов и другие¹². Своеобразный синтез общества и личности олицетворяют антропосоциетальный подход, обоснованный Н.И. Лапиным, а также поиск Ю.М. Резника¹³. При конструктивистском подходе существенными оказываются мо-

дусы времени – *настоящее, представленное в ценности, будущее, выраженное в цели, и прошлое, связанное с категорией «значение»*. В центр внимания ставятся *сознание и поведение* человека, его отношение и реакция на изменения своего статуса, места не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной группы, сообщества. Данная концепция предполагает также одновременный анализ *общественной среды* (макро-, мезо- и микро-словий) социальной жизни человека. Следовательно, *социология жизни* органически сочетает в себе субъективные факторы и объективные условия, реально функционирующее сочетание взаимоотношений общества и человека. Суть социологии – *«человек в обществе, общество в человеке»* (П. Бергер)¹⁴.

Социология (как и любая другая наука) призвана предлагать свои модели, изучая фрагменты объективной реальности. Однако в реальной жизни социолог встречается не со структурами, системами, конструкциями, а с сознанием и поведением людей, анализ которых приводит к познанию различных форм организации общественной жизни – институциональной, стратификационной, управленческой и др. Все это позволяет сделать вывод, что *конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью, измеряемыми посредством элементов сознания, поведения и окружающей среды*¹⁵. Методология социологии выступает в двух ипостасях: как принципы исследования социальной реальности, что находит отражение в парадигмах, концепциях, и как основа, база проведения конкретных исследований, что предполагает рассмотрение видов социологических исследований и методов, в них применяемых.

Примечания

¹ Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Л.Г. Ионина. М., 2008; Современная западная социология: Хрестоматия / Авт.-сост. Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. М., 2011.

² Вехи российской социологии (1950–2000-е гг.) / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.

³ Баразгова Е.С. Нетрадиционная социология в России? // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 16.

⁴ Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. М., 2008; Он же. Поле социологии в современном мире. М., 2010; Левада Ю.А. Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 1998.

- № 6; *Осинов Г.В.* Введение в социологическую науку. М.: Наука: Вече, 2010; *Руткевич М.Н.* Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001; *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.
- ⁵ *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007; *Молевич Е.Ф.* Общая социология: Учеб. пособие. Ч. 1–2. Самара, 1997.
- ⁶ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998; *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 431.
- ⁷ См., напр.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001.
- ⁸ *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии: Пер. с фр. М., 1998; *Бурдьё П.* Начала / Пер. с фр. А.В. Шматко. М., 1994; *Бауман З.* Мыслить социологически: Пер. с англ. М., 1996; *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- ⁹ *Турен А.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Белл Д.* Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI в. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009.
- ¹¹ *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.
- ¹² *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология: Учебник. М., 1998; *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003; *Григорьев С.И.* Виталистская социология. Парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001; *Ядов В.А.* Указ. соч.
- ¹³ *Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
- ¹⁴ *Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Тощенко Ж.Т.* Социология. Общий курс. М., 2009. В ней дана трактовка концепции социологии жизни и авторская интерпретация объекта и предмета социологической науки.

Н.В. Романовский

СОЦИОЛОГИЯ НАКАНУНЕ ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА В ИОКОГАМЕ*

В статье рассмотрены тенденции развития современных разделов социологии, которые могут проявиться и представлять интерес для участников и наблюдателей конгресса МСА 2014 г. в Иокогаме. Показаны и иллюстрированы материалом конкретные факторы развития нашей науки, формирующие ее развитие на перспективу. Специальное внимание уделено проблеме ограничений способности российской социологии участвовать в формировании нового социального облика страны.

Ключевые слова: современная социология, «иная» социология, Международная социологическая ассоциация, Всемирный социологический конгресс 2014 г., социология российская, развитие социологии.

С 13 по 19 июля 2014 г. в японском городе Иокогама пройдет очередной всемирный социологический конгресс. Восемнадцатый по порядковому номеру; еще один, и, надо думать, не последний. В промежутке между этим конгрессом и предыдущим в международной социологии происходили процессы, обзор которых поможет, надеюсь, добиться более осознанного прочтения его материалов и итогов – с точки зрения понимания динамики современной социологии.

Социологии, со времен О. Конта претендующей на место рядом с науками точными, по своей природе присуще стремление наиболее точным образом оценивать социальные явления, включая самое себя. Нет ничего удивительного в том, что текущему своему развитию социология уделяет определенное внимание. Каждому активно в ней работающему специалисту небезразличны перемены и тенденции науки. Степень эффективности труда конкретных ученых зависит и от ориентации в происходящих в науке процессах, и от понимания возможностей вносить личный вклад в актуальные

© Романовский Н.В., 2014

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00352

разделы научного знания, в широко понимаемом историческом развитии научной дисциплины. При этом фундаментальные, теоретические составляющие любой науки играют решающую роль; на них и сосредоточено внимание автора.

Исследование процессов в международной социологии существенно облегчено возможностями всемирной сети Интернет. Современные информационные технологии позволяют социологам осваивать немыслимые прежде объемы данных о тенденциях развития современной социологии на всех ее уровнях – от *кейс стади*з до теории и методологии, в разных регионах мира, личные и групповые усилия акторов в своем поле и т. п. Открываются методические, возможно, методологические (один из них – *data mining* – букв. *добыча данных шахтным способом*) подходы работы с большими базами данных. Временной лаг введения в научный оборот фактов и данных существенно сокращен. Журналы, статьи, тезисы международных конгрессов и конференций (наиболее оперативный вид значимой информации) доступны порой до появления бумажных версий, давая – пусть в первом приближении – факты, свидетельства о процессах современной социологии. Естественно, что некоторые черты конгресса МСА в Иокогаме можно обсудить уже сейчас с использованием имеющихся в Интернете его материалов¹.

Адекватному пониманию процессов, отраженных в подготовке конгресса, наряду с информационной базой помогает и методология решения данной исследовательской проблемы. Для ее фундаментального решения на предшествовавших стадиях изучения современной социологии исторически верифицировались макрофакторы ее развития, процессы и точки роста ее в России и современном мире, позиции и устремления ведущих современных социологов. Широко применялся, в частности, качественный контент-анализ потока научных публикаций по социологии и смежным наукам с целью выявления наиболее значимых для проникновения в тенденции развития нашей науки данных.

Динамика современной социологии изучалась на основе анализа основных черт развития социологической науки, особо тщательно – последних 20–25 лет. Выявлена многофакторность образующих это развитие процессов; установлены те из них, что наиболее активно дают о себе знать в последние годы; исследование показывает картину меняющейся социологии. В ней, правда, настоящие и стоящие новации редки. Вместе с тем есть определенные константы, например поиск новых общесоциологических теорий, обновление методического инструментария, изменение географии международной социологии, роль личностного фактора в руководстве

международной социологией, национальных и региональных объединений ученых-социологов, рост активности социологов бывшей научной «периферии», соперничество устремлений, амбиций. После конгресса в Гетеборге 2010 г. в разноплановых публикациях Международной социологической ассоциации (МСА) дается рельефная картина процессов в мировой социологии. Центральной темой социологического конгресса 2014 г. в японской Иокогаме организаторы сделали *проблематику неравенств*². Журнальные и книжные публикации социологов России, их активность на региональных и национальных конференциях дают возможность знакомиться с их научными, карьерными усилиями, сопутствующей продукцией. По уже имеющейся информации становится ясным, что разговор на конгрессе о перспективах развития социологии найдет предметное продолжение.

Важно остановиться на определении того, что понимается под *современной социологией*, в частности – ее временных рамок. Автор нижеследующего текста исходит из того, что современная социология представляет собой этап развития социологии протяженностью в несколько последних десятилетий. Точнее, исходный рубеж ее отсчитывается – тоже весьма условно – «от Парсонса». «От» – это повсеместное массовое распространение в 1950-е годы теории социального действия Парсонса, впоследствии ставшей системной теорией, превращенной в теорию современной эпохи как «модернизацию» определенного типа. С конца 1950-х теория модернизации подвергалась жесткой критике как заблуждение ученого. Кризис «западной» социологии, провозглашенный Ч.Р. Миллсом и А. Гоулднером, оставлял некую, оказавшуюся в итоге эфемерной, надежду на «восточную» социологию, на социологию СССР и Восточной Европы, опирающуюся на социальные идеи К. Маркса. Парсонс эту фигуру не признавал важной для социологической науки. Попутно замечу, что крах реального социализма в СССР и в мире заметно подорвал актуальность данной группы идей в качестве долгосрочной перспективы современной социологии. Т. Парсонс оказался в положении, в котором, с одной стороны, его подходы использовались преобладающим, если не подавляющим, большинством социологов, но, с другой – он же подвергался резкой критике, его теории дали основание говорить о грядущем кризисе западной социологии. Эта критика сопровождалась выдвиганием новых общесоциологических теорий, целого ряда «поворотов», шла интеграция в социологию новых массивов знания и подходов. Уже тогда, например, обозначился глубокий интерес к неевропейским культурам и цивилизациям (К. Гирц, Э. Шилз, несколько позже – С. Холл и др.).

Есть целый ряд свидетельств тому, что «после Парсонса» в социологии наступила полоса не кризиса, а скорее роста. «После Парсонса» мы видим в истории социологии несколько десятков крупных ученых, многие из которых ныне вошли в классический канон социологии. Но имплицитная в идее кризиса западной социологии мысль об иной, другой социологии осталась в повестке дня; в 1990-е годы ее стали связывать с также возникшей в русле критики идей Парсонса социологией постколониальной; мировая социология стала трактоваться в виде *мейнстрима* и *периферии*.

За последние примерно 10–15 лет к сложившимся в послепарсоновской социологии тенденциям прибавился (или интенсифицировался) ряд относительно новых процессов. В них угадывается возникавшая по ходу истории социологии примерно трижды (возникновение социологии, новые представления о ее теории и методологии времен спора о методах, выступление Т. Парсонса с новой теорией и методологией) ситуация наложения подвижек в мировой истории на устремления социологов, обществоведов. На этой основе вновь и вновь стала возникать тема «иной» социологии, с течением времени все явственнее формируя фон событий и процессов, определяющих облик современной социологии и ее перспективы.

Как и всегда в истории, движимой людьми с их страстями, предпочтениями, интересами и ценностями, данное правило персонифицируют *активные действия социологов*, мотивируемых каждый собственными соображениями. Актеры в социологической науке (точнее – агенты), надо заметить, нередко не лишены амбициозности³ в деле накопления научного капитала и карьерного роста. Актуализируя тематику своих исследований, многие занимают активную публичную позицию в обеспечении решения болезненных социальных проблем, которые современный мир преподносит ученым. Сегодня, по-видимому, следует вести речь о выделяющемся за последние годы своей организаторской активностью М. Буравом (США). В бытность его вице-президентом по национальным организациям в Международной социологической ассоциации и теперь, в роли президента МСА, он предпринял ряд важных для мировой социологии действий. Наиболее значимыми, на мой взгляд, представляются осуществленные в МСА по его инициативе шаги, расширившие для стран исторически сложившейся социологической «периферии» возможности занять достойное место в своих странах и в мировой науке.

Место и роль М. Буравого на данной исторической развилке рельефно проявились в его полемике с бывшим с 2004 по 2008 г. президентом МСА П. Штомпкой⁴. Довольно резкий обмен мнениями

между учеными завершился без видимых издержек. Но сопутствующие их столкновению подспудные движения не прекратились, формируя черты новой ситуации в мировой социологии. С одной стороны, подавляющее большинство (если не все) в сообществе социологов признали неоспоримость приоритетной роли максимально высоких профессиональных стандартов в современной и всякой другой социологии, да и в науке в целом. С другой стороны, права гражданства после подобного спора получает публичный поиск иной социологии. Очевидно, этот поиск выходит в большинстве своих параметров за пределы ситуации в постпарсоновской социологии, сложившейся к концу XX в.

Важным итогом спора следовало бы считать интериоризацию в сообществе социологов сознания гибельности для социологической науки выхода за пределы стандартов науки и профессионализма. Отрадно, что эту позицию эффективно представил и защитил профессор Н.Е. Покровский⁵, к сожалению, знакомый с такой ситуацией и по внутрироссийским раскладам в социологической науке. Правда, возможность рецидивов «революционаризма» (обвинение Штомпки в адрес Буравого) в современной социологии и в окружающем ее мире я бы не исключал.

Думается, в дальнейшем, в том числе в Июкогаме, личностная сторона процессов, сопровождающих развитие социологии, получит значимое продолжение. К тому же в ситуации возникновения подобных споров решающую роль, как правило, играет научная аргументация,двигающая вперед науку. В данном отношении серьезного интереса заслуживает наполнение аргументации сторон упомянутого (как и всякого) конфликта достижениями научной мысли, приближающимися к совершенству (excellence), о чем напомнили нам ученые в дебатах вокруг выступлений Буравого и Штомпки⁶. Если же обратиться к социологии в странах бывшей периферии, там лишь складываются необходимые (для достижения совершенства) предпосылки. Есть сознание возможностей и реальности поисков в данном направлении, попытки формулировать опирающиеся на «иные» реалии теоретические, методологические, а также методические подходы. Заметно растет количество и качество исследований той социальной реальности, в которой живут социологи и их сограждане во всех частях света. Наконец, есть примеры демонстрации недостаточности сложившихся в мировой социологии теорий, методов, решений для адекватного требованиям современности понимания, объяснения, интерпретации социальной реальности этой части мирового сообщества.

По достигнутому уровню труды этой группы социологов можно оценить как *заявку* на возможный и желаемый авторами прорыв к новому качественному состоянию своей и всей мировой социологии, прежде всего – в плане теории. Будет ли или нет реализована эта заявка, зависит от ряда факторов, в частности от талантов и мастерства ученых, а также от макроситуации в мире и конкретных регионе, странах. Не секрет: когда грохочут пушки, музы и наука молчат – во всяком случае наука социальная.

Обращу внимание коллег еще на одну личностную грань прогресса теоретической социологии, содействовавшей развитию процессов на «периферии» социологии в описываемом направлении на протяжении последних минимум 15–20 лет. Речь идет о культурном (культуральном) повороте в социальных науках, ассоциируемом по большей части с работами С. Холла, М. Арчер и особенно Дж. Александера⁷. Для социологии их настойчивость в придании культуре ранга *независимой переменной* во всяком социальном исследовании нельзя недооценивать. Аргументируя и отстаивая свои позиции, они фактически открыли перспективу равноправного статуса для устремлений ученых в бывших колониях и зависимых странах с учеными стран, образующих традиционное «месторазвитие» (выражение, в частности, П.Н. Милюкова) социологии.

Наряду с личностными импульсами движения вперед современной социологии важнейшей основой происходящих в ней перемен выступают фундаментальные *сдвиги в современном социальном мире*. Они образуют и меняют рамочные условия функционирования современной социологии, с одной стороны, и выступают как объект исследовательского интереса социологов – с другой. Мир меняется трудно; болезненно формируются новые черты его облика, в том числе социального. Свое видение этих перемен руководство МСА описало в презентации проведенного им в 2013 г. мероприятия так: «Три последних десятилетия характеризуются драматическими переменами на земном шаре. Можно идентифицировать минимум три их измерения. Первое относится преимущественно к экономике, включая в себя экспансию капитализма по всему миру в результате роста интеграции национальных экономик в некий глобальный рынок и доминирование экономической либерализации. Второе измерение – политическое по природе – относится к народным восстаниям, требованиям демократических реформ в рамках транзита от колониальных/коммунистических/автократических/авторитарных режимов. Третье измерение – социальное по природе – относится к политике и движениям, пытающимся преобразовывать социальные отношения неравенс-

тва, унаследованные от прошлого»⁸. Экономические и социальные неравенства не могут не отражаться в уровнях развития социологической науки разных стран, тем более что во многих из них нет достойного социологического и университетского образования.

В споре Буравого с П. Штомпкой было еще раз привлечено внимание к большим разрывам в уровнях развития социологии в разных странах, на разных континентах. «Из 192 государств – членов ООН только 55 имеют национальные социологические ассоциации, являющиеся членами МСА. Лишь в немногих из остальных есть активные национальные ассоциации, и это указывает на то, что социология там слабая либо ее вообще нет. Многие страны Африки, Латинской Америки, Азии лишены такой роскоши, как наличие факультетов социологии в их университетах. В других случаях социология существует лишь под зонтиком других факультетов»⁹. Выраженные неравенства – особенно в развивающихся странах – создают серьезные вызовы их стабильности, подчеркнули в выступлении на одном из форумов МСА российские социологи¹⁰. Изменения исторически сложившихся иерархий и асимметрий развития социологии часто находятся в начальной стадии. Поскольку перечень сдерживающих причин велик, временные рамки реальных изменений к лучшему едва ли будут быстрыми. Но заметного интереса к этим проблемам на конгрессе в Иокогаме можно ожидать.

Социологи просто не могут стоять в стороне от процессов в социальном мире, в разной мере участвуя в них (главным образом как аналитики) и тем самым создавая основы для перемен в карте своей науки. Эти перемены находят двойное продолжение в социологии: а) критика нынешней социальной реальности в мире и отдельных странах, а также на всех уровнях социальной жизни, б) прогнозирование возможных перемен, включая ожившие в последние годы поиски практических («реальных») утопий¹¹.

На содержании и организации конгресса в Иокогаме не могут не сказаться произошедшие в последние годы *институциональные изменения* в нашей науке, в известной мере инициированные М. Буравым. Активизирована и стала заметно более разноплановой и регулярной работа руководства МСА с национальными ассоциациями. Доступные практически во всех концах нашей планеты информационные ресурсы социологической науки пополнились, что следует особо подчеркнуть, рядом фактически общедоступных электронных изданий. Новые акценты очевидны в работе журналов МСА «Current Sociology» и «International Sociology». Там за последние годы произошла рутинная ротация редакционного ру-

ководства. Заметно также стремление придать этим изданиям действительно всемирный охват путем анализа того, как в трудах социологов отражены актуальнейшие проблемы современного мира – финансовый и экономический кризис, массовые миграции, придавшие остроту проблемам идентичности, безработица, вспышки насилия и революционные выступления. Стало больше публикаций авторов, пишущих о проблемах бывшей периферии. Целеустремленно формируются специальные рубрики по данной проблематике, налажен выпуск номеров журналов с рецензированием книг социологов стран, лежащих за пределами Европы и Северной Америки. Появились первые тематические аналитические обзоры литературы (International Sociology. 2013. № 2, 5–6). С учетом дороговизны доступ к электронным версиям периодических публикаций МСА сделан бесплатным. С издательством «Пейдж» ведутся переговоры о свободном доступе и публикации книг, монографической продукции.

М. Буравой сумел прибавить динамики этой тенденции, внедряя в практику взаимодействия и общения членов профессионального сообщества новые информационные технологии, которыми располагает МСА¹². С сентября 2010 г. МСА выпускает пять раз в год на 15 языках электронный бюллетень «Глобальный диалог» (Global Dialogue)¹³. Функционирует блог «Университеты в кризисе» (www.isa-Sociology.org/universities-in-crisis/), помещающий сообщения из разных стран о трудностях конкретных университетов, о повсеместно ощущаемом кризисе образования. Реализуется экспериментальный курс *Global Sociology, Live!* (глобальная социология живьем). В нем известные социологи всего мира излагают свое видение различных аспектов глобальной социологии перед студенческой аудиторией. Архив курса доступен на сайте: www.isa-Sociology.org/global-Sociology-live/. Запущен электронный журнал *ISA eSymposium* – преимущественно для молодых членов МСА, предоставляющий доступ к статьям в режиме online. Ряд лет функционирует *Sociopedia.isa*. Здесь публикуются тематические обзоры по специальным полям социологического знания – социология протестных движений, социальных конфликтов, гендера и половых ролей, катастроф, здоровья и болезней, обзоры литературы о диаспорах, памяти, мобильностях, повседневной жизни, рефлексивности и т. п. – всего освещено 35 тематических полей. Планирует МСА развивать *sociotube* (www.isa-Sociology.org/sociotube/) – короткие видеорассказы о том, что реально означает профессия социолога в условиях конкретных стран. Есть идея, принадлежащая М. Буравому и

сделавшая его фигурой мировой социологии, *создать дигитальную сеть публичной социологии.*

Новации есть и в работе известных ресурсов МСА, таких как журналы «Current Sociology» и «International Sociology». В них рутинная ротация руководства сопровождалась концентрацией усилий на действительно всемирном охвате проблем современного мира и отразилась в публикациях социологов всех регионов планеты. Среди авторов публикуемых статей стало больше ученых, пишущих о проблемах бывшей периферии, целенаправленно формируются специальные рубрики по данной проблематике. Тематические аналитические обзоры литературы знакомили с трудами, редко попадающими в поле внимания авторов, выступающих в изданиях социологического издательства. Достигнуты договоренности с издательством «Пейдж» о расширении свободного доступа в Интернете к монографиям по социологии, снижении стоимости книг по социологии для членов МСА. Впрочем, и это мы знаем по положению в российской социологии, не должно создаваться излишне оптимистической картины ее институционального развития. Упомянутые выше кризисные явления в университетах мира столь же выражены и в нашей стране, постоянно давая о себе знать и в положении социологии (сокращение часов, невысокие зарплаты, изъятие этой дисциплины из учебных планов, проблемы набора студентов на бюджетные места и др.).

Конечно, заметное отражение в работе конгресса в Йокогаме займут острые проблемы современности. Тем более что: а) М. Буровой сделал многое, чтобы идея публичной социологии завоевала себе сторонников среди ученых, б) экономический и финансовый кризис, порожденные им социальные протесты, движения, революционные события в арабских странах – далеко не исчерпывают перечня такого рода социальных явлений, в) конгресс сделал своей главной темой социальную проблему неравенств. Развитие современной социологии в значительной, даже решающей, мере представляет собой результаты взаимодействия науки с этим меняющимся, турбулентным миром. Перемены, сдвиги в нем – один из главных факторов динамики мировой и отечественной социологии. Социологическая наука, ее конкретные исследования, измерения процессов и явлений современного мира, верификация данных образуют специфику социологии, дают ей определенные преимущества в поле наук об обществе и человеке.

Современные исследования «по горячим следам» в России и современном мире позволяют социологии реализовывать свой общественно значимый, публичный, а также теоретический потенциал, требуя развития всех компонентов научного знания. Примером

может служить реакция сообщества социологов на «арабскую весну»; ее проблематика обсуждалась на ряде международных форумов социологов, стала предметом публикаций, в том числе монографических. Так, Дж. Александер рассмотрел предпосылки, ход и последствия событий в Египте через призму разработанных им теорий «перформанса» и «культуральной социологии»¹⁴. С другой стороны, в повестку дня сессии одного из исследовательских комитетов конгресса в Иокогаме включено рассмотрение значения теоретических работ Дж. Александера в создании оригинальных теорий на материале Восточной Азии (Китай, Япония, Корея, Тайвань)¹⁵. Социологи стран вне Западной Европы и Северной Атлантики благодаря «культуральной» социологии¹⁶ получают возможность включать в построение новых теорий потенциал своих стран, культур, цивилизаций, порой более древних, нежели европейские.

Что касается российской социологии, ее состояние в канун конгресса стороны в имевшей недавно место полемике оценивали по-разному, выдвигая свои обоснования и аргументы. Однако подчеркну, что негативные последствия практик советского времени в нашей науке изживаются медленно. Сохраняются разрывы в уровнях развития разных разделов социологического знания (в частности, отставание в «большой теории»). Осознание этого факта массой отечественных социологов прокладывает себе путь медленно, с трудом. Не способствует развитию социологии отсутствие единой национальной ассоциации, которая бы объединила членов сообщества российских социологов. Вот характеристика этой составляющей нашей социологии, данная на конференции национальных ассоциаций МСА летом 2013 г.: «...политизация поля социологии, идеологизация социологов – наряду с различиями в понимании ими своей профессии – соперничество за экономические ресурсы ведут к расколу в сообществе, членству рядовых социологов в нескольких организациях, ведут к идеологическим стычкам. Авторитарный поворот в российской политике дал шанс предпринимателям от социологии попытаться сделать социологию приводным ремнем националистической идеологии, правой рукой властвующей элиты, обеспечивающей ей идеологическое оправдание»¹⁷.

Все это сказывается на общественной роли нашей науки. В частности, на уровне правительства страны и президентского окружения заметны трудности в понимании социальных проблем – в отличие от экономических, или, как принято говорить с советских времен, – социально-экономических. Это такие практически важные вопросы, как социальная справедливость, разрывы и неравенство, этнофобия и национализм, апатия и недоверчивость, пробле-

мы культуры и др. Все это напоминает сюжеты трудов, в частности, Э. Дюркгейма, связанные с интеграцией и солидарностями, не говоря уже о более поздних идеях субсидиарности¹⁸. Не прорабатываются перспективные проблемы развития общества. Нельзя не видеть тревожных ограниченностей в понимании политическим классом страны возможностей социологии, откровенно корыстной ее идеологизации при полном игнорировании того потенциала нашей науки, который не несет немедленной и заметной прибыли. Не решается проблема владения иностранными языками. И так далее.

Отдельно привлечь внимание к взаимодействиям и коллизиям современной социологии на стыках (или, как сейчас говорят, – в интерфейсе) со смежными (а порой и не очень, например, нейрофизиология¹⁹) научными дисциплинами. На предыдущем конгрессе в Гетеборге многие докладчики обращались к теме междисциплинарных взаимодействий как реальному источнику развития социологии²⁰. В настоящее время, например, довольно продуктивно идут взаимодействия социологии с исторической наукой и психологией²¹. Экономический кризис после 2008 г. внес своеобразный вклад во взаимодействия социологии и экономической теории. М. Зафировский (США) ставит вопрос об иррациональности значительной части положений, образующих основу современной экономики²². При этом он опирается, в частности, на длительную полемику в социологии по поводу теории рационального выбора. Он также ссылается на целую теоретическую традицию в западной экономической науке, в частности на В. Парето – экономиста и социолога, убежденного в преобладании нелогических действий в поведении акторов экономики. Действительно, разве рациональны биржевые игры, пузыри с финансами и недвижимостью, офшорные махинации, демонстративное потребление, «финансализации» экономик, наконец, в условиях огромных неравенств в современном мире, о чем будут говорить участники конгресса в Иокогаме, и т. п.? Если изрядный процент лежащих в основании экономической науки положений – результат иррационального выбора, а не рационального, очевидно, от этих элементов нужно избавляться, и как можно скорее, в том числе в институтах образования.

Выводы. Тенденции перемен в современной социологии, которые следует ждать и отслеживать в материалах очередного конгресса МСА, сложились в послепарсонсовское время. Их ядро – социологические теории, среди которых наряду с теориями, развитыми и предложенными Парсонсом, еще десяток-два социологов-теоретиков, тем или иным образом отталкивавшихся от его наследия. Их усилиями, а также вследствие оформления «постколониальной» и фе-

министской социологии, культурного, исторического и ряда других поворотов, трудами сотен авторов, вдохновляемых перспективой решения острейших социальных проблем своего времени, создали отличную от времени Парсонса ситуацию в социологии. Она изменилась в главном: определилась тенденция, которая может представлять собой новый этап истории нашей дисциплины. Новым же этот этап может стать в случае, если главные разделы социологической науки обретут новые основания – культурно-цивилизационные, методологические, теоретические. Признаки возможности движения в данном направлении, как аргументировалось выше, есть в наличии.

Социологический конгресс в Иокогаме в этом отношении даст новый материал для анализа хотя бы потому, что пройдет в Восточной Азии, в стране с серьезной для этого региона социологической традицией. Наибольший интерес под таким углом зрения, как и прежде, будут представлять выступления крупных ученых с идеями и, возможно, проектами, касающимися решения острых социальных проблем современного мира. В этом смысле фигура очередного президента и состав руководства МСА – как и обстоятельства выбора этого набора фигур – будут интересны для наблюдателей: продолжатся ли обозначившиеся в последние годы тенденции, или для них наступит некая пауза, сколь энергично будут действовать новые руководители социологической ассоциации. Проблемы в интерфейсе мира «модерна», мира развивающегося и некоего иного мира, к которому идет человечество, будут так или иначе решаться. Очевидно, что большую роль в этом ином мире будут играть страны, многомиллиардное население которых наиболее нуждается в обновлении социального бытия. Там неизбежно будут концентрироваться усилия социологов, генерируя события, выводящие нашу науку на новый уровень. Отказ от ныне практикуемых социологических теорий и методологии не представляется вероятным; скорее они будут реконцептуализированы в свете «иных» культурных, цивилизационных подходов к социальному. Интерес представляют также результаты реализации и наращивания возможностей новой информационно-коммуникационной техники; новые и неожиданные подвижки на стыках различных отраслей научного знания, культур и цивилизаций. Не будут обойдены вниманием препятствия на этом пути – ресурсные ограничения для науки и высшего образования большинства стран современного мира, расколотого глубокими неравенствами, все более осознающими значение этого фактора. Эти наблюдения помогут социологам еще раз проверить себя, сомневаться в достаточности своих усилий, критиковать достигнутое, осознать неполноту своего знания.

- ¹ XVIII ISA world congress of Sociology // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-Sociology.org/congress2014/> (дата обращения: 25.07.2013).
- ² *Cosa Elisaga P.* Лицом к миру неравенства. Предложения к дебатам социологов // Социологические исследования. 2012. № 5.
- ³ Собственно амбициозность можно понимать и как выражение меры агентных (-ских) качеств конкретного ученого; к тому же она – в известной мере – ресурс ученого.
- ⁴ Битва гигантов: дебаты о международной социологии // Социологический ежегодник. 2011 / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 11–47.
- ⁵ *Покровский Н.Е.* «Пациент отказался от госпитализации», или В защиту социологии // Социологический ежегодник. 2011. С. 27–40 ('Patient Refused Hospitalization' or 'In Defence of Sociology' // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2. № 2).
- ⁶ *Uys T.* Excellence and Balance: Producing Sociology that Matters // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2. № 2; *Alexander J.C.* Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2011; *Archer M.* On the Vocation of Sociology as Morphogenesis Intensifies // *Global Dialogue*. 2013. Vol. 3. № 1; *Bauman Z.* On the Vocation of Sociology in Liquid Modernity // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2. № 5.
- ⁷ Jeffrey Alexander in East Asia // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-Sociology.org/congress2014/rc/rc.php?n=RC16> (дата обращения: 09.10.2013).
- ⁸ Third ISA Conference of the Council of National Associations. Sociology in times of turmoil: Comparative approaches. Ankara, Turkey, May 12–17, 2013 // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-Sociology.org/ankara-2013/> (дата обращения: 21.12.2012).
- ⁹ *Буравой М.* Последний позитивист // Социологический ежегодник. 2011. С. 27–40.
- ¹⁰ *Мансуров В.А., Черныш М.Ф.* Социальные неравенства как вызов развивающимся обществам // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-Sociology.org/ankara-2013/abstracts/Abstracts-Ankara-2013%2051.pdf> (дата обращения: 16.10.2013).
- ¹¹ *Wright E.O.* Envisioning Real Utopias. L.: Verso, 2010.
- ¹² *Burawoy M.* The ISA Embraces the Digital World // *Footnotes*. 2011. July–August. Vol. 39. Issue 6.
- ¹³ *Романовский Н.В.* Новый проект МСА – е-бюллетень «Глобальный диалог» // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 123–128.
- ¹⁴ *Alexander J.C.* Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2011.
- ¹⁵ Jeffrey Alexander in East Asia.
- ¹⁶ Есть иной вариант перевода «cultural Sociology» по Дж. Александеру – культурсоциология.

- ¹⁷ *Zdravomyslova E.* Why are there so many sociological associations in Russia? // International Sociological Association. URL: http://www.isa-Sociology.org/ankara-2013/abstracts/Abstracts-Ankara-2013_%2052.pdf (дата обращения: 16.10.2013).
- ¹⁸ К примеру, социологу ясно: этнофобии, исламофобия везде содействуют усилению крайне правых и фундаменталистов. Будем ждать взрыва с этой стороны?
- ¹⁹ *Шкурко А.В.* На пути к нейросоциологии // Социологические исследования. 2011. № 4; *Pickersgill M.* The social life of the brain: Neuroscience in society // Current Sociology. 2013. Vol. 61. № 3.
- ²⁰ *Kuo S.J.* The Oneness of Human Nature and its Origins in the Society: A Buddhist Perspective // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-Sociology.org/congress2010/isa-göthenburg-2010-book-of-abstracts.pdf> (номер тезисов 2010S01426) (дата обращения: 22.12.2012); *Lee S.-C.* 'Gender Education' is like 'Nan-Nu Yu-Pieh'? Deconstructing Harmony and Respect in a Confucian Society // Ibid (номер тезисов 2010S01487); *Ortiz Barba I., Cortes Guardado M.A.* The New Eugenics: A Challenge to the Contemporary Sociological Paradigms // Ibid (номер тезисов 2010S01945); *Tripathi P., Mishra P.* Contemporary Theoretical Scenario in Sociology and the Possibilities of Indian Contribution // Ibid (номер тезисов 2010S02708); *Vargas Masedo R.* Incorporating Art as a Means to Transcend Determinism // Ibid (номер тезисов 2010S02788).
- ²¹ *Доган М.* Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10.
- ²² *Zafirovsky M.* Beneath rational choice: Elements of 'irrational choice theory' // Current Sociology. 2012. Vol. 61. № 1.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО С ПОЗИЦИИ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

Статья представляет результаты социологического исследования «Профессиональная коммуникация в социологическом сообществе». Профессиональные коммуникации в исследовательском сообществе рассматриваются с позиции сетевого подхода. Единицами анализа выступают социологические центры и коллективы России. Результаты проведенного сетевого анализа позволяют сделать вывод о преобладании связей типа «заказчик–исполнитель» между столичными и региональными исследовательскими компаниями.

Ключевые слова: профессиональное социологическое сообщество, сетевой подход, анализ социальных сетей, столичные и региональные исследовательские центры.

Профессиональные коммуникации внутри научного сообщества являются как *показателем*, так и *фактором* развития любой науки. Для российского социологического сообщества вопросы наличия, интенсивности, специфики профессиональных связей обусловлены существованием широкой географической сети исследовательских организаций, разных внутренних групп. Актуальность изучения профессиональных связей за последние годы возрастает вследствие происходящих изменений на рынке исследовательских услуг: появление новых компаний и объединение существующих, распространение сетей крупных компаний на региональном рынке и появление на нем самостоятельных «местных» игроков.

Отношения между отдельными участниками и более крупными единицами (исследовательскими коллективами, центрами, компаниями) социологического сообщества могут быть рассмотрены с позиций сетевого подхода, направления, активно развивающегося в настоящее время в социологии и других социальных науках. Его цель – изучение *образцов связей между индивидами, организациями*

или институтами для того, чтобы выявить, как социальные структуры возникают на основе взаимодействий субъектов и влияют на эти взаимодействия.

Сетевой подход является междисциплинарным направлением и основан на работах в области антропологии, экономики, политологии, социальной психологии, социологии, активно развивающихся со второй половины XX в. Развитие сетевого подхода обусловлено также использованием математических подходов и компьютерных алгоритмов в 1970-е годы, результатом которого стало становление особой сетевой методологии – *методологии анализа социальных сетей*. В рамках этой методологии отдельные индивиды или компании могут быть представлены в виде узлов сети (в виде вершин графа), а отношения между ними – в виде связей (ребер).

Методология сетевого анализа уже успешно применялась для изучения профессионального сообщества социологов. В частности, можно выделить работу Г.С. Батыгина и Г.В. Градосельской (НИУ ВШЭ) «Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий», масштабные работы сотрудников Европейского университета в Санкт-Петербурге, выполненные под руководством М.М. Соколова.

В ходе исследования «Профессиональная коммуникация в социологическом сообществе» – инициативного проекта, реализованного в декабре 2012 г. Исследовательской группой ЦИРКОН совместно с порталом Социологос.ру, – получены данные по связям между социологическими центрами и коллективами *как самостоятельными единицами анализа*. Исследование было нацелено на получение информации о механизмах и каналах профессиональной коммуникации в российском социологическом сообществе, а также на сравнение полученных результатов с данными аналогичного исследования, проведенного ЦИРКОН в 2002 г.

Предметом исследования стала сложившаяся в социологическом сообществе *практика профессиональных коммуникаций*, в том числе *способы коммуникации в профессиональной среде и ее основные каналы*. Рассматривались некоторые особенности как *личных профессиональных контактов руководителей социологических и маркетинговых организаций и коллективов*, так и *контактов между компаниями*. В качестве объекта исследования выступили руководители и заместители руководителей социологических и маркетинговых центров и коллективов России. Сбор информации проходил через массовый онлайн-опрос по формализованной анкете, к участию в исследовании приглашались руководители и организа-

ций, представленных в Базе данных ЦИРКОН «Социологические центры и коллективы России».

Всего в исследовании 2012 г. приняли участие 178 респондентов. Из них 56 человек (31%) являются представителями столичных исследовательских компаний, вузов и академических институтов (Москва и Санкт-Петербург), а остальные 122 (69%) представляют региональные исследовательские организации. Лишь 15% всех респондентов являются представителями вузовско-академической социологии, а 80% представляют прикладной (коммерческий) сектор. В исследовании 2002 г. приняли участие 149 респондентов, из них 33 человека (22%) были представителями столичных центров, а 116 (78%) – региональных, 19% респондентов относились к вузовско-академическому сегменту, а 81% – к прикладному. Таким образом, в обоих исследованиях было опрошено сопоставимое число респондентов в сопоставимых пропорциях столичных/региональных и вузовских/прикладных сегментов исследовательского рынка.

В исследованиях 2002 и 2012 гг. респондентов просили указать исследовательские центры, проводящие социологические/маркетинговые исследования, от которых их организация чаще всего в той или иной форме получала социологическую/маркетинговую информацию, а также исследовательские центры, которым их организация подобную информацию передавала (в течение последнего года). При этом центры делились на столичные (относящиеся к Москве и Санкт-Петербургу) и региональные. Таким образом, социологические центры предстали в виде самостоятельно действующих акторов, характеризующихся определенными связями и моделями отношений с другими акторами.

Рабочей гипотезой исследования 2012 г., основанной на косвенных свидетельствах роста объема отношений «заказчик–исполнитель» между региональными центрами, было предположение о том, что структура связей между исследовательскими центрами за 2002–2012 гг. поменялась – помимо вертикальных связей между столичными и региональными центрами, которые были основными в 2002 г., в 2012 г. появились горизонтальные связи на региональном уровне.

Для проверки этой гипотезы данные были проанализированы при помощи методологии анализа социальных сетей. Данные по связям компаний-респондентов со столичными и региональными центрами в 2002 и 2012 гг. были обработаны с помощью программы для анализа и визуализации социальных сетей NodeXL. Каждому центру-респонденту были приписаны все указанные им центры,

безотносительно к тому, были ли они отмечены им как получатели или как отправители информации. Таким образом, важным был сам факт наличия связи между центрами. В результате по данным 2002 и 2012 гг. были построены ненаправленные социальные графы (графы, в которых ребра не имеют направлений), где узлами (вершинами) выступали центры, а ребрами – наличие связи между ними.

Для каждой вершины (центра) были подсчитаны различные сетевые характеристики: число связей, различные виды центральности. Для каждого графа были подсчитаны минимальные, средние и максимальные величины указанных выше показателей вершин, а также основные характеристики – количество узлов и связей и плотность (соотношение наблюдаемых и возможных связей). Подсчет сетевых характеристик для каждой из вершин (центра) позволил выделить те из них, которые лидируют по количеству связей с другими вершинами (исследовательскими организациями). При этом заметим, что при определении позиций за основу был взят показатель, фиксирующий число связей, направленных к актору (т. е. число случаев, когда центр был указан другими центрами). Списки компаний с наиболее высокими показателями направленных на них связей представлены в таблице (2012 г.).

Всего в исследовании 2002 г. фигурировало 384 центра (182 столичных и 202 региональных), а в исследовании 2012 г. – 259 (117 столичных и 142 региональных). Из них в исследовании 2002 г. более семи связей имели 22 компании, тогда как в исследовании 2012 г. число лидеров заметно сократилось: только 11 центров были названы получателями/отправителями исследовательских данных не менее семи раз.

В 2002 г. выделялось три центра с наиболее высокими показателями числа входящих связей – ФОМ, ВЦИОМ, ГФК Русь (35, 31 и 26 соответственно). В исследовании 2012 г. выделяются четыре компании – ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, ЦИРКОН (44, 34, 33, 28 соответственно). Таким образом, самые высокие показатели имеют именно *столичные компании* (хотя стоит отметить и присутствие некоторых региональных центров в общих списках).

Таблица

Центры с наибольшим количеством входящих связей, 2012 г.

№	Название центра	Degree	In-degree	Out-degree
1	ВЦИОМ	48	44	6
2	Левада-центр	34	34	0
3	ФОМ	40	33	9
4	ЦИРКОН	31	28	5
5	ГФК Русь	21	18	3
6	TNS Россия	14	14	0
7	ИС РАН	18	13	7
8	SynovateComcon	11	11	0
9	РОМИР	10	10	0
10	Ipsos Russia	7	7	0
11	Фонд социальных исследований (Самара)	9	7	2

Другим важным вопросом для рассмотрения является *общая структура взаимосвязей* между исследовательскими центрами. В ходе исследования было выделено три вида возможных связей между центрами – «центр–регион», «центр–центр» и «регион–регион» – и подсчитан вклад каждого из них в структуру связей 2002 и 2012 гг. Согласно полученным данным, в 2002 г. связи «центр–регион» действительно преобладали и составляли 65%; дальше шли связи «регион–регион» (27%) и «центр–центр» (9%). В 2012 г. связи «центр–регион» составили 59%, связи «центр–центр» – 23%, а связи «регион–регион» – 18%. Однако кажущееся увеличение числа связей между компаниями Москвы и Санкт-Петербурга («центр–центр») можно объяснить различиями в выборках 2002 и 2012 гг. – в 2002 г. только 22% (33 респондента) были представителями столичных центров, тогда как в 2012 г. – 31% (56 респондентов). При этом доля связей «центр–регион» осталась почти без изменений. Таким образом, о значимых изменениях в структуре взаимосвязей между центральными и региональными компаниями пока говорить не приходится, наиболее значимый объем по-прежнему имеют вертикальные связи столичных и региональных компаний.

В ходе анализа были визуализированы связи центров друг с другом за 2002 и 2012 гг. Построенные графы наглядно продемонстрировали, что наиболее частым типом связей между большинством столичных и региональных центров являются вертикальные связи «центр–регион».

Общий вывод, который можно сделать по результатам проведенного исследования, заключается в том, что исследовательская гипотеза, основанная на предположении об увеличении числа связей типа «заказчик–исполнитель» между региональными центрами, не подтвердилась. Судя по данным представленных к обсуждению исследований, положение связей между региональными и столичными центрами за 2002–2012 гг. качественно не изменилось – ключевыми по-прежнему остаются связи «центр–регион». Это означает, что *большинство региональных исследовательских компаний по-прежнему в основном выступают исполнителями исследований (подрядчиками) для столичных центров.*

Таким образом, с помощью применения методологии сетевого анализа в ходе исследования было составлено представление об общей структуре связей между различными исследовательскими центрами, преобладающих моделях взаимодействий между центрами, а также выявлена динамика этих отношений за 2002–2012 гг. Это позволяет сделать вывод о продуктивности применения сетевого подхода для будущих исследований коммуникаций в профессиональных сообществах.

А.В. Кученкова

О МЕТОДЕ КАЧЕСТВЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ*

В статье рассматривается один из основных вариантов метода качественного сравнительного анализа (qualitative comparative analysis, QCA), основанный на использовании нечетких множеств (fuzzy set QCA), предложенный Ч. Рейджином. Раскрываются алгоритм поиска закономерностей и методическая специфика данного метода. Возможности его применения в социологии демонстрируются на примере изучения детерминант обобщенного доверия.

Ключевые слова: качественный сравнительный анализ, нечеткие множества, qualitative comparative analysis, fuzzy set.

Метод качественного сравнительного анализа (КСА) был предложен американским социологом Ч. Рейджином в конце 1980-х годов в качестве средства формализованного сравнительного анализа объектов при исследовании средних по объему выборок (от 10 до 50 объектов)¹. За прошедшие три десятилетия метод КСА получил широкое распространение в политологических, социологических, экономических исследованиях на макро- и мезоуровнях; он использовался для сравнительного анализа стран, организаций, предприятий, национальных меньшинств, административных единиц страны или региона и др.

Высокая популярность, приобретенная методом в социальных науках, объясняется рядом его особенностей. Как и большинство средств анализа данных, КСА может использоваться в различных исследовательских ситуациях: для установления причинно-следственных связей, типологизации объектов, поиска факторов и т. д.

© Кученкова А.В., 2014

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Логико-комбинаторные методы как средства типологического анализа в социологии» (проект № 14-03-00279а).

Изначально КСА предназначался для реализации *причинного анализа*, поскольку он позволяет устанавливать детерминанты явления путем обнаружения достаточных и необходимых условий его возникновения на основе сравнения объектов, которым данное явление присуще. КСА позволяет устанавливать закономерности (детерминанты) в виде комбинаций значений независимых признаков.

Другая отличительная черта КСА – возможность изучения *эквифинальности* – установления нескольких причинных объяснений для одного и того же явления (разных детерминант для определенного значения целевого показателя). Тем самым КСА направлен на поиск и формирование не единой усредненной модели, предоставляющей общее объяснение для всех объектов, а нескольких вариантов детерминант одного и того же явления, характерных для различных подгрупп объектов. Эта особенность КСА тесно связана с другой – возможностью обнаруживать разные детерминанты для каждого из значений целевого показателя, т. е. поиск закономерностей основывается на предположении об *асимметричности причинных отношений*.

С практической точки зрения важным преимуществом КСА является ориентация на работу со «средними» по объему выборками (10–50 объектов), когда объектов слишком мало для применения традиционного статистического анализа и слишком много для классического сравнительного кейс-стади, подразумевающего сопоставление объектов «вручную». Однако количество объектов не является ограничением для применения КСА, он может использоваться и для анализа больших массивов (как будет продемонстрировано на примере далее).

Существует три варианта метода качественного сравнительного анализа: для четких множеств (с использованием только дихотомических переменных), для многозначных переменных и для нечетких множеств (когда объекты описываются через степени принадлежности к тому или иному множеству). Первый и последний алгоритмы получили наибольшее распространение. Примеры использования первого представлены не только в зарубежных, но и в отечественных журналах². В данной статье мы сосредоточимся на КСА с использованием нечетких множеств. Последний представляет особый интерес для социологических исследований, поскольку позволяет преодолеть главное ограничение первой версии КСА (для четких множеств), рассчитанной на использование только дихотомических переменных. При оперировании нечеткими множествами объекты могут быть описаны с помощью многозначных

переменных, в том числе измеренных на интервальном и абсолютном уровнях.

Теория нечетких множеств, разработанная еще в 1960-х годах³, нашла широкое применение в различных отраслях науки и практики, в социологических исследованиях она только начинает получать распространение, о чем свидетельствуют немногочисленные примеры статей в специализированных социологических журналах⁴. Специфику и суть нечетких множеств легко проиллюстрировать при сопоставлении их с традиционными, четкими множествами. При использовании последних для описания объектов допускается только два статуса: полная принадлежность и непринадлежность множеству (например, Германия является членом Европейского союза, а Россия – нет). В то время как при оперировании нечеткими множествами объекту может быть приписана частичная степень принадлежности к множеству (в интервале от 0 до 1): например, одна страна в большей степени относится к множеству богатых стран, являясь типичным примером этой категории (со степенью принадлежности к множеству 0,8), чем другая (со значением 0,6); а третья (со степенью принадлежности 0,3) скорее не принадлежит к рассматриваемому множеству.

Для применения метода качественного сравнительного анализа с использованием нечетких множеств исходные данные (набор объектов, описанных через значения переменных) должны быть подготовлены путем их преобразования таким образом, чтобы объекты были представлены с помощью степеней принадлежности к различным множествам. Для этого применяют *процедуру калибровки* значений исходных переменных: теоретическую («вручную» приписывая степени принадлежности объектов к множествам, используя от 3 до 7 градаций) или полуавтоматическую (с помощью математических алгоритмов, получая в итоге непрерывную переменную). В результате калибровки исходных переменных получают новые, содержащие информацию о степени принадлежности каждого объекта к определенному множеству. Тем самым информация об объектах, выраженная с помощью различных индикаторов, «переводится» на язык принадлежности к множествам.

Метод качественного сравнительного анализа предназначен для поиска достаточных и необходимых условий изучаемого явления. Реализуется эта задача на «языке» теории множеств. В свою очередь, отношения между множествами подразумевают определенный тип *причинной аргументации*. Например, утверждение

«все развитые страны демократичны» означает, что множество развитых стран является подмножеством группы демократичных стран, т. е. высокий уровень экономического развития – достаточное, но не обязательное условие для демократии. В аргументации такого типа, если причина (высокий уровень развития) в наличии, то и следствие, результат (демократия) тоже. Однако примеры наличия отклика без рассматриваемой причины (демократичные страны с низким уровнем развития) не противоречат утверждению, что высокий уровень развития является достаточным условием для демократии. Напротив, эти примеры обнаруживаются из-за существования других детерминант (альтернативных объяснений) для того же отклика.

В теории нечетких множеств отношения между множествами устанавливаются путем демонстрации, что степень принадлежности объекта к одному множеству выше, чем к другому. Если для каждого объекта степень принадлежности к множеству X меньше или равна степени принадлежности к множеству Y , тогда множество X является подмножеством Y . Соответственно, условие X является *достаточным*, но не обязательным для Y , поскольку все объекты, обладающие свойством X , обладают и свойством Y (табл. 1).

Если для каждого объекта степень принадлежности к множеству X больше или равна степени принадлежности к множеству Y , тогда последнее (множество Y) является подмножеством X . Соответственно, условие X является *необходимым* (но не обязательно достаточным) для Y , поскольку все объекты, обладающие свойством Y , обладают и свойством X . В этом случае каждый раз, когда наблюдается определенное значение целевого показателя (высокая степень принадлежности объекта к множеству), оно сопровождается наличием соответствующего условия (высокой степенью принадлежности объекта к множеству, образуемому независимой переменной). При этом мы ничего не можем сказать про объекты, не обладающие рассматриваемым значением целевого показателя.

Таблица 1

Примеры достаточного и необходимого условий

С помощью КСА достаточные и необходимые условия определяются для двух противоположных состояний целевого показателя по отдельности (например, для высокого и низкого уровня демократии в странах, успешности и провала одной и той же реформы в различных регионах и т. п.). Вначале осуществляется проверка, является ли каждая из независимых переменных по отдельности необходимым условием для определенного значения целевого признака. Затем ведется поиск достаточных условий, в качестве которых могут выступать комбинации значений независимых признаков⁵.

Процедура установления достаточных условий с помощью КСА реализуется в несколько этапов. На первом этапе матрица данных представляется в виде так называемой истинностной таблицы. Для этого выписываются все логически возможные комбинации дихотомических значений независимых переменных (коли-

чество комбинаций составит 2^k , где k – количество переменных), каждая из которых выступает в роли «идеального» типа, описываемого сочетанием значений независимых переменных. Далее для каждого объекта определяется степень его принадлежности к множеству, образуемому комбинацией дихотомических значений независимых переменных. Затем объекты приписываются к тому ряду истинностной таблицы, принадлежности к которому для них выше всего. В результате объекты классифицируются, «прикрепляются» к определенным рядам таблицы, к тем «идеальным» типам, к которым они ближе всего.

На втором этапе определяется статус каждой строки истинностной таблицы. Вначале выявляют так называемые логические остатки: строки истинностной таблицы, к которым не был отнесен ни один объект (или приписано слишком мало объектов, если объем выборки большой). Эти строки исключаются из анализа. Для оставшихся вычисляют значение показателя непротиворечивости данной строки как достаточного условия для отклика (рассматриваемого значения целевой переменной). Тем самым проверяется, является ли комбинация значений в этой строке достаточным условием для проявления изучаемого явления (своеобразный «тест на достаточность» для каждой строки)⁶.

На третьем шаге осуществляется минимизация истинностной таблицы. Для тех строк, которые получили статус достаточных, возможно получить краткое описание, построить обобщение. Реализуется минимизация следующим образом: строки истинностной таблицы (прошедшие «тест на достаточность») сопоставляются между собой; если для двух строк значения всех переменных, кроме одной, совпадают, то переменная, по которой строки различаются, может быть сокращена, «удалена» как несущественная. Итоговое выражение интерпретируется как совокупность комбинаций, выступающих в роли достаточных условий для рассматриваемого значения целевого признака.

В результате процедуры минимизации можно получить три варианта решения: 1) «консервативное», если в процедуру минимизации включаются только те строки истинностной таблицы, которым был приписан статус достаточных условий для отклика; 2) «кратчайшее», если исследователь позволяет включить в процедуру минимизации не только комбинации значений, признанные достаточными условиями, но и любые строки истинностной таблицы, получившие статус «логические остатки» в том случае, если они позволяют сократить, минимизировать итоговое решение (выбор строк компьютерная программа осуществляет автомати-

чески); 3) «среднее», если в процедуру минимизации включаются те «логические остатки», которые не противоречат нашим теоретическим ожиданиям относительно влияния независимых переменных на зависимую.

«Среднее» и «кратчайшее» решения могут совпасть с «консервативным». Если они различаются, то обычно используют и интерпретируют «среднее» решение. Оно представляет собой формулу, каждая составляющая которой является достаточным условием для возникновения изучаемого явления, причинным объяснением для части объектов.

На заключительном этапе вычисляются характеристики качества полученной модели. Это показатели, отражающие степень «покрытия» модели (сколько объектов «объясняет» каждая из составляющих итогового решения и все решение в целом), а также показатель непротиворечивости модели утверждению о том, что она является достаточным условием для отклика.

Применение КСА для изучения детерминант обобщенного доверия

Для демонстрации возможностей применения метода КСА с использованием нечетких множеств он был применен для выявления детерминант обобщенного доверия. В качестве эмпирической базы использовались результаты опроса молодежи в России, Чехии, Польше, Литве, Украине, организованного Щецинским университетом (Польша) в 2010 г., посвященного изучению уровня доверия молодежи различным адресатам (от близких родственников и друзей до жителей города, большинства людей). В нашем исследовании результаты опроса используются для иллюстрации возможностей использования метода КСА, и в этой связи было принято решение рассматривать только группу московских студентов (511 чел.).

Исследовательский вопрос, который решается с помощью КСА, заключается в следующем: какие из видов доверия (межличностное, общественное, институциональное, локальное) являются достаточными и необходимыми условиями для высокого и низкого уровня обобщенного доверия? Тем самым, в качестве целевого показателя выступает уровень обобщенного доверия московских студентов (установка на доверие большинству людей, область мировоззрения); в качестве условий – уровни доверия межличностного (родственники, близкие друзья), общественного (лица, с которыми респонденты регулярно вступают в коммуникацию, но не входящие в круг близких – коллеги по работе, обслуживающий персонал в магазинах), институционального (представители про-

фессиональных групп – врачи, адвокаты, судьи, чиновники и др.), локального (жители района, города).

Эмпирическими индикаторами приведенных показателей послужили следующие вопросы-суждения анкеты. Для *обобщенного доверия*: «В общем, людям можно доверять», «Недоверие к людям является плохим качеством», «Лучше быть недоверчивым, чем доверять людям», «По отношению к людям лучше проявлять осторожность и им излишне не доверять». *Межличностное доверие*: «Меня никогда (бы) не тянуло проверить контакты/связи моего (-ей) партнера (партнерши) / мужа (жены), несмотря на его (ее) поведение», «Обычно я предполагаю, что другие со мной не уживутся», «Полное доверие в отношениях между мужчиной и женщиной обычно заканчивается изменой одного из партнеров». *Общественное доверие*: «Преподаватели на моем факультете обычно ставят оценки, руководствуясь исключительно качеством ответов студента», «Если возникает оригинальная идея, лучше не делиться ею с коллегами, пока она не будет реализована, поскольку ее могут украсть, использовать в собственных интересах», «В движении по карьерной лестнице нет места доверию, поскольку в самый неожиданный момент может оказаться, что кто-то ждет нашего прощета». *Институциональное доверие*: «Я верю, что, если я попаду в больницу, врачи сделают всё необходимое для моего здоровья независимо от моей позиции, знакомств, денег и т. д.», «В настоящее время милиция в России – это стоящая доверия организация», «Если бы мне пришлось воспользоваться услугами адвоката, он точно сделал бы всё для моего блага, несмотря на величину гонорара», «Я верю в то, что налоги, которые платят граждане России, используются правильно и эффективно». *Локальное доверие*: «Лучше, чтобы соседи знали как можно меньше о моей частной жизни», «В моем городе/районе очень мало людей, готовых участвовать в реализации общественно полезных инициатив», «Люди моего города/района для меня чужие», «Я не такой (-ая), как другие жители моего города/района». Уровни доверия для каждого респондента вычислялись как средние арифметические значений исходных эмпирических индикаторов (распределение значений исходных переменных унимодальное, эмпирические индикаторы коррелируют с итоговым показателем). В результате значения полученных показателей изменяются от 1 до 5, где 5 соответствует высокому уровню доверия, а 1 – низкому.

Для применения метода КСА исходные данные были преобразованы: все пять показателей уровней доверия были откалиброваны. Значение пяти исходных переменных соответствовало пол-

ной принадлежности множеству респондентов с высоким уровнем доверия, значение одного – полной непринадлежности (низкому уровню доверия), значение 3,1 – точке максимальной неопределенности (когда невозможно определить, является ли данное значение свидетельством принадлежности к множеству или нет). Осуществлялась процедура калибровки с помощью программы fsQCA.

На основе полученной матрицы «объект*признак» (где в качестве значений признаков выступают степени принадлежности респондентов к множествам лиц с высоким уровнем доверия) была сконструирована истинностная таблица (табл. 2). В ней представлены 10 из 16 возможных логических комбинаций дихотомических значений четырех условий (четырёх видов доверия), каждый респондент отнесен к одной из строк в зависимости от того, к какой из них для него выше степень принадлежности (к какой комбинации значений объект ближе). К шести комбинациям (1010, 1011, 0110, 1111, 0111), не включенным в таблицу, было приписано слишком мало респондентов, т. е. в нашей базе данных встретилось немного (по отношению к общему количеству объектов) примеров комбинаций значений четырех видов доверия, соответствующих этим строкам.

В первую очередь осуществлялось установление *необходимых* для высокого и низкого уровней доверия условий. По результатам анализа (выполненного в программе fsQCA) было определено отсутствие необходимых условий для высокого уровня обобщенного доверия. Для противоположного значения целевого показателя зафиксировано два необходимых условия: низкий уровень общественного доверия (степень непротиворечивости составляет 0,92) и низкий уровень институционального доверия (степень непротиворечивости – 0,94). Анализ необходимых условий позволяет сделать вывод о том, что у каждого респондента, обладающего рассматриваемым значением целевого показателя, в наличии либо первое, либо второе обязательное условие (низкий уровень институционального или общественного доверия) вне зависимости от значений остальных признаков. Однако мы не можем утверждать, что эти условия по отдельности являются достаточными для проявления низкого уровня обобщенного доверия у респондентов, поскольку, возможно, они становятся таковыми только в сочетании с другими условиями. В этой связи процедура анализа данных продолжается поиском достаточных условий.

На следующем этапе для установления достаточных условий определялось, какие строки истинностной таблицы включать в процедуру минимизации. В качестве достаточных условий высо-

Таблица 2

Истинностная таблица для установления достаточных условий
высокого/низкого уровня обобщенного доверия

№ п/п	Вид доверия	Установление достаточных усло- вий <i>высокого</i> уровня обобщенно- го доверия				Установление достаточных усло- вий <i>низкого</i> уровня обобщенного доверия				
		Межличностное	Общественное	Институциональное	Локальное	Межличностное	Общественное	Институциональное	Локальное	
1	1	1	1	0	1	0,936	0,56	0	0,901	0,35
2	1	1	1	0	0	0,933	0,62	0	0,865	0,28
3	0	1	0	1	1	0,929	0,49	0	0,919	0,43
4	0	1	0	0	0	0,916	0,46	0	0,913	0,45
5	0	0	1	0	0	0,922	0,33	1	0,956	0,61
6	0	0	1	1	1	0,920	0,35	1	0,949	0,58
7	1	0	0	0	0	0,853	0,41	1	0,866	0,49
8	1	0	0	1	1	0,827	0,32	1	0,881	0,52
9	0	0	0	0	0	0,814	0,25	1	0,914	0,62
10	0	0	0	1	1	0,777	0,20	1	0,914	0,65

кого уровня доверия были признаны строки № 1–4 (комбинации значений 1101, 1100, 0101, 0100), поскольку степень непротиворечивости для них как достаточных условий высокого уровня обобщенного доверия очень высока, а показатель «product»⁷ выше, чем для ситуации низкого уровня доверия. С помощью аналогичных рассуждений оставшиеся строки (№ 5–10) были определены как достаточные условия для проявления низкого уровня обобщенного доверия.

По результатам минимизации комбинаций значений, являющихся достаточными условиями для высокого уровня обобщенного доверия (1101, 1100, 0101, 0100), было получено следующее решение: «*10*» – сочетание высокого уровня общественного доверия с низким уровнем институционального. Степень «покрытия» этого решения составляет 0,59, степень непротиворечивости – 0,88.

Для низкого уровня доверия в процедуру минимизации были включены комбинации 0010, 0011, 1000, 1001, 0000, 0001. В результате минимизации получено следующее решение: «*00* или 00**» – комбинация низкого уровня общественного доверия с низким уровнем институционального и сочетание низкого уровня межличностного доверия с низким уровнем общественного. Степень «покрытия» этого решения – 0,89, степень непротиворечивости – 0,76.

Полученный результат свидетельствует о том, что для *высокого* уровня доверия достаточным условием является сочетание высокого уровня общественного доверия и невысокого уровня институционального. Тем самым очевидна ведущая роль доверия коллегам и тем, с кем приходится вступать в повседневный контакт, в формировании обобщенного доверия (большинству людей), поскольку даже при низком уровне институционального доверия у респондентов сохраняется положительное восприятие большинства (в области мировоззрения установка на доверие людям). В то время как для *низкого* уровня обобщенного доверия достаточным условием является сочетание низкого уровня общественного доверия с низким уровнем институционального либо с низким уровнем межличностного доверия. Тем самым установка на недоверие большинству может обуславливаться двумя аспектами: спецификой восприятия широкого окружения индивида (которое и предопределяет отношение к большинству путем экстраполяции опыта общения с представителями различных профессий, коллегами на все общество в целом) или первичностью недоверия близким людям (предопределяющего «тотальное» недоверие всем, а не только большинству). Принимая во внимание результаты анализа обязательных условий и сопоставляя закономерности, полученные для высокого и низко-

го уровней обобщенного доверия, можно отметить, что везде (во всех установленных закономерностях) присутствует общественное доверие. Высокие значения последнего оказались связаны с высоким значением целевого признака, и, наоборот, низкий уровень именного общественного доверия является обязательным, но недостаточным условием для высокого уровня обобщенного доверия. Тем самым этот вид доверия (абстрактному большинству) определяется отношением респондентов к кругу лиц, не являющихся для них близкими друзьями и родственниками, но с кем приходится вступать в повседневные коммуникации.

Заключение

Метод качественного сравнительного анализа с использованием нечетких множеств представляет собой уникальный подход к анализу данных. Он позволяет работать с небольшими по объему выборками в ситуациях, когда статистические методы неприменимы; выявлять закономерности в виде комбинаций значений признаков, сохраняя целостность описания объектов, учитывая комбинаторный характер детерминант явлений; обнаруживать различные причинные объяснения для одного и того же явления, конструируя так называемые причинные типологии, предлагая несколько разных детерминант для подгрупп объектов. Безусловно, как и любой метод, он обладает рядом ограничений (в частности, затруднения при работе с большим количеством переменных, представление закономерностей в виде достаточно длинных выражений). Тем не менее метод КСА занимает собственную нишу среди прочих средств и алгоритмов анализа данных в социологии, предлагая оригинальный инструмент обработки данных.

Примечания

¹ *Ragin C.C.* The comparative method. Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1987; *Schneider C.Q., Wagemann C.* Set-Theoretic methods for the social science: a guide to qualitative comparative analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 350 p.; *Configurational comparative methods: qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques / Ed. by B. Rihoux, C.C. Ragin.* Thousand Oaks, CA: SAGE, 2009. 205 p.

² *Кученкова А.В.* Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа // Вестник РГГУ. 2013. № 2 (103). Серия «Социо-

- логические науки». С. 218–232; *Кученкова А.В., Татарова Г.Г.* Стратегия применения логико-комбинаторных методов в процедурах типологического анализа // Социология: методология, методы, математические модели. 2013. № 36. С. 7–35.
- ³ *Zadeh L.* Fuzzy sets // Information control. 1965. Vol. 8. P. 338–353; *Заде Л.А.* Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе // Классификация и кластер. М.: Мир, 1980. С. 208–247.
- ⁴ *Мухамдшова О.Р.* Построение и анализ социограмм на основе нечеткой логики // Социология: методология, методы, математические модели. 2000. № 12. С. 154–172; *Баранов Л.Т., Птушкин А.И., Трудов А.В.* Нечеткие множества в экспертном опросе // Социология: 4М. 2004. № 19. С. 142–157.
- ⁵ Для реализации метода КСА с использованием нечетких множеств можно использовать программу fsQCA (доступна бесплатно по адресу: www.compass.org) или R.
- ⁶ Значение показателя непротиворечивости вычисляется по формуле: непротиворечивость $(X_i \leq Y_i) = (\min(X_i, Y_i)) / (X_i)$, где X_i – степень принадлежности объекта к множеству X, Y_i – степень принадлежности объекта к множеству Y. Значение показателя должно быть не ниже 0,75–0,8 для того, чтобы комбинация значений могла быть рассмотрена в качестве достаточного условия.
- ⁷ При обработке большого массива данных одна и та же строка истинностной таблицы может обладать высоким значением непротиворечивости при рассмотрении противоположных значений целевого показателя, в результате комбинация, соответствующая этой строке, будет претендовать на включение ее в процедуру минимизации как для высокого, так и для низкого значения целевого признака. В этой ситуации необходимо руководствоваться значением показателя «product», включить строку истинностной таблицы в процедуру минимизации для того значения целевого признака, для которого показатель «product» будет иметь более высокое значение.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЕРСИИ ПОНИМАНИЯ

В статье делается попытка разобраться в понятии «социальные технологии», приводятся определения социологов, работающих в разных предметных полях, имеющих разные научные интересы. Указанные трактовки и интерпретации термина позволили углубиться в проблематику применения социальных технологий в управленческих науках.

Ключевые слова: социальные технологии, управление, технологизация, планируемый результат, организация.

Статья посвящена анализу понятия «социальные технологии» (далее – СТ) и уточнению этого термина с учетом возможности его применения в сфере управления деловыми организациями. В рамках данной статьи автор попытался: 1) выявить, при каких условиях возник термин «СТ»; 2) какой смысл имел этот термин изначально и как изменились представления о нем сегодня; 3) разобраться с тем, какие точки зрения на содержание СТ существуют сегодня, по каким основаниям различается данный термин и чем эти различия обусловлены; 4) дать корректное определение СТ в контексте задач, связанных с управленческой деятельностью в деловой организации, в рамках менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР).

Появление, становление термина «СТ» и формирование его новых интерпретаций связаны с поэтапной адаптацией термина к различным предметным областям, сферам социальной практики и к различным жанрам практической деятельности. Термин восходит к работам К. Поппера, который рассматривает СТ как инструмент социальных изменений, созданный в социальной науке и ориентированный на решение задач социальной практики. В дальнейшем этот термин получил осмысление в работах зарубежных и отечественных социальных философов, социально ориентированных специалистов-практиков (социологов, психологов, позже полито-

логов), которые работали в сфере управленческого консультирования и менеджмента в сфере УЧР. При этом содержание термина в значительной мере размывается.

Чтобы поднимаемая проблема стала очевидной, приведу несколько достаточно известных трактовок понятия «социальные технологии». Так, для К. Поппера СТ – это метафора, введенная для обозначения процесса, предполагающего использование положений социальных теорий в процессе изменения общества и его социальных институтов¹. Для Н. Стефанова СТ – это тип технологии, под которой понимается всякая воспроизводимая деятельность, направленная на достижение цели. Социальная составляющая СТ связана с принадлежностью к сфере управления, а также с тем, что объектом воздействий СТ являются социальные процессы². Для М. Маркова СТ – тоже разновидность технологии, которая трактуется как способ (или инструмент) организации этой деятельности. При этом Марков считает, что для этого способа организации деятельности типично, во-первых, расчленение сложного процесса на систему предписанных взаимосвязанных процедур, во-вторых, то, что выполнение этих операций обязательно. Таким образом, признаком СТ, как и любой технологии, для него выступает определенный уровень алгоритмизации и стандартизации процедур³. Что касается представления о социальной специфике СТ, то она, как и у Стефанова, связывается со всей сферой управления. Для Афанасьева СТ – это разновидность технологии, элемент системы управления и инструмент практической деятельности в сфере социального управления, специфику которого он видит в переводе языка социальной науки на конкретный язык практики (в данном случае управленческой)⁴.

В.С. Дудченко рассматривал СТ как продукт социального проектирования. По функции он определял СТ как средство обеспечения процессов воспроизводства или совершенствования процессов деятельности и типовых процедур управления. Фиксируя разнообразие типов СТ, он включал в их перечень широкий набор средств управления: методики подбора и оценки кадров, сценарии проведения имитационных игр, способы моделирования процессов в социальных объектах и т. д.⁵

А.К. Зайцев определял СТ как совокупность специфических знаний о способах и средствах организации социальных процессов. Сферой применения СТ он считал управление, рассматривая СТ в контексте обеспечения процессов управления, специфику которых он связывал с задачей достижения цели. Социальную специфику СТ он объединял с воздействием СТ на социальные процессы. При

этом он понимал ее достаточно широко – практически все управление для него выступало социальной сферой. Он считал, что человек в ней становится объектом постоянного целенаправленного воздействия⁶.

Для В.К. Тарасова, который не использовал термин «СТ», а говорил о персонал-технологиях, последние представляли собой набор стандартизированных и алгоритмизированных процедур, выступающих инструментом, используемым в практике управления персоналом с целью повышения качества подготовки управленческих решений. Социальная специфика последних связывалась с тем, что эти технологии применяются в сфере работы с персоналом⁷.

Для Т.М. Дридзе СТ были специфическим инструментальным средством, применяемым для решения типовых задач, возникающих в сфере социально-проектной деятельности и являющихся продуктом этой деятельности. В качестве примера СТ она рассматривала технологии «прогнозного (или проблемно-целевого) социального проектирования». Этот тип технологий она напрямую связывала с выработкой эффективных образцов решений перспективных социальных проблем, возникающих в управленческой сфере при реализации намеченных целей, рассматриваемых в контексте социально-экономического развития. Одной из основных функций СТ она считала проблему повышения обоснованности принимаемых управленческих решений, которые связывались ею с предварительным (предшествующим принятию решения) получением прогнозов поведения объекта в привязке к разным версиям реализации альтернативных проектов решения.

Для В.В. Щербины СТ – это разновидность технологий, понимаемых в широком смысле как стандартизированные средства организации и рационализации практической целенаправленной управленческой деятельности, которые при решении типовых задач гарантируют достижение заданного результата, как и любая технология задает порядок и содержание операций. Объектом технологизации СТ выступает деятельность. Социальная специфика СТ связывается с предметной областью социологии и сопрягается с решением задач по совершенствованию «социальной организации предприятия». СТ выступали как продукт разработок, осуществляемых в сфере проектно-технологической деятельности, преимущественно на базе положений социологии. Будучи инструментом управления, СТ рассматриваются как связанные с управленческими решениями и на этом основании делятся на две группы: а) направленные на подготовку решений – сфера диагностики; б) направленные на реализацию решений – сфера реализации⁸.

Г.Д. Никредин тоже рассматривал СТ как разновидность технологии и способ (форму) организации и управления. Специфику СТ он видел в системе последовательно осуществляемых действий, ориентированных на достижение ожидаемого результата. Социальную специфику СТ он связывал с тем, что они направлены на воспроизводство социальных отношений и решение задач управления. Объектом управленческих воздействий в его модели выступали любые социальные объекты (личность, трудовой коллектив, органы управления региона и т. д.)⁹.

В.М. Иванов рассматривал СТ как важный элемент управления, выполняющий прежде всего инновационную функцию, и определял их как систему методов, направленных на выявление и использование скрытых потенциалов социальной системы, что обеспечивало получение заданного социального результата при наименьших управленческих издержках. Рассматривая СТ как тип технологий, он определял их как заданную совокупность операций и алгоритм деятельности. В качестве целей СТ он называет: а) улучшение условий жизни людей; б) предотвращение социального конфликта; в) укрепление социальной организации¹⁰.

Для В.И. Подшивалкиной, занимающей в вопросе о природе и функциях СТ четкую антисциентистскую позицию, СТ, будучи инструментом практической деятельности, всегда направлены на удовлетворение потребностей людей, но в отличие от производственных технологий они не основываются на научных открытиях. В ее представлении СТ – это специфический тип технологий, который напрямую не связан с социальными науками, а опирается на обыденное повседневное знание. Социальную специфику СТ она видит в специфике социальной жизни, которая слабо онтологизирована и определена. В то же время Подшивалкина считает, что и в этом виде СТ являются средством осуществления контроля за социальными процессами в управлении¹¹.

Ж.Т. Тощенко рассматривает СТ как термин, применимый к сфере управления, привязывая его: а) к сфере управления обществом в целом; б) к управлению конкретными организациями; в) к управлению другими социальными объектами. Рассматривая СТ как тип технологий, он определяет их как совокупность последовательных операций и процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов), направленных на достижение реального социального результата. Базовым для определения СТ он считает термин «технология» в его исходной трактовке. Смысл СТ – оптимизировать управленческий процесс через рационализацию деятельности¹².

В представлениях И.Т. Касавина СТ – это практические инструменты регуляции социальной деятельности. Природа и специфика СТ могут быть поняты лишь при принципиальном разведении технологического и интеллектуально-ценностного начал. Он выделяет два типа производственных технологий: а) технологии, основная функция которых – рационализация деятельности, опирающейся на технические науки (ориентированные на обеспечение эффективности деятельности); б) сложившиеся социальные практики, базирующиеся на повседневном знании и опыте. Касавин полагает, что в СТ пока еще не различают термины «социальные практики» и «настоящие технологии». По его мнению: а) разработка СТ сегодня не связана с использованием знаний и методов, наработанных в рамках наук о человеке и обществе; б) в структуре социальных наук сегодня фактически нет социотехнического блока (однако его создание автор в принципе считает возможным)¹³.

Л.А. Маркова делает термин «технология» базовым при определении СТ, но противопоставляет его термину «техника», считая, что техника создается по законам естествознания и призвана увеличивать возможности человека. СТ она рассматривает как способ использования не технических, а социальных систем (государство, социальные институты, организации). Функцию этих систем Маркова связывает с обеспечением продолжительности и устойчивости их функционирования. СТ, по ее мнению, выступают как любые регуляторы социальной жизни. К ним относятся любые механизмы, обеспечивающие работу социальных институтов (законы, правовые нормы, правила, принятые правила, традиции). Исследовательница не связывает функцию рационализации деятельности с социальными науками¹⁴.

Б.Г. Юдин, говоря об СТ, исходит из представления о важной роли технологий в жизни современного общества. Технологию он понимает как всякую воспроизводимую деятельность. Считает, что СТ – это средство информационного воздействия. В качестве примера эффективных СТ Юдин приводит исключительно электронные технологии, считая их признаком прямого воздействия на поведение человека. Он обращается к дихотомии «естественное–искусственное», к противопоставлению двух установок сознания – «натуралистической» и «деятельностной» и выделяет два типа науки: науку фиксаций реальности и науку вмешательств, воздействий, экспериментов. Считает, что логика традиционного процесса получения социально-гуманитарных знаний неадекватна проектным задачам и СТ должны строиться на принципах проектирования реальности¹⁵.

Как видно из перечня приведенных определений СТ, философы, ученые и практики так и не пришли к единой формулировке данного понятия. Чтобы выяснить, как проходило становление социальных технологий, обратимся к истокам этой проблемы. Если говорить о причинах разного понимания сущности СТ, то первой из них является различие в понимании термина «технология». Может быть, единственной сходной точкой для всех специалистов в понимании термина «СТ» является то, что они рассматривают социальные технологии как тип технологии и сферу их применения – как практическую деятельность.

Для одних специалистов термин «технология» рассматривается как универсальный, и применительно к социальной сфере он является аналогом того понимания термина, которое сложилось в сфере материального производства (техническая сфера) (Н. Стефанов, В.Г. Афанасьев, В.В. Щербина, В.Н. Зайцев).

Для других термин применительно к социальной сфере радикально отличается от того его понимания, которое сложилось в сфере техники и материального производства (В.И. Подшивалкина, Л.А. Маркова, Б.Г. Юдин, И.Т. Касавин, Г.П. Щедровицкий). Для тех специалистов, которые рассматривают данный термин как универсальный, его содержание, как правило, связано с задачами рационализации деятельности. Речь должна идти о неких изменениях, которые ведут к повышению эффективности. И в этом плане основанием для формирования технологии всегда выступает полноценная экспериментальная наука.

Для специалистов, которые рассматривают технологию в социальных науках иначе, чем технологию в технических науках, специфика социального взгляда на технологию заключается в том, что: 1) СТ вообще не является наукой. Сторонники этой позиции считают, что создатели СТ апеллируют не к положениям науки, а к обыденному сознанию и повседневным практикам людей (к примеру, В.И. Подшивалкина); 2) технология трактуется не как результат использования положений науки и проектно-конструкторской деятельности, но как закрепление существующих социальных практик (Б.Г. Юдин).

Важные основания, по которым просматриваются существенные различия, – это признаки специфики технологий. Для одних авторов специфика технологий состоит в том, что, будучи продуктом использования специальных теорий в сфере практики, в отличие от научной теории, где фиксируются научные закономерности, выраженные в понятиях, в технологиях представлена совокупность норм, ориентиров деятельности и предписаний, регулирую-

щих деятельность (В.Г. Афанасьев). Для других авторов в качестве технологий могут быть рассмотрены любые формы организации деятельности, которые ведут к достижению цели. Для третьих в качестве таковых выступают только те способы организации деятельности, которые гарантируют достижение определенного заданного результата (В.В. Щербина). Еще одним признаком любой технологии является расчленение сложной деятельности на поэтапные формы деятельности.

В качестве других важных оснований, по которым фиксируются различия социальной специфики СТ, выделяются следующие.

1. Представление о социальной специфике СТ серьезно различается у разных специалистов. В качестве признаков социальной специфики СТ называют то, что: в их основе лежат положения любой из существующих социальных теорий (К. Поппер); они призваны влиять на протекающие социальные процессы (Н. Стефанов); они ориентированы на позитивное изменение социальных объектов (Г.Д. Никредин).

2. Представление о сходстве или различии СТ с другими видами технологий. Большая часть специалистов придерживается точки зрения, что свойства и признаки СТ и производственных технологий идентичны по функции и признакам. В качестве такой функции они рассматривают организацию и рационализацию деятельности на базе знаний, разработанных в рамках социальных наук, а в качестве признаков – алгоритмизацию деятельности, простоту, надежность, гарантию достижения заданного результата и т. д. Этой точки зрения придерживаются М. Марков, В.С. Дудченко, Т.М. Дридзе, Д.В. Зайцев, В.В. Щербина и другие. В то же время определенная часть философов и ученых рассматривают СТ как нечто принципиально отличное от традиционного управления и не связанное с рационализацией деятельности, а скорее связанное с воспроизведением существующих социальных отношений. Они апеллируют не к знаниям, созданным в рамках социальных наук, а либо к повседневным обыденным знаниям, либо к ценностям. Данная точка зрения наиболее явно представлена в работах Л.А. Марковой и, в определенной степени, просматривается у В.И. Подшивалкиной и Б.Г. Юдина.

3. В качестве объекта технологизации специалисты рассматривают: социальные процессы (Н. Стефанов); деятельность (В.В. Щербина, Г.Д. Никредин); человеческое поведение (Б.Г. Юдин, В.Н. Иванов).

4. Представление о сфере применения СТ. По этому основанию все авторы сходятся в том, что СТ применяются в социальной практике, но часть специалистов рассматривает в качестве сферы применения СТ управление. Этой точки зрения придерживались В.В. Щербина, В.С. Дудченко, Т.М. Дридзе, С.А. Карташов, Н.К. Маусов, Г.Д. Никредин, Ж.Т. Тощенко и другие; другая часть специалистов рассматривают наряду с управлением и сферу политики (В.Н. Иванов, В.И. Патрушев, Б.Г. Юдин и другие).

5. По основанию выполнения СТ инновационной функции. Ряд специалистов (В.К. Тарасов, В.В. Щербина и другие) считают, что в основе СТ лежат отработанные образцы деятельности, а сами СТ создаются под повторяющиеся рутинизированные задачи. Для других специалистов (В.Н. Иванов, Г.П. Щедровицкий, Ж.Т. Тощенко) характерна попытка выделения инновационных функций СТ.

6. Понимание основной функции СТ. Большинство специалистов, работающих в практике управления (по аналогии с другими типами технологий) связывают основную функцию СТ с проблемой рационализации управленческой деятельности. Этой точки зрения придерживаются В.Г. Афанасьев, М. Марков, В.В. Щербина, Г.Д. Никредин, В.Н. Иванов и другие. Другие специалисты (В.И. Подшивалкина, Л.А. Маркова, Г.П. Щедровицкий) исходят из представления, что СТ не связаны с рационализацией деятельности, а скорее направлены на воспроизводство социальных отношений.

7. Представление о связи СТ с положениями социальных наук. Для большинства специалистов (В.Г. Афанасьев, Н. Стефанов, М. Марков, А.К. Зайцев, В.В. Щербина, Г.Д. Никредин и другие) корни формирования СТ лежат в социальных науках, хотя сфера их реализации – социальная практика. Так, для Афанасьева формирование СТ связано с переводом языка науки на язык практики; для Щербины СТ тоже напрямую связаны с положениями социальных наук (прежде всего социологии), но специфика СТ изначально связана не с познавательной деятельностью, но с преобразующей и корректирующей социальной практикой. Но существует и мнение, что специфика СТ связана не с положениями социальных наук, но с повседневным обыденным знанием и повседневной практикой. Этой точки зрения с разными обоснованиями придерживаются В.И. Подшивалкина и Л.А. Маркова. СТ как инструмент, работающий с проблемой социальных изменений, не может быть построен на знаниях об устройстве социальных отношений. Эти отношения есть продукт проектирования на основе ценностей (Г.П. Щедровицкий, Б.Г. Юдин).

Подводя итоги рассмотрения содержания термина «социальные технологии», можно прийти к выводу, что значение термина существенно различается в привязке к политической и управленческой практике. Поскольку нашей задачей было рассмотрение термина «СТ» в привязке к задачам управления (а точнее менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами), то мы связываем задачи СТ с рационализацией управленческой деятельности и рассматриваем социальные науки как полноценные поведенческие науки, создающие экспертное знание. Соответственно, социальные технологии: а) являются алгоритмизированным средством практической деятельности; б) созданы под задачи управления; в) построены на основании знаний, разработанных в рамках социальных наук; г) рационализируют определенные направления управленческой деятельности в сфере УЧР и в сферах, связанных с организационными изменениями; д) гарантируют достижение заданного результата при соблюдении технологических предписаний; е) отличаются надежностью, валидностью, простотой и возможностью их тиражирования; ж) связаны с подготовкой и реализацией управленческих решений, принимаемых с целью укрепления и развития социальной подсистемы регуляции человеческого поведения в деловых организациях.

Примечания

- ¹ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. С. 54.
- ² *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М., 1977.
- ³ *Марков М.* Теория социального управления. М., 1978.
- ⁴ *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1986.
- ⁵ *Дудченко В.С.* Инновационные игры. Таллин: Валгус, 1989.
- ⁶ *Зайцев А.К.* Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М., 1989.
- ⁷ *Тарасов В.К.* Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров. Л.: Машиностроение: Ленингр. отд-ние, 1989. 367 с.
- ⁸ *Щербина В.В.* Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. 1990. № 8.
- ⁹ *Никредин Г.Д.* Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 1990.
- ¹⁰ *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. М., 2004. С. 17.
- ¹¹ *Подшивалкина В.И.* Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев: Центральная типография, 1997.

- ¹² *Тощенко Ж.Т.* Социология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 587.
- ¹³ *Касавин И.Т.* Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. Вып. XXXI. № 1. С. 52–55.
- ¹⁴ *Маркова Л.А.* Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ // Там же. С. 64–72.
- ¹⁵ *Юдин Б.Г.* Социальные технологии, их производство и потребление // Там же. С. 55–64.

Город и село в социологическом измерении

Н.М. Великая, Н.И. Белова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДАХ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

В статье дается обзор законодательных и финансовых оснований культурной политики в малых и средних городах России, представленных в федеральном, региональном и местном законодательстве, в бюджетах регионов и городов; на основе экспертного опроса анализируются позиция экспертного сообщества относительно состояния культурной сферы в малых и средних городах и перспективы проводимой культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, культурная сфера, малые и средние города.

Возникающая потребность оценить перспективы развития культуры в малых и средних городах России связана с необходимостью формирования нового взгляда на культуру как ресурс общественного развития.

К сожалению, в последние годы в области управления культурными процессами доминировал подход, рассматривающий культурную сферу социума как второстепенную, что сказалось и на финансировании культурной сферы, и на методах управления ею. В наиболее сложной ситуации оказались малые и средние города России. К началу нулевых состояние культуры в них оценивалось как катастрофическое: и в плане поддержания действующих учреждений культуры, и в плане развития инфраструктуры.

Между тем развитием именно малых и средних городов (где проживает порядка 27,3 млн человек) во многом определяется уровень развития региона в целом, социально-экономическое благополучие его граждан.

Содержание и основные направления культурной политики¹ в малых и средних городах России зависят от целого ряда факторов.

Признавая, что законодательство – это, безусловно, не единственный инструмент регулирования культурной деятельности, и уж точно не последний контролер качества культурного производства, стоит признать, что все-таки оно лежит в основе институциональной пирамиды, создающей условия для реализации полноценной культурной политики. В связи с этим наша исследовательская стратегия предполагала, во-первых, оценку имеющейся законодательной базы и финансового обеспечения в 23 городах РФ², а во-вторых, анализ позиции экспертного сообщества относительно культурной политики в городах³.

Здесь следует отметить, что законодательство Российской Федерации (федеральное) о культуре состоит из значительного числа законодательных и подзаконных нормативных актов, некоторые из которых относятся к регулированию общих вопросов правоотношений в сфере культуры, но значительная часть посвящена регулированию отдельных видов культурной деятельности (кинематограф, музейное дело, архивное дело и т. п.). Такой подход следует признать вполне обоснованным, так как он позволяет в полной мере учесть особенности и специфику правоотношений в каждой из областей культурной деятельности.

Очевидно, что культурная политика малых и средних городов России определяется как федеральным, так и региональным законодательством⁴.

Законодательная база включает в себя не только соответствующие статьи Конституции РФ, но и целую группу федеральных законов. Старейшим из ныне действующих законодательных актов в сфере культуры является Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»⁵, который гарантирует право человека на культурную деятельность независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств (ст. 8) и право на приобщение к культурным ценностям (ст. 12). Очевидно, что данные положения закона не находят полного воплощения в жизни российской глубинки, и жители малых и средних городов России в этом смысле находятся в довольно уязвимой ситуации, так как их доступ к культурным ценностям представляется ограниченным.

«Основы...» закрепляют и защиту государством культурной самобытности гражданина (ст. 11). Тем не менее культурная поли-

тика в том виде, в каком она реализуется, лишь в малой степени концентрируется на вопросе этнической и культурной идентификации. Не случайно из 60 экспертов, участвовавших в опросе, 10 отметили, что культурная политика должна уделять больше внимания духовным традициям, учету региональных и этнических особенностей города⁶.

Важным для нашего исследования представляется положение закона о том, что федеральные органы государственной власти и субъектов РФ обязаны учитывать культурные аспекты во всех государственных программах экономического, экологического, социального и национального развития. В указанных целях они должны подвергаться обязательной, независимой и гласной экспертизе группами специалистов в области культуры, назначаемыми совместно органами представительной и исполнительной власти соответствующих уровней. Органы местного самоуправления также обязаны учитывать культурные аспекты во всех программах и планах комплексного социально-экономического развития муниципальных образований.

Практика показывает, что реальной культурологической экспертизы на региональном уровне не проводится. Положение закона пока остается чисто номинальным. Более того, решению культурных задач в условиях проводимых в последние 20 лет реформ отводилось второстепенное значение. Доминирующим стало мнение: «Разберемся с экономикой, повысим уровень жизни населения, тогда и подумаем о культуре». Эта позиция демонстрирует не только чисто утилитарное отношение к культуре, но и примитивно-вульгарное понимание культурных процессов, согласно которому прямое финансирование может оперативно решить проблемы социально-культурного развития.

Особую роль для малых и средних городов России имеет Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁷.

За десять лет в закон было внесено более 15 поправок, однако в нем до сих пор очень много пробелов: не проработано понятие реестра, нет методики, положения, как с ним работать. Поэтому многие памятники истории и архитектуры не попадают в реестр и, соответственно, не подлежат охране. Катастрофическая ситуация с сохранением исторических центров городов, других значимых объектов стала общим местом во всех без исключения малых исторических городах России, где действия властей практически бесконтрольны ввиду отсутствия значимых институтов гражданского

общества, которые могли бы противостоять незаконному сносу культурных объектов.

Определенный позитивный эффект с точки зрения развития культурно-исторической среды в малых и средних городах дали некоторые федеральные целевые программы, направленные на поддержку отдельных отраслей культуры, в том числе «Возрождение, строительство, реконструкция и реставрация исторических малых и средних городов России», «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)», «Культура России (2012–2018 годы)». К сожалению, они охватывали очень небольшое количество городских поселений.

Федеральная целевая программа «Возрождение, строительство, реконструкция и реставрация исторических малых и средних городов России» действовала в 1990-е годы. Ее целью ставились социально-экономическое развитие исторических малых и средних городов России, возрождение и сохранение их культурного наследия, традиций, исторического архитектурного облика, восстановление и развитие традиционных производств и ремесел. Источниками финансирования выступили федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, местные бюджеты и внебюджетные средства.

К сожалению, срок действия программы ограничился 1997–2000 гг. и охватила она небольшой круг городов. В частности, в приложении к постановлению Правительства Российской Федерации от 8 июня 1996 г. № 662 предусматривалось выделение средств на возрождение, реконструкцию и реставрацию 26 городов. В том числе в перечне были города, вошедшие в нашу выборку (г. Кяхта, Республика Бурятия [328,6 млрд руб.], г. Елабуга, Республика Татарстан [1324,4 млрд руб.], г. Каргополь, Архангельская область [364,6 млрд руб.]⁸).

До 2010 г. в Российской Федерации действовала Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов [2002–2010 годы]», общий объем средств которой составил порядка 310 млрд руб.

Заметим, что отечественное законодательство часто непоследовательно. Так, согласно программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» в нашей стране значилось 478 населенных пунктов, имеющих исторический статус. Однако в 2010 г. Министерство культуры и Министерство регионального развития обнародовали приказ № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений», где были обозначены только 41 поселение, имеющие историческое значение.

Тем не менее значение федеральных программ развития культуры трудно переоценить. Почти все опрошенные нами эксперты сходятся во мнении, что федеральные программы поддержки культуры очень важны для региона, – так ответили 57 респондентов из 60: *«Без поддержки именно федеральных программ, федерального центра, поддерживать культуру невозможно, она просто умирает»* (Кинешма, эксперт 6); *«Это возможность осуществить проекты, на которые нет средств в местном бюджете»* (Саратов, эксперт 1); *«Сейчас существует система грантов, форумов, и это очень важно для отдаленных от Москвы регионов»* (Саратов, эксперт 2).

Конечно, эффективность этих программ зависит от целого ряда факторов, и экспертов не всегда устраивают формат этих программ, слабая информационная поддержка и ангажированность: *«Они распространяются на очень узкий контингент людей, то ли потому что нет обратной связи, то ли потому что стоит какой-то информационный блок: если ты вертишься в этой сфере, ты знаешь об этом... Люди вне этой политики, вне этих грантов, вне своих возможностей»* (Ставрополь, эксперт 1).

Эксперты сокрушаются, что именно до их города федеральные программы не доходят. Об этом, например, заявляют эксперты городов Нерчинск, Тотьма, Хвалынский, Кострома: *«Небольшим учреждениям из малых городов России в них сложно попасть. Мы пробовали несколько раз. Безуспешно»* (Хвалынский, эксперт 1); *«Вроде бы ты заявляешься на “Культуру России”, но, так как она финансируется из двух источников, а местный регион не дает тебе этих денег, то тогда сама эта программа проваливается. Ты не получишь этих денег без подтверждения местных властей о том, что они добавят эти 30%»* (Кострома, эксперт 1).

Региональное законодательство в целом повторяет соответствующие положения федеральных законов и лишь в малой степени содержит положения, отражающие региональные особенности (например, сохранение и развитие культуры национальных меньшинств) и стимулирующие развитие региональных культурных проектов.

Наиболее проработанное законодательство мы видим в тех субъектах Федерации, где возможности бюджета позволяют реализовывать законодательные инициативы в области культуры: от организации фестивалей до введения дополнительных надбавок работникам культуры. Лидерами законотворческой активности являются Ленинградская область, Татарстан, Пермский, Краснодарский края, где было принято порядка 5–10 законодательных и подзаконных актов в каждом, регулирующих указанную сферу⁹.

В ряде субъектов Федерации сегодня действуют региональные целевые программы в области культуры, которые определяют функционирование и развитие этой отрасли. В рамках нашего исследования такие программы были обнаружены, по крайней мере, в каждом третьем субъекте РФ, где расположены города нашей выборки¹⁰.

При этом в четверти изучаемых регионов сосредотачиваются на поддержании и восстановлении традиционных народных промыслов и ремесел. Например, целевая программа «ОЦП сохранения, возрождения и развития народных художественных промыслов в Ярославской области» (срок реализации 2012–2014 гг.).

Объемы финансирования целевых региональных программ в среднем составляют порядка 50–70 млн руб. в год. Важно подчеркнуть, что львиная доля средств региональных целевых программ направляется на объекты, расположенные в областных центрах, на поддержание исторических заповедников и проведение культурных мероприятий. Значительная часть денежных средств направляется на развитие кинематографа: обновление кинотеатров и закупку фильмов для проката.

Главным показателем ситуации в сфере культурной политики является объем финансирования. «Основами законодательства Российской Федерации о культуре», представляющими собой правовую базу бюджетного финансирования культуры, определена минимальная доля бюджетных ассигнований на культуру – 2% от федерального и 6% от областного бюджета. Однако в большинстве субъектов за последние годы удельный вес расходов отрасли культуры в общих затратах областного бюджета составляет от 1,2 до 1,8%.

Необходимо констатировать существенные региональные различия в сфере культурного развития. Согласно результатам исследования Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации «Культурный атлас субъектов Российской Федерации: региональная диспропорция и пути решения», в 2010 г. расходы на культуру, искусство и кинематографию в расчете на душу населения в среднем по регионам России составили 1260,1 руб. Разница между минимальным и максимальным уровнем финансирования культуры, искусства и кинематографии в расчете на душу населения в субъектах Российской Федерации составила более 7,5 раза. Минимальный уровень финансирования в расчете на душу населения был отмечен в Республике Дагестан, составив 473,6 руб., а максимальный – в Ямало-Ненецком автономном округе, где он был зафиксирован на отметке в 3668,5 руб.

В связи с этим следует отметить, что в 51 субъекте уровень финансирования культуры, искусства и кинематографии в расчете на душу населения был ниже среднего значения данного показателя по России в целом. За два года ситуация мало изменилась, и в 2012 г. в большинстве субъектов Федерации в России на человека приходится от 1,200 тыс. до 1,800 тыс. руб.

Что касается субъектов Федерации, где находятся города нашей выборки, то их рейтинг обеспеченности на душу населения выглядит следующим образом (в порядке убывания): Костромская область, Приморский край, Пермский край, Бурятия, Калининград, Вологодская, Ленинградская области, Республика Татарстан, Ярославская, Тверская области, Краснодарский край, Ивановская, Амурская области, Забайкальский край, Свердловская, Ростовская области, Ставропольский край, Челябинская, Архангельская, Саратовская области, Республика Дагестан.

В 2012 г. регионами-лидерами, относящимися к нашей выборке, бюджетной обеспеченности сферы культуры являются Костромская область, Приморский край и Пермский край. В них из консолидированного бюджета в среднем на душу населения приходится: 2,825 тыс., 2,524 тыс. и 2,441 тыс. руб. соответственно.

Самые незначительные затраты на культуру по анализу бюджетов мы видим в Архангельской области (0,404 тыс. руб. на чел.), в Саратовской области (0,288 тыс. руб. на чел.) и в Республике Дагестан (0,310 тыс. руб. на чел.).

В ряде регионов в настоящий момент вообще нет региональных целевых программ по культуре (Приморский край, Челябинская область). В этом случае их частично компенсируют программы развития других смежных сфер: туризма, образования и др.

Муниципальные целевые программы в изучаемых городах в сфере культуры скорее являются исключением, чем правилом. Выявленными лидерами в этой сфере являются города тех субъектов Федерации, где действуют программы регионального уровня, которые, собственно, и дополняются муниципальными программами (Кудымкар, Хвалынский, Весьегонск).

Например, в г. Кудымкар Пермской области с 2007 г. действует программа «Кудымкар – центр культуры Пермского края», целью которой является создание позитивного имиджа города. В ней задействованы административные, культурные, интеллектуальные, бизнес-образовательные, информационные ресурсы не только Кудымкара и Коми-Пермяцкого округа, но и Пермского края.

Хорошие результаты показала районная целевая программа «Развитие сферы культуры Весьегонского района Тверской облас-

ти на 2009–2011 годы», которая представляла собой совокупность наиболее значимых и эффективных проектов и мероприятий культурной деятельности, направленных на решение задач развития и реформирования культурного потенциала района. Программа в 2012 г. была продлена до 2015 г.

Несколько программ действуют в станице Каневская Краснодарского края¹¹, в Морозовске, в Кинешме¹², по одной программе – в Нерчинске, Первоуральске, Советске¹³. Особую значимость, на наш взгляд, имеет программа развития культуры в Елабужском муниципальном районе на 2012–2015 гг. и, в частности, Устав Старого города об охране культурного наследия в Елабуге, что особенно актуально на фоне разрушения памятников архитектуры в связи с точечной городской застройкой.

В трети городов нет никаких специальных муниципальных городских программ в области культуры. Так, например, Торопец, Тотьма, Дербент, обладая огромным историческим, архитектурным наследием, полностью зависят от средств федерального и регионального бюджетов.

Большая часть опрошенных нами экспертов крайне слабо осведомлены о специальных целевых программах по поддержке культуры города. Исключение представляют лишь эксперты, занимающие руководящие должности в различных учреждениях культуры (при этом экспертами называются программы, направленные на развитие той сферы культуры, которую осуществляет их учреждение), либо это эксперты руководящего состава отдела культуры.

Так, один из экспертов г. Вышний Волочок при ответе на вопрос ответил, что *«возможно, на бумаге где-то что-то и писалось. Для живущих в городе они никак не ощущаются»* (эксперт 5). Часть экспертов принимали участие в разработке программ, направленных на развитие туристической сферы, однако, по их словам, *«денег под них никто не дает... Если бы мы добились 15 лет назад содействия горадминистрации в реализации наших проектов, то сейчас бы уже имели и развитый в туристическом плане город, и эта сфера начала бы приносить доход»* (эксперт 4).

Только один эксперт из г. Кудымкара смог назвать программу, которая была реализована на уровне города несколько лет назад: *«Если “Культурную перезагрузку”* (программа “Кудымкар. Культурная перезагрузка”, которая была реализована в Кудымкаре в 2011 г. в рамках краевой программы “Пермь – территория культуры”. – *Примеч. авт.) считать за это, то только ее знаю»* (эксперт 1).

Тремя экспертами г. Кяхта был сделан акцент на программах, благодаря которым удалось восстановить и отреставрировать ряд

памятников («*федеральная целевая программа “Культура России”*» (эксперт 2)), а также «*программы по капитальному ремонту учреждений культуры... технического оснащению*» (эксперт 5). Оставшимся трем экспертам «*такие программы неизвестны*».

Все шесть экспертов г. Нерчинска отметили, что на местном уровне отсутствуют какие-либо программы по поддержке культуры города, но при этом подчеркнули, что в городе реализуются мероприятия «*через федеральные и региональные программы*». В частности, эксперты 3, 5 и 1 указали на «*федеральную программу “Культура России”, куда входит программа “Культура Забайкалья”, и в краевой программе есть подпрограмма*». Из региональных была названа программа «*Сохранение и поддержка культуры МО “Нерчинский район”*» (эксперт 1).

Эксперты г. Тотьма перечислили и федеральные («*Культура России*»), и региональные программы – «*Наше наследие*», «*Традиционная народная культура*» (эксперты 3 и 4 соответственно). При этом эксперты утверждают, что «*из-за проблем с финансированием региональная программа (Наше наследие)... не работает*». Трое экспертов упомянули программу «*библиотечного развития Вологодской области*» (эксперты 1, 3 и 4).

В качестве основной и единственной программы, которая направлена на поддержку культуры г. Хвалынска, два опрошенных нами эксперта (2 и 3) назвали районную целевую программу «*Развитие и совершенствование муниципальных учреждений культуры*».

Эксперты крупных городов продемонстрировали неравномерный уровень информированности о специальных целевых программах федерального, регионального и местного уровней.

В целом из 60 экспертов, представляющих 10 городов, 32 человека полагают, что у них в городе проводится культурная политика как составная часть региональных программ.

В большинстве городов оценочные суждения экспертов часто кардинально противоположны и мнения экспертов делятся поровну. Так, в г. Кудымкаре эксперт 3 подчеркивает пристальное внимание к учреждениям культуры со стороны руководства Пермского края: «*...видно, что люди подходят к этому серьезно*». Эксперт 1, наоборот, выражает сомнение по поводу того, что «*существующая официальная стратегия культурного развития региона работает*».

Наиболее позитивно о деятельности администрации в плане реализации культурной политики отзывались эксперты из г. Хвалынска, где четыре эксперта (1, 2, 3, 4) заявили о наличии региональной политики в области культуры: «*Наша администрация*

всегда заботится об учреждениях культуры <...> помимо поддержки они постоянные участники всех мероприятий, которые проводят учреждения культуры».

А вот в г. Тотьма ни один из шести экспертов не назвал проводимую культурную политику частью региональной стратегии. Все они заявили, что обычно в городе все ограничивается простым администрированием на местах, хотя *«деньги, которые выделяются из бюджета города на культуру, – в принципе неплохие».*

Регулирование и развитие культуры в регионах осуществляется в рамках известных схем перераспределения и освоения бюджетных денег. Координатором в этом случае выступает Министерство культуры в областной или республиканской администрации и соответствующие отделы в городских и районных администрациях.

Критикуя деятельность администрации, эксперты обращают внимание на шаблонный подход в деле управления культурой и координации культурных проектов: *«В каждом муниципалитете созданы свои программки местные по развитию культуры, по образу и подобию областной... все-таки это больше администрирование»* (например, эксперт 4, Кострома).

Возникает и тема несправедливого и неравномерного распределения и перераспределения бюджетных потоков в зависимости от соображений областной администрации. Так, два эксперта из Ивановской области подчеркивают, что *«с 2005 года в Ивановской области и денежные потоки, и усилия в сфере культуры концентрирует туда»*, *«...культурная политика только в Плесе и в Юрьевце»* (эксперты 5 и 6).

В целом приходится констатировать, что управление сферой культуры в малых городах ограничивается мерами традиционного администрирования, на основе освоения денежных средств, выделенных из вышестоящих бюджетов, что подтверждают наши эксперты.

Главной проблемой в реализации культурной политики в малых и средних городах России является отсутствие сколь-нибудь значимого стратегического планирования. Практически культурная жизнь российской глубинки определяется вкусами и интересами местных администраций, у которых никогда нет достаточных ресурсов в бюджете для оживления и оздоровления местной культурной среды.

Половина экспертов вполне адекватно оценивают усилия администрации по сохранению культурного облика городов. Подчеркивая их неэффективность, в качестве оправданий большинство экспертов назвали проблему недостаточного финансирования куль-

турной сферы малых и средних городов: *«У администрации нет финансовых возможностей для поддержания и сохранения объектов культурного наследия»* или *«В городе нет бюджета»* (эксперты 3 и 6 соответственно, г. Вышний Волочок); *«...чтобы что-то делать реальное, к сожалению, не хватает средств»* (эксперт 3, г. Тотьма).

Помимо финансовых проблем, мешающих администрациям городов в полной мере реализовывать культурную политику на местном уровне, экспертами была обозначена проблема, связанная с организацией учреждений культуры и частой сменой руководства города (эксперт 2, г. Нерчинск).

Среди экспертов крупных городов только эксперты Саратова заняли позицию, оправдывающую неуспехи администрации: *«Усилий прикладывается много... Но не хватает средств, чтобы сделать эту поддержку не только моральной»*; *«Усилия, несомненно, прикладываются. Но не всегда хватает средств»* (эксперты 1 и 6 соответственно).

Проблема недофинансирования культурной сферы выделяется экспертами всех городов в качестве основной. Среди наших экспертов преобладают те, кто *негативно* оценил усилия администрации по сохранению культурного облика региона, города.

Так, два эксперта (4 и 6) дали негативные отзывы о проекте, который реализовывался в г. Вышний Волочок при патронаже администрации: *«У администрации был проект, который возили на биеннале. Этот проект полностью убивал дух Петровской эпохи в городе»*.

Пятеро экспертов из г. Кинешма дали следующие оценки деятельности администрации города: *«плохо»*, *«средне»*, *«да никак»*, *«там все для галочки...»* (эксперты 3, 4, 1, 6 и 5 соответственно).

Негативные отзывы получила и администрация такого крупного города, как Кострома: *«отвратительно»*, *«...на твердую двойку, потому что всплывают иногда такие вещи, которые просто шокируют»* (эксперты 4 и 2 соответственно).

Положительные оценки администрациям города дала треть экспертов малых, средних и крупных городов:

– эксперты 6, 5 и 1, г. Нерчинск: *«Положительно. Администрация, и районная, и городская, старается»*; *«Считаю, что они принимают активное участие»*; *«Вообще всей сфере культуры уделяется пристальное внимание, я бы даже сказала, отеческое»*;

– эксперты 4, 5 и 6, г. Тотьма: *«Я могу оценить только положительно»*; *«...может, это и мелочью покажется вам на фоне глобальных процессов, мне импонирует, что наш главный архитектор района, который работает в администрации, он старается ут-*

верждать к застройке те проекты, которые не нарушали бы архитектурный облик нашего города»; «В общем усилия прикладывают, способствуют продвижению культуры в массы»;

– эксперты 4, 5 и 6, г. Саратов: *«...усилия прикладываются значительные, и это имеет свои результаты»; «Я положительно оцениваю усилия руководства области»;*

– эксперт 6, г. Ставрополь: *«Совершенно очевидно, что усилия есть, и это видно».*

К сожалению, в большинстве регионов отсутствуют законодательные возможности для государственно-частного партнерства в сфере культуры. Не случайно эксперты едины во мнении, что архиважной задачей сегодня остается как поддержка материально-технической базы учреждений культуры и культурных объектов, так и выделение средств непосредственно на мероприятия: *«все утирается в деньги».*

Подводя итоги, мы можем констатировать отсутствие продуманной стратегии в проведении государственной культурной политики в России, что проявляется в целом ряде негативных явлений: слабом законодательном обеспечении деятельности институтов культурной сферы; в отсутствии стратегического планирования в сфере культуры и в исключении культурного сектора из поля инноваций в стратегических планах городского развития; остаточном принципе финансирования культурной сферы; отсутствии экономических стимулов для лиц, осуществляющих проекты в сфере культуры совместно с организациями культуры; сокращении образовательных учреждений в сфере культуры и искусства; деградации кадрового состава работников культуры; преимущественном управлении культурой методами прямого администрирования; ограничении культурного планирования мероприятиями досугового характера.

Таким образом, на первый план сегодня выходит задача по созданию равенства шансов для производства и потребления культуры, представленной во всем ее многообразии видов и форм, и на всей территории Российской Федерации. Стратегия развития должна концептуально расширить модель культурной политики за счет постановки задачи по стимулированию творческой деятельности, поскольку при таком подходе культура действительно становится динамичной, изменяющейся и независимой силой.

Для того чтобы придать новый импульс культурному процессу в малых и средних городах, необходимо изменение подходов к разработке культурной политики, понимание культуры как источника

и ресурса устойчивого социально-экономического развития территории. Для этого считаем необходимым следующее.

- Для раскрытия историко-культурного потенциала малых и средних городов России принять соответствующие муниципальные, региональные и федеральные программы в области исторического туризма (федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» уже действует), но в четких механизмах реализации комплекса мероприятий, способствующих развитию туристической индустрии. В таких программах, на наш взгляд, стоит акцентировать внимание на поддержке особых секторов туризма, например связанных с традиционным кустарным производством. Целесообразно разработать систему мер, в первую очередь налоговых, по вложению инвестиций в местные производства и сферу туризма. Подобные меры повысят экономическую активность населения, создадут рабочие места, позволят снизить стоимость услуг в сфере внутреннего туризма и таким образом будут способствовать его развитию.
- Принять законодательные меры для создания частно-государственного партнерства в сфере культуры.
- Необходимо расширить сферы реализации культурных проектов в зависимости от особенностей и потребностей регионов; повысить количество культурных мероприятий, расширяя их тематику и повышая тем самым культурно-досуговую активность жителей.
- Наделить крупные районные библиотеки и дома культуры особым статусом, позволяющим им выступать в качестве инициаторов культурных мероприятий – поэтических, литературных, дискуссионных клубов, аккумулирующих вокруг себя местную творческую интеллигенцию. Обеспечить равное финансирование учреждений культуры городского и районного/областного подчинения.

Примечания

¹ Под культурной политикой в данном случае понималась часть государственной политики, обеспечивающей функционирование культуры общества, если эта политика концептуально оформлена и обоснована, базируется на определенных ценностно-смысловых основаниях, отвечает определенным целям и имеет приоритеты, соответствующие типу государства.

- ² Выборка включала в себя 23 малых и средних города во всех федеральных округах Российской Федерации (Тотьма (Вологодская обл.), Советск (Калининградская обл.), Выборг (Ленинградская обл.), Каргополь (Архангельская обл.), Кинешма (Ивановская обл.), Весьегонск, Вышний Волочок (Тверская обл.), Ростов Великий (Ярославская обл.), Хвалынский (Саратовская обл.), Елабуга (Татарстан), Кудымкар (Пермский край), Первоуральск (Свердловская обл.), Касли (Челябинская обл.), Нерчинск (Читинская обл.), Кяхта (Бурятия), Сковородино (Амурская обл.), Дальнегорск (Приморский край), Каневская (Краснодарский край), Морозовск (Ростовская обл.), Дербент (Дагестан). Для сравнения и выявления особенностей культурной политики в общий массив были включены крупные города Ставрополь, Кострома, Саратов.
- ³ Экспертные интервью по проблемам культурной политики среди 60 респондентов в 10 городах России (Саратов, Кострома, Ставрополь, Хвалынский, Кудымкар, Тотьма, Кинешма, Кяхта, Нерчинск, Вышний Волочок). В качестве экспертов выступали специалисты, включенные в реализацию культурной политики: представители муниципальной власти, музейные и вузовские работники, журналисты, лидеры общественного мнения, художественная интеллигенция (стаж работы в указанных областях – не менее 5 лет).
- ⁴ Конституция Российской Федерации (ст. 44, 71, 72) устанавливает определенные ориентиры для законодательного регулирования вопросов культуры.
- ⁵ Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/104540/> (дата обращения: 08.11.2013).
- ⁶ Кострома (эксперты 4 и 5), Кяхта (эксперты 2, 3 и 5), Нерчинск (эксперт 2), Ставрополь (эксперт 5), Хвалынский (эксперты 1, 3 и 5).
- ⁷ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения: 08.11.2013).
- ⁸ В ценах 1996 г.
- ⁹ Областной закон Ленинградской области от 23 июня 2006 г. № 105-оз «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Ленинградской области»; постановление Правительства Ленинградской области от 20 марта 2006 г. № 72 «Об утверждении Методических рекомендаций по исполнению муниципальных образований Ленинградской области полномочий в сфере культуры»; Закон Республики Татарстан от 3 июля 1998 г. № 1705 «О культуре»; Закон РТ от 12 января 2005 г. № 3-ЗРТ (ред. от 31.03.2010) «О народных художественных промыслах и ремеслах»; Закон РТ от 1 апреля 2005 г. № 60-ЗРТ (ред. от 11.03.2013) «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан»; законы Краснодарского края от 3 ноября 2000 г. «О культуре»;

от 23 апреля 1996 г. № 28-КЗ «О библиотечном деле в Краснодарском крае».

- ¹⁰ Программа развития культуры Республики Татарстан на 2014–2020 гг.; долгосрочные краевые целевые программы «Культура Кубани (2012–2014 годы)» и «Кадровое обеспечение сферы культуры и искусства Краснодарского края»; областная целевая программа «Культура Костромской области на 2011–2013 годы»; Целевая программа развития культуры Ярославской области (2009–2011 годы); ведомственная целевая программа «Бурятия: пространство впечатлений» на 2011–2013 годы; долгосрочная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Амурской области на 2011–2015 годы»; «Развитие культуры в Свердловской области в 2011–2015 годах»; долгосрочная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Амурской области на 2011–2015 годы».
- ¹¹ «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Каневского района» на 2011–2013 годы; «Кадровое обеспечение сферы культуры МО Каневской район на 2011–2013 годы»; «Духовно-нравственное развитие детей и молодежи, становление и укрепление семейных традиций в Каневском районе на 2012–2014 годы»; «Патриотическое воспитание молодежи Каневского района на 2013 год»; «Культура Каневского района (2013–2014 годы)».
- ¹² Целевая муниципальная программа «Культура города Кинешмы»; ведомственная целевая программа городского округа Кинешма «Развитие туризма в городе Кинешме»; целевая программа «Развитие материально-технической базы парка культуры и отдыха имени 35-летия Победы на 2013–2017 годы».
- ¹³ «Долгосрочная муниципальная ведомственная целевая программа “Развитие культуры в городском округе Первоуральск на 2012–2015 годы”»; районная целевая программа «Сохранение, поддержка и развитие культуры муниципального района “Нерчинский район” 2011–2015 годы», программа создания туристско-информационного центра «Развитие информационной системы туризма и культурной инфраструктуры туризма в Pagegiai – Советск» в г. Советск (Тильзит).

А.А. Голосеева, А.А. Хохлов

ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

Статья посвящена проблемам культурной политики в малых и средних городах Российской Федерации. Рассматриваются результаты исследования «Культурная политика в стратегическом развитии средних и малых городов России», в частности, касающиеся особенностей культурной самоорганизации населения, а также общего состояния, функционирования и неформального культурного сектора в российской провинции. Дается оценка эффективности взаимодействия местных культурных сообществ с администрацией.

Ключевые слова: малые и средние города России, культурная политика, провинция, культурная самоорганизация, неформальные сообщества.

Состояние культурной жизни провинциального российского города, находящегося в отдалении от областного центра, напрямую зависит от качества всей городской среды данного конкретного региона. Это, в первую очередь, уровень социального благополучия горожан, степень развития транспортной инфраструктуры, количество учреждений культуры и образования на территории населенного пункта.

Хронической проблемой развития культуры в российских регионах остается дефицит бюджета и административная традиция финансировать учреждения культуры по остаточному принципу.

© Голосеева А.А., Хохлов А.А., 2014

* Статья подготовлена на основе результатов социологического исследования «Культурная политика в стратегическом развитии средних и малых городов России», проведенного в 2013 г. с использованием средств государственной поддержки, выделенных Институтом общественного проектирования (ИНОП) в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 216–рп.

Маленькие зарплаты в этой сфере порождают кадровый голод: местные энтузиасты стареют, а молодежь покидает родной город. Соответственно и выпускники областных, тем более столичных вузов не спешат перебираться в провинцию, чтобы работать на ниве культуры. Добавим к этому перечню проблем слабую известность большинства малых и средних российских городов, за исключением десятка туристических центров, и картина будет достаточно полной.

Малые и средние города представляют собой довольно замкнутые в культурном отношении среды, отделенные от столиц и областных центров как территориально, так и по образу жизни. Это не означает, что «большая» культура не проникает в эти глухие места: приезжают с гастролями театры, музыкальные коллективы, отдельные артисты. Но серьезного влияния на развитие местной культуры они не оказывают.

Чтобы лучше представить себе те условия, в которых осуществляется культурная самоорганизация горожан, следует учитывать определенные исторические особенности формирования малых российских городов, где известная патриархальность уклада поддерживается населением городов и сегодня. Отсюда – некоторая замкнутость культурной жизни самих местных сообществ, которые, надо признать, вовсе не стремятся получить областную известность. Следует отметить, что и деятельность административных органов по организации культурных мероприятий, в некоторой степени, зависит от настроений этих сообществ.

В ходе исследовательского проекта «Культурная политика в стратегическом развитии средних и малых городов России» был проведен экспертный опрос по проблемам культурной политики. Всего было опрошено 60 экспертов¹ из 10 городов России (Саратов, Кострома, Ставрополь, Хвалынский, Кудымкар, Тотма, Кинешма, Кяхта, Нерчинск, Вышний Волочок).

Рассмотрим подробнее особенности культурной самоорганизации малых и средних городов в оценке местных экспертов.

Анализ экспертных интервью показал, что культурная жизнь в малых городах России во многом является элементом общественной деятельности различных некоммерческих организаций, неформальных объединений и отдельных энтузиастов. Культурная политика местных администраций нацелена, прежде всего, на организацию досуга горожан и привлечение туристов в регион. Если оценивать местные гуманитарные сообщества с точки зрения их встроенности в социальный ландшафт, взаимодействия с местными администрациями и участия в культурной политике своими

инициативными проектами, то города из нашей выборки можно условно поделить на два типа.

Первый тип – «города-аутсайдеры», где неформальных объединений мало, их социальная активность низкая, а влияние, оказываемое на формирование культурной среды, минимальное или отсутствует. Данный тип представлен в нашем исследовании городами Вышний Волочок (Тверская область) и Кинешма (Ивановская область).

Мнение экспертов г. Кинешма разделилось: половина из них считает, что в городе существуют неформальные культурные сообщества. В первую очередь они называют краеведческие объединения, которые *«действительно социально активны»*², *«они проводят лекторий и научно-практическую конференцию ежегодно»*³. Единоразы упоминается работа таких культурных учреждений, как клуб *«Для тех, кому за 30»*⁴, некоммерческое объединение *«Театр и дети»*⁵, *клуб романса*⁶.

Вторая половина экспертов либо затруднились ответить на данные вопросы, либо считают, что сообщества немногочисленны и неактивны. Для такого города, как Кинешма, население которого составляет на 2013 г. 86 742 человек, неформальных объединений, развивающихся в направлении культуры, чрезвычайно мало.

Большинство опрошенных в г. Вышний Волочок отмечают, что в городе существует два литературных сообщества – *«Цнинский берег»* и *«Свирель»*, которые, по словам всех экспертов, *«друг с другом не дружат»*, так как *«“Свирель” включает в себя более слабых авторов, но они более активны в плане работы со школами, берут к себе молодых авторов»*⁷. Четверо из шести экспертов упоминают о существовании бардовского коллектива. Двое из шести респондентов отметили существование некоего неформального круга художников, который сложился вокруг Академической дачи, но, как отмечают оба эксперта, *«назвать их объединением сложно»*⁸.

Однако, по словам экспертов, *«сообщества эти немногочисленны»*⁹ и *«не оказывают влияния на городскую культурную составляющую»*¹⁰.

Второй тип – «города-лидеры», представляющие широкий спектр неформальных клубов и объединений по интересам, с высокой социальной активностью их участников.

К этому типу городов можно отнести такие города, как Кудымкар, Кяхта, Нерчинск, Тотьма, Хвалынский. Отличает их от «городов-аутсайдеров» то, что культурные объединения оказывают, по словам экспертов, существенное влияние на формирование куль-

турной среды города. При этом в каждом из городов в культурно-досуговом пространстве самоорганизующихся сообществ присутствуют свои особенности.

Так, например, в трех городах – Нерчинске, Тотьме и Кяхте, несмотря на их территориальную удаленность друг от друга, наблюдаются схожие черты: например, высокая социальная активность ветеранов и людей старшего поколения.

В г. Тотьма среди объединений по интересам и неформальных клубов названы несколько организаций: Ветеранская организация боевых действий¹¹, хор ветеранов¹², Союз пенсионеров¹³. Так, например, участники Ветеранской организации боевых действий приходят в учебные заведения, а *«дети на эту тематику уже готовят выступления сами. Район хоть и большой, но все равно в этой ситуации эти организации привлекают много сил и энергии для того, чтобы заинтересовать детей»*¹⁴.

В числе многочисленных неформальных сообществ г. Нерчинска, которые называют эксперты, особое значение для развития города имеют два объединения. Во-первых, клуб «Ветеран» (его назвали 4 эксперта из 6) – объединение ветеранов около 40 человек, *«при этом клубе организован хор ветеранов»*¹⁵. *«Он пользуется популярностью у нас в районе, в другие районы выезжает. У него очень хороший репертуар. Местные авторы пишут туда музыку и слагают стихи. Они часто поют свои песни. Это радует»*¹⁶. Во-вторых, клуб при библиотеке «Академия огородных наук» (его назвали 5 из 6 экспертов). Часто упоминаются Совет ветеранов, объединение «Дети войны».

Надо отметить удивительную способность к выживанию именно старосоветских форм организации общественно-культурного досуга горожан. Соответственно существуют формы организации культурной жизни на местах, которые типичны для всех малых и средних городов Российской Федерации.

В г. Кяхта также существует и успешно функционирует множество коллективов, инициаторами создания которых выступали пожилые люди. Это и ансамбль «Сибирячка», и клуб пенсионеров Республики Бурятия, который, по словам эксперта, *«активно сейчас работает»*¹⁷. И наконец, «Университет открытых знаний», или «Открытый университет», организованный по линии Совета ветеранов. *«Они открылись в прошлом году. Там приезжают преподаватели из Улан-Удэ и лекции читают пенсионерам и людям пожилого возраста. Они учатся там пользоваться компьютером, Интернетом и т. д. Это бесплатно и создано на базе Кяхтинского медицинского училища»*¹⁸.

В Хвалынске 4 эксперта из 6 отмечают деятельность хора ветеранов «Оптимист»: *«Только в хоре ветеранов принимает участие порядка 30 человек»*¹⁹.

Итак, по частоте упоминаемости среди всех объединений различных направлений первое место, с точки зрения экспертов, занимают сообщества, организованные ветеранами и людьми старшего поколения.

Второе разделяют краеведческие общества, театральные неформальные объединения, сообщества художников.

На третью позицию по частоте упоминаний выходят литературные сообщества и различные литературные гостиные, часто основанные и функционирующие на базе местных библиотек, а также бардовские коллективы.

В зависимости от конкретного города однократно упоминались редкие виды неформальных объединений, создание которых объясняется историко-культурной особенностью данной местности, – «казачье общество», «общество радетелей коми-пермяцкого языка».

Палитру направлений неформальных объединений дополняют молодежные и спортивные объединения – объединения паркурщиков, граффитистов, байкеров, велосипедистов, автомобилистов, танцевальные сообщества – брейк-данса, танцевальные ансамбли.

Особое место в выборке занимает Кудымкар.

Во-первых, это столица коми-пермяцкого народа – его культурный и этнографический центр. Во-вторых, город в течение нескольких лет был своеобразным полигоном для интересного культурного эксперимента: на его территории размещены объекты современного радикального искусства. Попытка «продвигать» актуальные формы искусства в провинции была предпринята галеристом и культуртрегером Маратом Гельманом при поддержке тогдашнего краевого губернатора Чиркунова.

При этом в городе активны и местные гуманитарные сообщества. По оценкам экспертов в Кудымкаре, чаще всего встречаются упоминания объединений паркурщиков, рисовальщиков граффити, автомобилистов, байкеров, велосипедистов, художников, а также общества радетелей коми-пермяцкого языка «Югэр». В городе весьма деятельны сообщества местных художников: *«В первую очередь хочу отметить художников. Они очень активно себя проявляют в городе. Они ездят все время на всякие пленэры по краю, две–четыре выставки у них в городе ежегодно проходят. Они дружат с объединениями художников из Перми. У них бывают совместные встречи и выставки»*²⁰.

Примечателен факт, что усилия московских культуртрегеров по приучению местных жителей к актуальному искусству дали весьма скромные плоды. Горожане настороженно встретили различные мероприятия, которые проводили актуальные художники и промоутеры в Кудымкаре. По мнению экспертов, особого влияния на местные культуру и эстетические вкусы эта деятельность не оказала.

Многочисленные, но разрозненные культурные сообщества в городе слабо взаимодействуют с местной властью: *«Администрация привлекает активистов на какие-то праздники и мероприятия. Иногда время от времени коллективы получают поддержку от администрации: приходят к ним что-нибудь просить. И всё»*²¹.

Гораздо больше понимания городские активисты находят у представителей краевой администрации, которая поддерживает большинство местных культурных проектов. Прежде всего необходимые ресурсы выделяются инициативам, имеющим отношение к культуре народа коми.

Пермскими властями разработана долгосрочная программа развития национальной культуры этого народа. Ряд экспертов указывают на низкую эффективность существующих форм взаимодействия между местными культурными сообществами и городской и краевой администрациями: *«При Министерстве создан Общественный совет по вопросам сохранения, развития коми-пермяцкой культуры. Создавался он с благой целью. С тем, чтобы при определении стратегии развития нашего региона прислушиваться к общественности, творческой интеллигенции. Но на практике получилось, что собирался он раза два или три и как-то это не прижилось»*²².

Сами эксперты объясняют такое положение вещей двумя обстоятельствами: оторванностью идей и планов краевых властей от реалий жизни кудымкарской культурной общественности и слабой мотивированностью городских активистов, их неумением продвигать собственные проекты, привычкой во всем полагаться на начальство. Невысокая вовлеченность местной общественности в политику, которую проводит власть, ставит Кудымкар со всеми его частными особенностями в один ряд с другими провинциальными городами из нашей выборки. Отсутствие взаимопонимания между властью и местными сообществами следует признать одной из главных причин несбалансированности культурной политики в стране в целом и непосредственно на местах в частности.

Выстроить типовую модель взаимодействия культурно активной части горожан с местной администрацией довольно трудно. Дело в том, что социальная структура поселения и социально-пси-

хологический настрой жителей довольно сильно влияют на характер отношений между властью и обществом.

Можно предположить, что в «убывающих» городах, с высокой миграционной активностью населения и с низким уровнем вовлеченности горожан в культурную жизнь поселения, решения власти не встречают никакого сопротивления местной среды. В таких городах вся культурная политика сводится исключительно к плановым мероприятиям администрации.

В относительно стабильных в социально-экономическом плане городах, где поддерживается относительное социальное равновесие и присутствует культурная жизнь, формируются собственные традиции взаимодействия активных сообществ с городской и областной администрациями.

Наконец, такой фактор, как личная позиция руководителей городских администраций, отвечающих за культурную политику, играет не последнюю роль в организации конструктивных отношений с местными культурными сообществами.

Так, г. Тотьма, с большой историей и относительно богатым культурным наследием, проявляет меньшую социальную активность по сравнению с Хвалынском.

Соответственно и эксперты из Тотьмы разошлись во мнениях относительно перспектив взаимодействия культурной общественности и местной власти. Те из них, кто имеет тесные контакты со структурами городской администрации, естественно, отмечают положительные результаты таких контактов: выделили новое помещение под клуб, финансируют отдельные мероприятия, предлагаемые инициативными группами граждан, поддерживают творческие коллективы и т. д.

Активисты, которые не связаны с властью и не работают в администрации, высказывают более критические суждения: *«Перспективы, возможно, есть, если придет к власти человек из культуры, который будет понимать это, то все может быть»*²³.

Похожая ситуация отмечена экспертами в Кинешме. Здесь существенное значение в установлении конструктивного взаимопонимания с местной администрацией имеет личная известность и популярность активиста.

Если культурный активист недостаточно известен среди чиновников, то его шансы реализовать культурную инициативу при поддержке властей и городского бюджета значительно ниже: *«Да, они пытаются достучаться до администрации города... Взаимодействие есть, стараются, но отдача больше от самих активистов, чем от региональных или местных властей»*²⁴.

Некоторые эксперты обращают внимание на то обстоятельство, что администрация плохо представляет себе, что необходимо делать в культурной сфере, какой должна быть культурная политика региона и каким образом выстраивать рабочие отношения с активистами местных сообществ.

Собственно проблема осознания представителями администраций главных приоритетов культурной политики у себя на территориях – основной вопрос повестки федеральных ведомств, отвечающих за развитие культурного потенциала регионов.

Итак, культурная самоорганизация осуществляется в двух основных форматах: массовые акции, организуемые местной властью, в которых принимают участие большинство горожан, и работа отдельных кружков, собирающих увлеченных энтузиастов.

Если принять во внимание особенности структуры малого города, которая может быть охарактеризована как конгломерат изолированных «землячеств», а не сообщество соседских общин (как в Европе и США), то небольшое количество участников таких кружков и их изолированное существование представляется оправданным.

В этом смысле совершенно неправильно утверждать, что культурный слой в малом и среднем городе чрезвычайно тонок и он противостоит агрессивно-неграмотному большинству. Напротив, этот слой органично включен в социальную жизнедеятельность местного социума и является важным культурным ресурсом для реализации культурной политики в регионе.

Своеобразными центрами притяжения местной интеллигенции в малом городе остаются музеи. Если в дореволюционные времена подобную функцию делили церковь и земские объединения, в советский период – клубы и дома культуры, то сегодня только музеи способны интегрировать вокруг себя все культурные инициативы. Впрочем, в связи с тем обстоятельством, что многие городские музеи являются филиалами областных, говорить о полной самостоятельности этих городских центров культуры в плане принятия решений можно с известной долей условности.

Обнаруживается и еще одна интересная тенденция: кооперация между музеем и местной библиотекой. Такая совместная деятельность позволяет местной культуре не просто выживать, но и успешно развиваться. Например, в Вельегонске Библиотека им. Д.И. Шаховского совместно с музеем организует просветительские мероприятия, объединяет местных литераторов и направляет работу краеведческих групп.

В Хвалынске количество читателей Межпоселенческой центральной библиотеки им. С. Наровчатова составляет 17 тыс. На базе библиотеки осуществляется работа по развитию краеведения, проводятся встречи с интересными людьми – жителями Хвалынска, организуются лекции по здоровому образу жизни. В читальном зале открыт пункт коллективного доступа в Интернет.

Можно сказать, что такие «культурные холдинги» в регионах – оптимальная форма сохранения и развития культурного потенциала русской провинции.

Наряду с институциональными формами самоорганизации культурных горожан в провинции существуют и сугубо частные неформальные объединения вокруг интересных людей – краеведов, учителей, литераторов.

Эта старая традиция домашних концертов и литературных вечеров воспроизводится в провинции местной интеллигенцией. Иногда неформальные домашние культурные вечера иницируют сами музейные работники. Например, в Хвалынске руководство Музея Петрова-Водкина собирает на дому местную интеллектуальную элиту и гостей, которые часто посещают этот музей. Стараниями художников Кустодиева и Петрова-Водкина устраивались состязания художников на Хвалынских пленэрах еще в начале XX в.

В 1960-е годы эта традиция возродилась, когда художники, литераторы, просто любители искусства приезжали в Хвалынск летом для совместных встреч. Традиция продолжает существовать и в наши дни.

Впрочем, далеко не все культурные начинания энтузиастов обретают статус традиции. Вот, например, открытый случайно туристами из Петербурга старообрядческий дом в селе Поповка (под Хвалынском), где на стенах сохранились уникальные росписи в духе примитивного искусства, так и не стал полноценным частным музеем. Туда приезжают специалисты по истории искусств, художники, ценители из столичных городов. Но местная публика особого интереса к этому памятнику культуры не проявляет. Соответственно, организованное вокруг «домика со львами» сообщество не является местным по составу участников. Подобные культурные анклавы, состоящие из приезжих любителей народного творчества, можно встретить во многих малых провинциальных городах и предместьях.

Культурные традиции не возникают по желанию заезжих культуртрегеров. Примером тому служит эксперимент Марата Гельмана по продвижению актуального искусства на местных площадках в Кудымкаре по образцу Перми. За исключением отдельных моло-

дых местных художников, кудымкарцы проигнорировали усилия московского галериста.

«Земляческий» характер культурных институций в провинции предполагает и большую склонность местных сообществ к поддержке духовных традиций. Власти организуют культурные мероприятия с патриотической тематикой, а в СМИ регулярно выступают религиозные деятели.

В условно «русских» городах доминирует православная тематика, а, например, в бурятском городе Кяхта значительная часть культурной жизни связана с буддизмом и буддистскими верованиями. Вокруг буддистского наследия строится и деятельность местных национально-культурных объединений.

В целом можно отметить, что историко-патриотические и краеведческие объединения привлекают в свои ряды большое число молодых людей. Тяга к самообразованию и пониманию истории и культуры своей малой родины характерна для молодежи всех поселений из нашего исследования. Можно сделать вывод о доминирующей тенденции к поиску своей особой культурной идентичности у российской молодежи в регионах. Однако основная масса участников культурных автономных сообществ – люди пожилого возраста.

Следует подчеркнуть, что слухи о скудости культурной жизни в малых городах грешат излишней эмоциональностью. Культурные сообщества в провинции подчас более разнообразны и авторитетны среди жителей, чем в областных центрах. Они органично вписаны в местный социальный уклад и ориентированы на сбережение локальных особенностей и местной культурной идентичности.

Можно с уверенностью сказать, что культура малых и средних городов Российской Федерации слабо интегрирована в общее культурное пространство страны. Не просматривается никакой стратегии к расширению культурного обмена между городами. Лишь изредка организуются фестивали, как, например, в Хвалынске, когда съезжаются коллективы из других регионов Российской Федерации. Попытки брэндирования территорий носят спорадический характер и зависят от желания местных властей привлечь на территорию туристов и заинтересовать инвесторов.

В дополнение к этой безрадостной картине следует добавить и тот факт, что местные и областные СМИ очень выборочно освещают культурную жизнь в малых и средних российских городах.

Культурная политика, в том виде, в каком она существует сегодня, совершенно не учитывает этих обстоятельств и пытается работать исключительно на туристическую отрасль. В ряде случаев,

как в Ростове и Тотьме, такой подход приводит к появлению культурных эрзацев, удовлетворяющих неприхотливый эстетический вкус массового туриста.

Представляется более перспективным подход, учитывающий интересы и потребности местных культурных сообществ. Тогда культурная самобытность провинции станет инвестиционно-привлекательным объектом для отечественных и зарубежных девелоперов.

Примечания

¹ В каждом городе опрашивалось по 6 экспертов.

² Кинешма, интервью № 2.

³ Кинешма, интервью № 4.

⁴ Кинешма, интервью № 2.

⁵ Кинешма, интервью № 4.

⁶ Кинешма, интервью № 6.

⁷ Вышний Волочок, интервью № 1.

⁸ Вышний Волочок, интервью № 6.

⁹ Вышний Волочок, интервью № 3.

¹⁰ Вышний Волочок, интервью № 3.

¹¹ Тотьма, интервью № 1.

¹² Тотьма, интервью № 6.

¹³ Тотьма, интервью № 3.

¹⁴ Тотьма, интервью № 2.

¹⁵ Нерчинск, интервью № 1.

¹⁶ Нерчинск, интервью № 4.

¹⁷ Кяхта, интервью № 2.

¹⁸ Кяхта, интервью № 6.

¹⁹ Хвалынский, интервью № 6.

²⁰ Кудымкар, интервью № 3.

²¹ Кудымкар, интервью № 1.

²² Кудымкар, интервью № 4.

²³ Тотьма, интервью № 3.

²⁴ Кинешма, интервью № 2.

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

В статье рассматриваются досуг и особенности досуговых практик россиян как составной части социокультурного развития России. На основе вторичного анализа данных выявляются факторы, оказывающие влияние на осуществление досуговых практик. Результаты социологического исследования, основу которого составляют экспертные интервью, репрезентируют сферу досуга в средних и малых городах России, позволяя выделить схожие и специфические факторы, влияющие на досуговую активность жителей.

Ключевые слова: досуг, досуговые практики, досуговая активность, культурный досуг, факторы досуговой активности.

На сегодняшний день перед обществом и государством остро стоит вопрос о социокультурном развитии регионов нашей страны, неотъемлемой частью которого являются досуговая активность и досуговые практики жителей средних и малых городов России. Основываясь на вторичном анализе данных и результатах конкретного социологического исследования, проведенного в августе–октябре 2013 г.¹, попробуем выявить конкретные проблемные точки и факторы, влияющие на возможности осуществления досуговых практик россиянами, в том числе жителями средних и малых городов России.

Понятие «досуг» используется разными представителями гуманитарных наук в разных смыслах и контекстах. В рамках данного исследования мы в качестве *досуга* будем рассматривать, во-первых, *время, свободное от работы или какой-либо основной занятости человека*; во-вторых, *время, которое человек использует для какой-либо деятельности, не связанной с основной занятостью*. Это могут быть какие-либо домашние дела, а также хобби, отдых, культурные, художественные занятия и др.

Согласно опросам Фонда общественного мнения² (далее – ФОМ) самым распространенным видом досуга россиян является

просмотр телепередач. На открытый вопрос: «А что Вы делаете в свободное время?» 18% ответили «Смотрю телевизор». Вторую по распространенности досуговую деятельность – общение с родными, друзьями – отметили 14% респондентов. Третье место по распространенности заняли варианты ответа «Занимаюсь домашними делами» и «Занимаюсь детьми, внуками» – их выбрали по 12% респондентов. Чтению отвели в своем досуге 11% респондентов, а современным технологиям – «*провожаю время в Интернете, за компьютером*» – в 2 раза меньшее количество респондентов – 6%. В досуговом времяпровождении россиян также встречаются выезды на природу, прогулки – 8%, занятия спортом – 6, рукоделие – 6, работы на даче, в огороде – 5%.

Культурные виды досуга – походы в театр, кино, музеи, на концерты, на выставки – заняли небольшую долю в ответах россиян, их отметили всего 4% респондентов. Причем самыми популярными среди культурных мероприятий, по опросам ВЦИОМ на 2013 г., россияне называют вечер юмора и сатиры – его отметили 20% респондентов, драматический театр – 12 и концерт эстрадной и поп-музыки – 11%³.

Низкий уровень посещения театров и кинотеатров достаточно стабилен. Примером тому являются данные опроса общественного мнения, проводимого ВЦИОМ в 2008 г.: поход в театр набрал среди прочих видов досуга 6%, а в кинотеатр – 8%⁴.

Исходя из проведенного вторичного изучения данных, который включает анализ результатов нескольких социологических исследований, проводимых в период с 2008 по 2013 г., мы пришли к выводу, что на выбор россиянами того или иного типа досуга влияет множество факторов, среди которых можно выделить четыре основных: 1) наличие свободного времени; 2) территориальная доступность объекта культуры (театра, кинотеатра, музея, библиотеки), выбранного для посещения; 3) личная заинтересованность; 4) финансовые возможности (материальное положение).

Рассмотрим названные выше факторы по порядку. Одним из главных факторов, влияющих на возможность россиян проводить досуг, является *наличие свободного времени*. Согласно опросу ФОМ у 17% россиян не бывает свободного времени (среди работающих у 21%). Есть оно только в выходные у 28% (среди работающих об этом сообщают 40%), и в будни, и в выходные – у 52% (среди тех, кто работает, – только у 36%)⁵.

Немалое значение имеет *территориальная доступность* того или иного объекта культуры – театра, кинотеатра, библиотеки, музея.

Театры. По данным Госкомстата, на территории РФ в 2011 г. работало 618 профессиональных театров, среди которых преоб-

ладают театры драмы, комедии и музыкальные – 354⁶. С каждым годом количество театров увеличивается: так, за 5 лет, с 2006 по 2011 г., появилось 28 театров, а за 11 лет, с 2000 по 2011 г., открылся 71 театр, в то время как общая численность зрителей увеличилась за это время на 4,9 млн и достигла к 2011 г. 32,9 млн человек, т. е. каждый четвертый ходит в театр хотя бы один раз в год⁷. Достаточно близкую картину демонстрируют данные Всероссийского опроса общественного мнения ВЦИОМ, согласно которым «каждый пятый россиянин (20%) ходит в театр не реже раза в год»⁸. Высокая доля тех, кто вообще не ходит в театр, – 45%.

Несмотря на то что численность театров и зрителей ежегодно увеличивается, нельзя говорить об отсутствии проблем в обеспеченности театрами. Сведения, приведенные в табл. 1, демонстрируют значительные диспропорции в обеспеченности населения учреждениями культуры всех рассматриваемых типов. Исключение составляет лишь обеспеченность населения зрительскими местами в учреждениях культурно-досугового типа (фактическое количество превышает норму на 19% (335 056 ед.)).

Таблица 1

Вид учреждения	Нормативная потребность единиц		Фактическая обеспеченность сетевыми единицами			
	Учреждения	Зрительские места	Единицы		%	
			Учреждения	Зрительские места	Учреждения	Зрительские места
Библиотеки	15 918		10 830		68	
Театры	201	120 078	161	33 383	80	28
Музеи	9525		1434		15	
Учреждения культурно-досугового типа	5427	1 749 806	2996	2 085 865	55	119
Парки культуры и отдыха	723		163		23	
Концертные организации и коллективы	260	13 6194	74	64 606	28	47
Цирки	1449		14		1	

Низкую обеспеченность культурными учреждениями подтверждают результаты социологических опросов. На вопрос ВЦИОМ: «Если Вы не посещаете театр или посещаете его очень редко, то почему?» 27% респондентов ответили «там, где я живу, нет театра», 4% отметили похожий вариант ответа – «наличие театра поблизости»⁹. Среди наиболее часто встречающихся причин называли также: «не интересуюсь театральным искусством» – 23%. Каждый пятый респондент в качестве причины непосещения театров называет нехватку свободного времени – 22%¹⁰.

Финансовые возможности воспользоваться услугами, которые предоставляют культурные учреждения, в том числе и театры, также являются преградой для их посещения. 11% россиян отказываются от посещения театров из-за дороговизны билетов. А на вопрос: «При каких условиях Вы стали бы ходить в театр чаще?» на второе место по частоте встречаемости вышел вариант ответа «если бы билеты были дешевле» – его выбрали 16% респондентов¹¹. Помимо названных выше причин, 6% опрошенных отметили, что в городе нет хороших театров, а 3% предпочитают смотреть интересующие их постановки по телевизору.

Музеи. Согласно данным Госкомстата музеи пользуются среди россиян большей популярностью, чем театры. За 2011 г. музеи посетили 85,9 млн человек, т. е. *каждый второй россиянин*. Нужно отметить, что положительная динамика наблюдается с 2009 г., – за 2 года, с 2009 по 2011 г., число посещений выросло на 7 млн человек (с 75,6 млн до 85,9 млн). Число самих культурно-образовательных объектов с 2005 по 2011 г. выросло на 346 и в 2011 г. составляло 2631 музей.

Что касается музейных направлений, то преобладают краеведческие (1366 музеев на 2011 г.), чуть менее представлены исторические/археологические (509 музеев) и искусствоведческие (325 музеев). Наименее выражены естественно-научное (41 музей) и научно-техническое (22 музея) направления¹².

Несмотря на то что данные Госкомстата по стране показывают положительную динамику развития культурных объектов, количество культурных учреждений в малых городах России, численность населения которых не более 50 тыс. человек, остается невысоким, а развитие отрасли культуры, согласно ответам респондентов, проживающих в Южном федеральном округе России, остается убыточным¹³. Если же обратиться к табл. 1, то мы видим, что фактическая обеспеченность сетевыми музейными единицами в 6 раз ниже, чем нормативная потребность в музеях, т. е. обеспеченность населения музеями составила 15%.

Библиотеки. Анализ численности и показателей работы общедоступных библиотек на территории России показал, что их число с каждым годом сокращается: с 2005 по 2011 г. оно уменьшилось на 6,3 тыс., причем в большей степени из-за сокращения сельских, а не городских библиотек¹⁴. В то же время за последние 6 лет произошло существенное сокращение библиотечного фонда (с 2005 по 2011 г. уменьшился на 89 млн экз.).

Таким образом, статистические показатели и данные опросов показали, что низкая обеспеченность культурными учреждениями, недостаток свободного времени, отсутствие личной заинтересованности и недостаточные финансовые возможности оказывают существенное влияние на досуговые практики и могут привести к снижению досуговой активности россиян. Подтвердить или опровергнуть обоснованность названных факторов и расширить их перечень позволяют данные экспертных интервью, проведенных нами в рамках социологического исследования. Исследование включало в себя 60 экспертных интервью, репрезентирующих отношение к досуговым практикам жителей 10 городов России.

Наиболее распространенными видами досуговой деятельности, по мнению экспертов, стали, во-первых, *посещение театров и концертов / городских праздников* (19 из 60 упоминаний), во-вторых, *посещение библиотек* (16 упоминаний) и, в-третьих, *посещение музеев* (15 упоминаний).

Среди экспертов часто встречалась точка зрения, согласно которой аудиторию города условно можно разделить на две группы. Первая, наименьшая, группа – это те жители, для которых досуговые культурные практики привычны, они вписаны в культурный контекст городских мероприятий и постоянно посещают какие-либо культурные события: *«Ну, семь тысяч человек живут культурной жизнью из 350 тысяч. А все остальные не живут этой жизнью»* (г. Кострома, интервью № 1). И вторая группа – это большая часть жителей, которые не используют свое свободное время для посещения культурных учреждений, для которых *«отсутствует понятие культурного досуга»*, а досуговые практики носят больше развлекательный, нежели культурный, характер: *«за пивом, или в ресторане сидят, или дома, или в огороде»*.

Таким образом, мы видим, что фактор личной заинтересованности человека в проведении культурного досуга, который мы выделили по итогам вторичного анализа данных, ярко выражен в экспертных интервью.

Так, например, театр, по мнению экспертов, является *элитарным видом искусства*, который доступен для *«малой прослойки интел-*

лигенции... двести человек, наверное» (г. Кудымкар, интервью № 1), его посещают «избранные», и он не представляет собой массового явления. Два эксперта отметили, что посещаемость театра непосредственно связана с так называемым дачным сезоном, так что пик посещаемости приходится на зимнее время года: *«Зима, крестьянин торжествует, люди идут в театр, потому что дач нет, они не отягощены огородами»* (г. Кострома, интервью № 1).

В крупных городах, таких как Саратов, Ставрополь, Кострома, вариантов для проведения культурного досуга населения гораздо больше, чем в малых городах России. Все опрошенные эксперты отмечают высокую посещаемость культурных мероприятий.

Таким образом, еще одним фактором, влияющим на досуговую активность жителей, становится *возможность выбора и разнообразие культурных мероприятий*. По мнению абсолютного большинства экспертов г. Саратова, несмотря на то что у всех горожан свои интересы, культурная среда города предоставляет все возможности для проведения культурного досуга: *«Многие любят театр и охотно посещают спектакли. Работают выставки, и к ним есть интерес. У нас в библиотеке всегда много людей, многие посещают языковые центры»* (г. Саратов, интервью № 1). Подтверждение этому – аншлаги и высокая наполняемость театральных и концертных залов: *«...и премьеры театральные проходят при аншлагах, это тоже. Ночь музеев нынче у нас была тоже на аншлаге»* (г. Кострома, интервью № 2). Трое респондентов из шести отмечают, что стали пользоваться популярностью парки, особенно в летнее время. Двое отметили, что большим интересом среди людей разных возрастов, в том числе молодежи, стали пользоваться *художественные выставки* (г. Саратов, интервью № 6).

Несколько экспертов отмечали, что культурные мероприятия приобретают досугово-развлекательный характер, а *«интеллектуальная, познавательная и информационная составляющая отсутствуют»* (г. Кудымкар, интервью № 4), при этом наблюдается «прямолинейность» и отсутствие альтернативы в культурном времяпровождении: *«Потому что у нас мало театров, у нас нету альтернативы. Если и пойти куда-то, только в театр! У нас нет таких культурных центров, где показывают авторское, документальное кино, у нас показывают одни блокбастеры и боевики! У нас нет такого, чтоб человек пришел, мог обсудить, поговорить, встретиться единомышленников. У нас же альтернативы не создается ни для чего. У нас прямолинейное мышление»* (г. Кудымкар, интервью № 2).

В некоторых городах ограничения досуговой активности жителей эксперты связывали с низкой обеспеченностью городов культурными учреждениями. Двое из шести респондентов, опрошенных в г. Кяхта, назвали общую проблему города – отсутствие своего Дома культуры: «*На сегодняшний день у нас нет своего Дома культуры. Наш Дом культуры закрыт, поскольку 5 лет назад он был признан аварийным*» (г. Кяхта, интервью № 5). В этом же городе встречаются замечания по поводу критического положения Парка отдыха и культуры, который «*находится в запустении, хотя в 60–70-е годы был одним из лучших парков в Сибири*» (г. Кяхта, интервью № 4).

Таким образом, на культурный досуг жителей России влияет множество факторов, часть из которых являются наиболее значимыми. Личная заинтересованность человека, сформированная в процессе социализации и ставшая составной частью габитуса человека, является, с нашей точки зрения, основным фактором, который регулирует досуговую активность. Однако немаловажны и остальные факторы – вторичный анализ данных и результаты социологического исследования подтвердили значимость территориальной доступности культурных учреждений. В дополнение к существующим факторам особое внимание уделялось насыщенности и разнообразию культурно-досуговой сферы, а также наличию альтернативы массовому культурному досугу. Сформулировав конкретные факторы повышения культурной активности, мы можем утверждать, что в обществе сегодня существует определенный культурный запрос, от степени удовлетворения которого зависит стратегия развития и востребованность культуры в нашей стране.

Примечания

¹ Научно-исследовательский проект «Культурная политика в стратегическом развитии средних и малых городов России» (грант Института общественного проектирования). Метод – неструктурированные экспертные интервью, 60 респондентов в 10 городах России.

² Досуг россиян: развлечения и увлечения. Как проводят свое свободное время те, у кого оно есть? [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846> (дата обращения: 01.10.2013).

³ Вечер юмора, опера или рок-концерт? Досуговые предпочтения россиян [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114037> (дата обращения: 01.10.2013).

- ⁴ Россиянам недосуг [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=10230> (дата обращения: 01.10.2013).
- ⁵ Досуг россиян: развлечения и увлечения.
- ⁶ Российский статистический ежегодник – 2012 г. 9.5. Театры [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/09-05.htm (дата обращения: 10.10.2013).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Театральная Россия – 2013 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114166> (дата обращения: 10.10.2013).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Российский статистический ежегодник – 2012 г. 9.9. Музеи в 1995–2011 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/09-09.htm (дата обращения: 10.10.2013).
- ¹³ *Плюсин Ю.М.* Малые города России. М., 2000. С. 24 [Электронный ресурс] // Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/10/1214895812/2000_Plusnin%20GOROD.pdf (дата обращения: 15.10.2013).
- ¹⁴ Российский статистический ежегодник – 2012 г. 9.12. Общедоступные библиотеки [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/09-12.htm (дата обращения: 15.10.2013).

С.А. Соловченков

СЕЛО ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПОСЛЕДСТВИЯ 20 ЛЕТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ*

В статье рассмотрен процесс организационных изменений на селе, связанных с переходом на рыночные формы хозяйствования. Основываясь на результатах конкретных социологических исследований, автор раскрывает адаптационные стратегии сельского населения, дает оценку структурного сдвига сельской занятости.

Ключевые слова: адаптивный потенциал, сельский социум, самоидентификация, стратегии адаптации.

Достаточно «пластичные» адаптивные возможности сельского социума начали проявляться практически сразу после того, как экономика страны «встала на новые рельсы». Образно выражаясь, вагон «сельское хозяйство» при переносе с одних рельсов на другие был забыт где-то посередине. Резкий, уже капиталистический, рост цен на горюче-смазочные материалы, семенной материал, удобрения, практически полное самоустранение государства от вопросов поддержки сельского производителя, рост цен на продукты питания для конечного потребителя, но при этом максимальное сохранение «копеечных» закупочных – все это создало условия, при которых существование старых форм хозяйствования на селе стало невозможным.

Общероссийские тенденции

Черода организационных преобразований привела, по меткому выражению В.В. Пациорковского¹, к образованию крупхозов (АО, ТОО, СПК), основная цель которых была уже довольно далека от товарного сельскохозяйственного производства. Сохраняя, по

© Соловченков С.А., 2014

* Статья выполнена в рамках реализации проекта РГНФ № 13-12-79001 «Закономерности эволюции социально-экономической системы развивающегося региона с позиции синергетики (на примере Еврейской автономной области)».

сути, сердцевину старого советского колхоза, они своеобразно интегрировали само хозяйство и сельскую общину в виде крестьянских подворий.

Не имея возможности поддерживать уровень товарного производства на прежнем уровне, обеспечивать соответствующую занятость и, следовательно, доходы населения, крупные хозяйства невольно становятся инициаторами резкого сокращения активной части населения. Сохраняя некоторые элементы товарного производства, крупхозы становятся, конечно же, неофициально, своеобразным дотационным механизмом для личных подворий.

По оценке П.П. Великого, такое сращивание крестьянских подворий и крупхозов возможно только в том случае, если хозяйство не является убыточным, в силу того, что перекачка менее 20% общественных ресурсов в хозяйства населения не позволяет выживать личным подворьям, а превышение порога в 30% разрушает коллективное хозяйство². Однако, на наш взгляд, картина несколько более сложная. В этот период, несмотря на достаточно серьезные экономические трудности, все еще сохранялись механизмы государственной поддержки сельхозпредприятий как в виде дотаций, так и в виде гарантийных обязательств для оформления кредитов. И несмотря на то что их деятельность носила эпизодический и агонизирующий характер, она присутствовала. В этой ситуации коллективные хозяйства принимали на себя роль некоего промежуточного звена перераспределения ресурсов между государством, банковской системой и личными подворьями. Иных вариантов получить доступ к этим материальным ресурсам у личных подсобных хозяйств (ЛПХ) просто не существовало.

Имея возможность в той или иной степени пользоваться ресурсами крупхоза, сельское население начинает достаточно активно увеличивать свои ЛПХ. Распашка огородов происходит как на селитебных землях поселения, так и на неиспользуемых землях товариществ, наблюдается увеличение поголовья скота. И в том, и в другом случае основной упор делается на довольно свободное использование ресурсов коллективного хозяйства. Спектр ресурсов, получаемых от крупхоза, достаточно обширен: использование техники, ее заправка; получение молодняка скота «в счет зарплаты»; получение кормов как в форме «под зарплату», так и зеленых кормов в форме «по чуть-чуть, но каждый день».

Если на первых порах занятость на сельскохозяйственном предприятии позволяла в счет заработной платы, которая не выплачивалась по нескольку лет, получать продукты этого предприятия (будь то корма, удобрения, мясо и т. д.)³, то чем сложнее станови-

лась ситуация, тем меньше можно было рассчитывать на получение даже такой оплаты за свой труд. Под конец единственной формой оплаты, которую предлагало предприятие, стало получение любого по размеру земельного участка (своеобразная форма погашения долга по зарплате).

Длительное время сельское население, несмотря на полное отсутствие оплаты труда, продолжало выполнять свои обязанности. Только ближе к концу 1990-х годов сложившаяся ситуация начала кардинально меняться. Факт невыплаты заработной платы, дополнявшийся практически полным разорением хозяйства, стал основанием для прекращения трудовых взаимоотношений.

Увеличение земельных наделов и поголовья скота происходило не из объемов необходимого семейного потребления, а от ширины потока «преференций», поступающих от хозяйства. Чем больше была возможность использовать ресурсы коллективного хозяйства, тем крупнее оказывалось хозяйство. Отчасти в этом прослеживаются первые признаки формирования новой социальной структуры села.

Основная направленность хозяйства в этот период – товарное производство. В данной ситуации ведущим вопросом становится направленность экономики ЛПХ не в рыночное, а в семейное «русло», что в полной мере согласуется с категорией «моральной экономики», предложенной Дж. Скоттом.

Основные задачи, которые преследуются личным подворьем, – поддержание относительно нормальной жизнедеятельности, а чаще – элементарное выживание. Как отмечает А.А. Хагуров, в этот период на селе происходит практически полная деструкция существовавших социальных и экономических структур, с резким усилением натурального уклада на селе, т. е. переход на значительное самообеспечение⁴. Основными продуктами самообеспечения наряду с мясом и молоком становятся творог, сыр, сливочное масло, мед, растительное масло⁵.

Результаты региональных исследований

Для настоящей статьи использовались материалы социологического опроса сельского населения, проведенного автором в Еврейской автономной области (ЕАО) в 2010–2011 гг. Выборка формировалась путем многоступенчатого отбора. Изначально из совокупности муниципальных районов отбирались те, в которых сельское население преобладает. Затем в каждом муниципальном районе отбирались населенные пункты, дифференцированные по численности сельского населения. Расчет квот на каждый населенный пункт происходил с учетом половозрастных характеристик

населения. Опрос проводился по месту жительства с шагом 2. Выборка характеризуется следующими параметрами: $n = 330$, доверительная вероятность – 90%, доверительный интервал – 5,36%.

Материалы опроса позволяют сказать, что в этот период только 37% сельского населения не занимались производством продуктов питания для собственного потребления. Около 15% населения потребляли продукты собственного производства периодически, остальные производили продукты питания для собственного потребления постоянно. Значительная часть (19%) обеспечивает ими себя до сих пор.

Оценка доли продуктов собственного производства в общем бюджете семьи на тот период затруднена в основном из-за временной удаленности. Это выразилось в том, что у 64% респондентов ответ на этот вопрос вызвал затруднение, однако чуть больше трети опрошенных смогли указать примерные доли (табл. 1). Дополнительной сложностью данного вопроса является и тот факт, что значительная часть опрошенных не может монетизировать производство продуктов питания для собственного производства. В сознании людей те продукты, которые семья произвела и потребила самостоятельно, из расчетов полностью выпадают.

Таблица 1

Доля продуктов собственного производства
в общем бюджете семьи

Доли в общем бюджете семьи	%
Около десятой части	15,3
Примерно до трети	3,7
От трети до половины	7,4
Три четвертых дохода семьи	3,7
Весь доход	5,6
Итого	35,6
Затруднились с ответом	63,9

С учетом вышеизложенных оговорок полученные результаты позволяют сказать, что 9,3% сельского населения выживали преимущественно за счет продажи продуктов собственного производства. Примерно для 11% это был весьма значимый источник средств

существования. Для 15% сельского населения продажа продуктов собственного производства вносила незначительный вклад в семейный бюджет. Однако «совокупная» значимость производимой продукции явно была выше.

Своеобразное сращивание коллективных хозяйств и личных подворий населения, переориентация населения на самообеспечение, самозанятость в личном подворье сформировали псевдорыночные типы экономического поведения, которые О.В. Нечипоренко обозначает как реактивно-пассивные⁶.

Нерентабельность с точки зрения экономики вопроса с лихвой перекрывается выгодами от формирующихся «сетей поддержки». Довольно значительные преимущества получали те семьи, которые имели родственников, проживавших в городе. Основой выживания домохозяйств стало формирование достаточно широкой социальной сети, своеобразной «сети поддержки»⁷, охватывающей ближайших и дальних родственников, друзей, знакомых.

В результате складывалась система перераспределения ресурсов и продуктов производства между жителями села, занятыми сельхозпроизводством, жителями села, имеющими доступ к технике и хозяйственным товарам сельскохозяйственного назначения, и жителями города, ставшими своеобразными поставщиками на село строительных, хозяйственных, промышленных товаров.

Приобретал весьма широкое распространение товарообмен продуктов сельского хозяйства, полученных как с личного подсобного хозяйства, так и с колхозных полей, на промышленные товары, которые завозились в деревню именно с этой целью преимущественно родственниками либо иными участниками социальной сети. Соотношение ценовых характеристик было явно не в пользу жителей села, но при отсутствии иных вариантов принималось.

Чаще всего система обмена носила псевдослучайный и псевдобезвозмездный характер. Передача продукции сельского хозяйства в город и обратный поток товаров в деревню носили форму взаимопомощи. И с той, и с другой стороны «подарки» передавались «безвозмездно», но при этом складывалось вполне объективное ожидание получения ответных «даров». Достаточно значимым для описания межличностных взаимоотношений на селе является тот факт, что возникало не только ожидание ответных «подарков»: у стороны-реципиента возникало вполне естественное желание отблагодарить за «подарок». Подобная система взаимоотношений, на наш взгляд, в полной мере связана с последствиями патриархального уклада сельской семьи.

Помимо прямых взаимоотношений «родственник (знакомый) из города – родственник (знакомый) на селе» данная стратегия могла включать в себя, и чаще всего включала, более разветвленные социальные сети как в городе, так и в селе. Необходимость «достать» тот или иной товар приводила к тому, что в указанную систему обмена могли включаться люди, не имеющие прямой дружеской или родственной связи между собой, выступая «посредниками» или «поставщиками» при поиске необходимого товара. Возникла так называемая система слабых связей в социальной сети⁸.

Мы можем констатировать, что в совокупности около 40% сельского населения регулярно либо эпизодически получали помощь от родственников либо знакомых. Параллельно с этим около 60% сельского населения сами оказывали помощь родственникам и знакомым регулярно либо эпизодически. Это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период наблюдалась значительная активизация формирования и использования социальных связей. Интересным, на наш взгляд, явился тот факт, что сельское население в большей степени, чем городское, являлось экономическим «донором» в складывавшихся социальных взаимодействиях.

Наиболее распространенными видами помощи сельским жителям в тот период являлись: помощь деньгами – 27,3%; передача некоторых продуктов питания – 16; передача вещей, одежды – 13,3%. Далее в порядке убывания значимости: физическая помощь при ведении хозяйства (при посадке, обработке огорода, в уходе за животными); размещение у себя детей родственников (знакомых) сельчан на время учебы; передача некоторых строительных и хозяйственных товаров.

Сложившаяся система взаимоотношений была практически единственной возможностью для сельских жителей получать промышленные товары, к которым был доступ в городе.

Описанная стратегия внутрисетевого обмена просуществовала на территории юга Дальнего Востока около 10 лет, до конца 1990 – начала 2000-х годов. Однако несмотря на то что и в настоящее время данная стратегия продолжает существовать, ее значимость сильно упала.

Конец 90-х годов XX в. ознаменовался положительными тенденциями в экономике юга Дальнего Востока, что в первую очередь отразилось на городах, и, как следствие, возникла необходимость в дополнительной дешевой рабочей силе. Частично проблема дешевой рабочей силы решалась при помощи иностранных граждан, частично – за счет выходцев из села. Сельское население потяну-

лось в города в поисках работы. Начинает формироваться новая адаптивная стратегия, стратегия «удаленной занятости», которую П.П. Великий обозначил как «неоотходничество»⁹.

По мнению П.П. Великого, современное отходничество сельских жителей является, с одной стороны, реагированием на ограниченность возможностей удовлетворения основных потребностей в локальной среде, с другой – свободной реализацией своего потенциала. Ответ на вопрос о причинах неоотходничества на юге Дальнего Востока в значительной степени будет располагаться в несколько иной плоскости, чем та, которая была выявлена Великим для центральных регионов страны.

Одно из самых серьезных несовпадений – это тот факт, что количество сельскохозяйственных предприятий в селах юга Дальнего Востока за последние годы снизилось незначительно. Другое дело, что их функционирование является скорее «призрачным», чем реальным. Значительная часть предприятий продолжает существовать только формально, фактически не осуществляя какой-либо серьезной деятельности. Та же часть предприятий, которая продолжает работать, больше напоминает ЛПХ.

Это, в свою очередь, влечет за собой невозможность трудоустройства по месту жительства. Около 81% респондентов указали, что существующие в их населенных пунктах предприятия не в состоянии обеспечить их работой.

Немаловажное значение приобрел и тот факт, что сельское население утрачивает сельскохозяйственную самоидентичность. Это проявляется в том, что люди перестают воспринимать сельское хозяйство как предпочитаемую или хотя бы приемлемую сферу занятости. Работать в сельском хозяйстве согласны только 8% сельского населения, при очень серьезном увеличении зарплаты – еще около 15%. Все это в значительной степени определяет широкое распространение стратегии удаленной занятости, или неоотходничества.

Стратегия удаленной занятости имеет позднее формирование, приурочена к периоду 1999–2005 гг., когда на территории области наблюдалось усиление экономического роста и активизация строительной и промышленной деятельности. За счет семейных и дружеских связей некоторая часть сельского населения была привлечена к промышленной деятельности на территории ближайших городов. Некоторой разновидностью данной стратегии стало нахождение места работы в ближайшем крупном населенном пункте, не имеющем статуса города.

Чаще всего поиск работы велся через знакомых и родственников. В дальнейшем, найдя работу в городе, человек постепенно

перетягивал в организацию, в которой трудился, близких друзей, родню. Подобный стиль занятости был сопряжен с поиском жилья в городе, чтобы избежать ежедневных поездок «дом–работа–дом». Жилье снималось в складчину, либо селились на первых порах у родственников, знакомых и т. д.

Наиболее удачными вариантами работы были командировочный стиль занятости (когда работники организации занимались ремонтами, строительством, выполняли какие-либо заказы не в каком-то конкретном населенном пункте, и, следовательно, их разъезды и проживание оплачивались работодателем) и занятость с графиком дежурств (когда уровень заработной платы позволял человеку приехать на дежурство, отбыть его и вернуться домой для отдыха на несколько дней, что значительно сокращало транспортные расходы).

Как показало проведенное исследование, данная стратегия реализовывалась в 44% домохозяйств. Здесь учтены только те респонденты, которые отметили, что неоднократно пытались найти, и находили, работу за пределами своего населенного пункта, либо те, кто и в настоящий момент трудится удаленно от места жительства. При этом стоит отметить, что еще около 12% опрошенных указали, что они делали попытки реализации данной стратегии.

Анализ географического распределения мест трудоустройства при удаленной занятости демонстрирует, что подавляющее большинство ориентировалось на г. Биробиджан (около 30%); близлежащие районные центры (9%); незначительное количество опрошенных (4%) указали, что пытались найти работу либо работали в населенных пунктах, не являющихся районными центрами. Порядка 10% в своих поисках работы ориентировались преимущественно на удаленно-вахтовую занятость. Эта категория граждан указала, что неоднократно искали работу и находили ее в городах Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске. В эту же группу попали люди, которые работали и работают на длительных вахтах в районах Крайнего Севера.

Как показало проведенное исследование, кардинальное изменение экономических условий на селе юга Дальнего Востока не привело к ожидаемым положительным результатам. Вместо формирования нового класса сельского хозяина – фермера произошло значительное обнищание населения, утрата побудительных мотивов для сохранения сельскохозяйственной занятости, значительное размывание сельского социума. Все это не может не сказаться на дальнейшем сохранении и развитии сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке, которое при сохранении сущес-

твующих тенденций становится достаточно призрачным. Уже сейчас сформировался значительный слой сельских жителей, которые никоим образом не ассоциируют себя с сельскохозяйственным производством.

Примечания

- ¹ *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.
- ² *Великий П.П.* Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55–64.
- ³ *Бляхер Л.Е., Соловченко С.А.* Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник СПбГУ. 2009. Серия 12 «Психология, социология, педагогика». Вып. 2. Ч. 2. С. 134–147.
- ⁴ *Хагуров А.А.* Социология российского села. М.: Институт социологии РАН, 2010. 478 с.
- ⁵ Здесь и далее приводятся материалы социологического опроса сельских жителей на территории одного из субъектов юга Дальнего Востока – Еврейской автономной области – в 2010–2011 гг. Выборка – сложная, многоступенчатая, квотная по полу и возрасту, n = 330.
- ⁶ *Нечиторенко О.В.* Становление многоукладности в аграрной сфере российского общества и эволюция адаптационных стратегий сельского населения // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Мат-лы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012. 1 CD ROM. С. 5124–5132.
- ⁷ *Штейнберг И.* Процесс институализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 62–75.
- ⁸ *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Там же. № 4. С. 31–50.
- ⁹ *Великий П.П.* Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.

Л.Ф. Адилова, В.А. Мищенко

ОБРАЗ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКИХ СМИ

Авторы анализируют вопрос о соотношении деструктивного воздействия современных СМИ на семью как важнейший институт социализации с личным отношением членов журналистского сообщества к семейным ценностям и соответствующему медиаконтенту. В ходе исследований было установлено, что среди сотрудников СМИ в качестве идеала семейных отношений преобладают условно консервативные позиции. Журналисты критично воспринимают существующий медиаконтент и позитивно относятся к общественно-государственному влиянию на редакционную политику с целью публикации материалов, направленных на повышение престижа семьи, продвижение семейных ценностей.

Ключевые слова: институт семьи, образ семьи, семейные ценности, СМИ, журналисты, медиаконтент, информационная политика.

Ценностные ориентации семьи, которые репрезентируют СМИ, во многом определяют современные модели семейного поведения и создают значимые эталоны семьи, которые сопровождают человека всю жизнь и оказывают основополагающее влияние на его мировоззрение. Люди часто перенимают те социальные нормы поведения, которые транслируются СМИ¹.

Внедрение новых информационных технологий приводит к вытеснению многих привычных методов продвижения ценностей, разрушению информационных барьеров и освоению новых способов коммуникативного воздействия. Опасность, связанная с глобализацией информационных технологий, позволяет некоторым авторам говорить об «информационном неокOLONиализме», который разрушает традиционные ценности локальных цивилизаций, заменяя их ценностями, присущими технологически развитым стра-

нам². Для формирования имиджа семьи особое значение имеют такие информационные технологии, как возникновение стереотипов и мифов об истории зарождения семьи, о семьях выдающихся государственных и политических деятелей прошлого и настоящего, с помощью которых управляют процессом восприятия информации. Так происходит «проектирование имиджа российской семьи»³.

В настоящее время семья перестает быть ценностью для людей, исчезают мотивы, побуждающие вступать в брак, рожать и воспитывать нескольких детей. Это состояние называется кризисом семьи, который в первую очередь проявляется как кризис семейных ценностей⁴. Сегодня в общественной повестке дня на первый план выдвигаются вопросы духовно-нравственного здоровья нации, воспитания подрастающего поколения на основе традиционных ценностей⁵.

В Общественном проекте Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. ослабление института семьи и традиционных семейных ценностей прямо увязывается с неблагоприятным информационным фоном. Основным проявлением этого признается агрессивная пропаганда семейного неблагополучия, насилия, неуважения к родителям, ненависти к детям⁶.

Возникает актуальный вопрос о соотношении деструктивного воздействия современных СМИ на семью с личным отношением членов журналистского сообщества к семейным ценностям и соответствующему медиаконтенту. Он имеет практическое значение в контексте дискуссии об оптимальной модели информационной политики государства. Для изучения этого вопроса некоммерческой организацией «Фонд Андрея Первозванного» в 2013 г. совместно с исследовательской группой ЦИРКОН было организовано социологическое исследование «Семейные ценности в современных СМИ».

Одним из основных объектов исследования стали журналисты, редакторы, директора СМИ федерального уровня, модераторы популярных групп в социальных сетях (метод – опрос, N = 110). Опрос показал, что в российском медиасообществе существует консенсус в части представлений об идеальной семье. С наибольшим одобрением журналистами воспринимаются следующие характеристики: полная семья (92%); официальный брак (85%); семья, в которой оба супруга обеспечивают семью и вместе занимаются домом/детьми (83%); семья, где с уважением и почтением относятся к старшим членам семьи (старшему поколению) и прислушиваются к их мнению (82%); семья с 1–2 детьми (79%); семья с приемными детьми (75%); один брак на всю жизнь (73%); семья, в которой муж

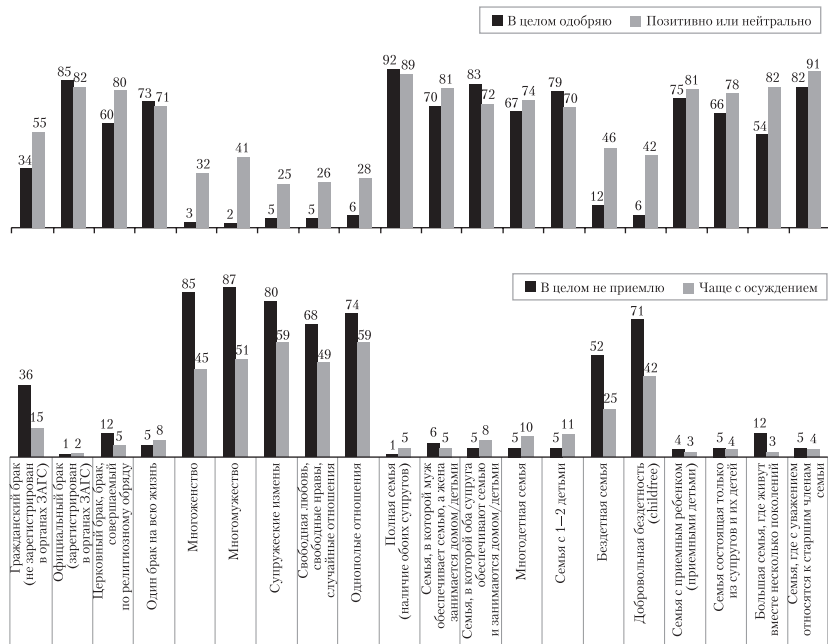

Рис. 1. Расхождение между одобрением / неодобрением характеристик семейно-брачных отношений и их восприятием в СМИ (журналисты, % от всей выборки)

в основном обеспечивает семью, а жена занимается домом/детьми (70%); многодетная семья (67%). Негативные оценки получили характеристики: многомужество (87%), многоженство (8%), супружеские измены (80%); однополые отношения (74%); добровольная бездетность (71%); свободная любовь (68%).

27% сотрудников СМИ считают наиболее важной функцией СМИ воспитательную, роль в продвижении нравственных норм и ценностей в обществе (вторая по популярности функция после информационной, которой отдали предпочтение 67% респондентов). 75% заявили о недоверии к содержанию информационного потока, зачастую несущего, по их оценкам, ложную и непроверенную информацию. Доля тех, кто считает, что семейного контента в СМИ мало, вчетверо превышает долю придерживающихся противоположного мнения (79% против 20%).

Восприятие образа семьи, транслируемого российскими СМИ, со стороны работников массмедиа было одним из ключевых вопро-

сов исследования. На рис. 1. представлены профили идеальной и транслируемой семьи. По большинству характеристик, воспринимаемых в журналистском сообществе позитивно (одобряют более 60% респондентов), серьезных расхождений в образах идеальной и транслируемой в СМИ семьи нет. Исключение составляет церковный брак: доля одобряющих церковный брак на 20% ниже доли тех, кто считает его подаваемым в СМИ в позитивном либо нейтральном ключе. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении большой семьи.

В отношении характеристик, которые журналистами не одобряются (т. е. их одобряют от 2 до 12% респондентов), фиксируются существенные расхождения: доля тех, кто считает, что эти характеристики подаются в СМИ позитивно и нейтрально, существенно выше доли одобряющих эти характеристики (20–40%).

Серьезные расхождения между профилями идеальной и транслируемой семьи существенно чаще фиксируются для не одобряемых большинством журналистов характеристик семейно-брачных отношений: многомужество и многоженство, однополые отношения, супружеские измены, добровольная бездетность, свободные отношения и случайные связи, бездетные семьи. Дисбаланс заключается в том, что доля не одобряющих перечисленные характеристики заметно выше, чем доля считающих, что СМИ представляют эти характеристики в негативном ключе. То есть можно сделать вывод, что не одобряемые большинством характеристики семейно-брачных отношений, в оценках журналистов, недостаточно осуждаются в СМИ.

Опрос выявил неожиданные оценки текущего медийного контента (считают ли журналисты, что в СМИ есть аморальные, опасные передачи, материалы). С наличием такого рода материалов согласились 93%. Наиболее распространенной точкой зрения среди журналистов на действия в отношении нежелательного контента оказалось предложение не о запрете (18%), а об ограничении доступа к нему (48%) посредством перевода на платные телеканалы, продажи в специальных магазинах и т. п. Тем не менее 27% опрошенных выразили мнение, что с такими материалами ничего не надо делать, так как это право СМИ транслировать то, что интересно хотя бы небольшому кругу людей.

Указанная выше оценка медиаконтента делает вполне логичным высокий уровень поддержки со стороны журналистов необходимости общественно-государственного регулирования содержания материалов СМИ в целях повышения престижа семьи, укрепления семейных ценностей. Из предложенного набора воз-

можных субъектов влияния наибольшую долю голосов получили общественные советы (65%), государственные органы (40%), а также профессиональные организации работников массмедиа (36%). Каждый четвертый участник опроса выбрал религиозные организации. Большинство участников опроса поддержали довольно радикальный вариант влияния на редакционную политику, при котором государство разрабатывает стандарты, обязательные для исполнения СМИ (рис. 2).

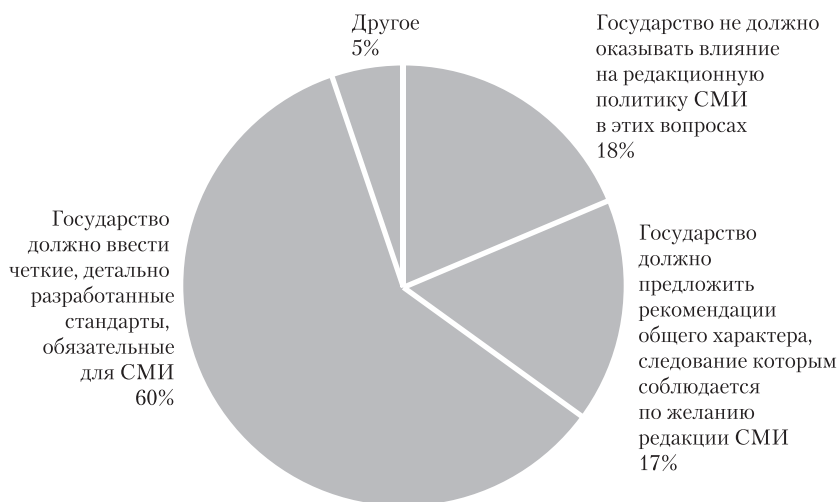

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Должно ли государство и в какой степени оказывать влияние на редакционную политику СМИ с целью укрепления семейных ценностей у населения, распространения положительных морально-нравственных образцов поведения?» (журналисты, % от всей выборки)

35% утверждают, что в настоящее время они совершенно не видят ни на примере собственного, ни других СМИ каких-либо действий государства по поддержке семейных ценностей в СМИ. Активными действия государства по поддержке семейных ценностей в СМИ считают только 4% респондентов, ответивших, что видят такие действия «часто». Ответы оставшейся части участников опроса разделились в близких долях между вариантами «таких действий очень мало» (33%) и «вижу некоторые примеры таких действий» (28%). Личные позиции довольно значительной части

журналистского сообщества в вопросах продвижения образа семьи и семейных ценностей далеко не всегда совпадают с позицией руководства СМИ: о случаях подобных разногласий в своей журналистской практике сообщили более половины респондентов, а каждый десятый респондент заявил, что такие случаи происходили довольно часто (рис. 3).

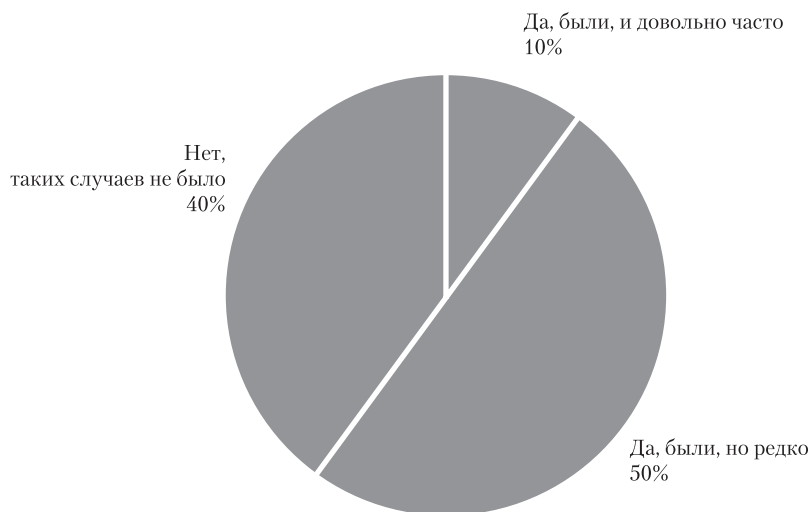

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Были ли в вашей профессиональной деятельности случаи, когда ваше личное мнение о том, как должен распространяться образ семьи, продвигаться семейные ценности в средствах массовой информации, расходилось с мнением вашего руководства (редакции)?» (журналисты, % от всей выборки)

У 57% имеются свои собственные материалы, в которых в позитивном ключе рассказывается о примерах семейных отношений и которые респонденты в принципе хотели бы включить в свои публикации, передачи и т. п. Основными причинами, мешающими авторам включать эти материалы в публикации или передачи, являются: неподходящий формат СМИ (каждый третий респондент) и позиция руководства, редколлегии или владельца СМИ (37%). На невостребованность материалов о семейных отношениях указали 17%.

Данные исследования могут свидетельствовать о том, что среди представителей медиасообщества России в качестве идеала семей-

ных отношений преобладают условно консервативные позиции. Журналисты в большей степени ориентированы на стабильную и традиционную семью. Существует небольшое число позиций, решительно противоречащих традиционной морали и вызывающих явное неприятие со стороны абсолютного большинства. А в остальном респонденты достаточно терпимы к разнообразным формам построения семейной жизни. Представители массмедиа одновременно считают вполне приемлемыми такие практики семейно-брачных отношений, как большая многопоколенная семья и нуклеарная семья, семья патриархального и партнерского типа и др.

Опрос продемонстрировал довольно неоднозначную интерпретацию журналистами понятия «идеальная семья». Иногда «идеал» понимался как личный идеал, но гораздо чаще трактовался как идеал общественный (общественно признанный, общественно одобряемый). Существует расхождение между личными устремлениями и общественно одобряемыми моделями семейных отношений.

Указанные выше оценки содержания существующего медиаконтента, редакционной политики СМИ, государственной информационной политики дают основание полагать, что значительная часть журналистского сообщества склонна позитивно воспринять активизацию общественно-государственного влияния на содержание материалов в массмедиа. Эти выводы подтверждаются результатами экспертного интервью, проведенного среди редакторов, директоров, ведущих журналистов авторитетных региональных и местных СМИ в Белгороде, Нижнем Новгороде, Тюмени, Кургане, Новосибирске, Южно-Сахалинске (105 респондентов). Опрос осуществлялся в июне–августе 2013 г. рабочей группой Фонда Андрея Первозванного. Наиболее популярные предложения, высказанные в ходе интервью, можно условно разделить на семь групп.

1. *Активизация общественно-государственного влияния на редакционную политику СМИ в части продвижения семейных ценностей.* Предлагается разработать Концепцию государственной информационной политики, направленной на повышение престижа семьи и семейных ценностей. Проведение просемейных общероссийских медийных акций, объединяющих СМИ разных уровней (в том числе регионального и местного). Повышение информационной открытости административных органов, активизация их диалога со структурами гражданского общества по вопросам стратегии и тактики действий в интересах семьи.

2. *Усиление материально-финансовой поддержки семейно-ориентированных СМИ и журналистов со стороны государства.* Создание системы грантовой поддержки со стороны государства медиа-

программ, направленных на поддержку института семьи, а также СМИ и отдельных журналистов, занимающих активную позицию в пропаганде и укреплении семейных ценностей, на различных уровнях. Организация «узких» и разнонаправленных номинаций в ежегодных федеральных и региональных грантовых конкурсах среди СМИ по семейной тематике («Ответственное отцовство», «Поддержка родителей ребенка-инвалида», «“Особый ребенок” в детском саду и дома», «Семейный труд» и т. п.), что расширит возможности для анализа эффективности семейной политики, скоординирует действия административных органов и медиасообщества. Введение налоговых преференций для СМИ, ориентированных на продвижение семейных ценностей путем дифференцированного отношения к налогообложению коммерческих и социальных медиа.

3. *Информационно-экспертная поддержка СМИ, участвующих в продвижении семейных ценностей.* Создание всероссийской экспертной площадки по вопросам семейной политики, нацеленной на сотрудничество с региональными и местными СМИ для продвижения семейных ценностей в медиапространстве. Формирование доступного интернет-банка фото- и видеоматериалов просемейной направленности для безвозмездного размещения в СМИ. Облегчение условий для использования местными телекомпаниями отечественных телевизионных фильмов.

4. *Проведение открытой и широкой дискуссии по результатам реализации Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в части маркировки 16+).*

5. *Улучшение системы подготовки журналистских кадров, повышение их профессионального мастерства.* Организация постдипломного и дополнительного образования журналистов, проведение практических мастер-классов, профессиональных конкурсов, посвященных различным аспектам семейной политики.

6. *Развитие журналистской этики.*

7. *Развитие семейно-ориентированной социальной рекламы.* Формирование банка готовой социальной рекламы (телевизионной, печатной, радишной) для бесплатного размещения в СМИ всех уровней.

Целенаправленно формируя позитивный образ семьи, используя возможности управления и коррекции, оказывая регламентирующее влияние на установки, мотивацию поведения людей, мы обеспечим устойчивую основу социума.

-
- ¹ *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 121.
 - ² *Ишмуратова Е.А.* Влияние средств массовой информации на формирование культурной идентичности // Путь Востока: Мат-лы VII молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «SYMPOSIUM». Вып. 33. СПб., 2004.
 - ³ *Адилова Л.Ф.* Механизм трансформации имиджа России // ПОЛИТЭКС. 2007. № 3. С. 210–218.
 - ⁴ *Руднева М.Я.* Мотивация создания и функционирования молодой семьи в современной России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 54–55.
 - ⁵ *Морозова О.П.* Исследование эффективности реализации семейной и демографической политики в условиях региона // Актуальные проблемы массовой коммуникации: опыт прошлого – проблемы настоящего. Пенза, 2009. С. 78–79.
 - ⁶ Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (общественный проект) / Сост. Е.Б. Мизулина и др. М., 2013.

ПЕЧАТНЫЕ СМИ В РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.).

Печатные СМИ в постсоветской России претерпели существенные трансформации качественного и количественного характера. Ведущими факторами изменений состояния информационного поля печатных СМИ выступили изменения политической системы и экономических отношений в обществе.

Изменилась конъюнктура, были провозглашены рыночные отношения и гласность. Расширился политический спектр, возникло большое количество социальных групп, имеющих разнонаправленные интересы. Всё это послужило началом для нового этапа в развитии частных СМИ.

Итак, на трансформацию СМИ в России повлиял ряд факторов: экономический, политический, социальный и технологический.

Ключевые слова: печатные СМИ в России, постсоветский период, средства массовой информации, СМИ в Интернете, информационное поле, медиарынок.

Политическая и экономическая ситуация в 1990-е годы претерпела серьезные изменения. Наряду со сменой политического режима и экономического курса трансформации подвергся и институт СМИ страны. Стали развиваться так называемые рыночные отношения, была провозглашена гласность. Соответственно изменилась собственно политическая и экономическая конъюнктура в обществе. СМИ получили колоссальный толчок к развитию, хотя квалифицировать однозначно как развитие ту трансформацию, которую претерпели постсоветские печатные СМИ, было бы не вполне верно.

В данной статье автор выделяет ряд факторов, которые выступали как доминанты, определяющие конфигурацию и информационное наполнение поля постсоветских печатных СМИ на этапе 90-х годов XX в. и в первой декаде XXI в. Рассмотрим их последовательно.

Экономический фактор

Изменение отношений собственности в обществе – это один из ключевых моментов, повлиявших на развитие печатных СМИ в РФ. Если в СССР существовали СМИ, которые принадлежали государственным и общественным организациям, то в постсоветской России появляются новые «игроки» на рынке медиа – частные лица, в процессе приватизации образующие закрытые и открытые акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, совместные предприятия. Начиная с августа 1991 г. российские СМИ приобретают статус «независимых», к середине 1990-х годов владельцами большинства медиа выступают различные крупные бизнес-структуры. Количество государственных СМИ и финансирование медиа в связи с появлением новых собственников и экономической ситуацией в стране стало сокращаться. Предпочтения аудитории, читающей печатные СМИ, стали меняться, и началась борьба за целевую аудиторию. В связи с этим содержание многих изданий перестало окупаться, их начали закрывать. Так происходило с литературными и научными изданиями, популярными в СССР. Однако в 1990-е появились и новые сегменты на рынке печатных изданий: глянцевого, делового, автомобильного, финансовые издания. Число печатных изданий росло; так, например, в 2008 г. в России выходило 8978 газет, что на 62% больше показателя 1999 г.¹

В середине 1990-х годов начал складываться конкурентный рынок СМИ. Владельцами СМИ в стране становятся не только государственные организации и ведомства. В это время уже существовавшие медиа, вновь появившиеся и созданные с нуля стали переходить в руки политических партий и движений, бизнес-сообществ и структур, профсоюзов и даже церкви. Зачастую первыми лицами в данной сфере становились и частные собственники (они же и значимые «игроки» на политическом поле), такие как Борис Березовский, Владимир Гусинский, Бадри Патаркацишвили, Арам Габрелянов, Алишер Усманов и Михаил Прохоров. Вскоре в журналистском обиходе появляются термины «медиамагнат» и «медиахолдинг».

В эти же годы возникают знаменитые позже издательские дома и их издания.

К ним можно отнести:

– «Мост-медиа» (НТВ, региональная телевизионная сеть ТНТ, радио «Эхо Москвы», газеты «Сегодня», «7 дней», журнал «Итоги» и т. д.);

- «Проф-медиа» (газеты «Известия», «Комсомольская правда», журналы «Закон», «Эксперт», радио «Европа+» и др.);
- «Коммерсантъ» (газета «Ъ-daily», журналы «Власть», «Деньги», «Домовой», «Автопилот» и др.);
- «АиФ» (еженедельник и несколько специализированных изданий);
- «МК» (газета, ее приложения «МК-бульвар», «Час пик»);
- «Экономическая газета».

Некоторые издательские дома и издания были созданы по инициативе Запада. Так, например, в 1999 г. в России появилась газета «Ведомости» в издательском доме «Sanoma Independent Media». Основано издание было совместно с «Financial Times» и «The Wall Street Journal». Некоторые издательские дома, как, например, «Conde Nast», использовали модели уже раскрученных на Западе изданий, так в России увидели журналы «GQ» и «Vogue», которые очень популярны в Европе (Франция, Германия, Италия).

Политический фактор

Особое внимание хотелось бы уделить такому понятию, как «влиятельность СМИ». В начале 1990-х годов в российском обиходе появляется популярное словосочетание «четвертая власть» – это термин, определяющий СМИ как социальный институт и его влияние в социуме. Влияние на определенные целевые группы осуществляется с помощью контента СМИ. Контент, т. е. содержание и информационное наполнение того или иного СМИ, теперь имеет значение не только для конечного потребителя (читателя, слушателя или зрителя), но и для других представителей медиарынка. Появляется такой термин, как «цитируемость». Цитируемость определяется количеством ссылок на источник публикации и в конечном итоге повышает популярность источника и наращивает его аудиторию. Подобный консолидированный рейтинг, составленный исследовательской компанией «Медialogия» по итогам 2012 г., может помочь нам в решении задачи по оценке уровня влияния тех или иных медиадомов на информационное пространство. Ниже (табл. 1) представлена рабочая версия первого рейтинга за февраль 2012 г., построенного на основе Индекса цитируемости (ИЦ). Значение ИЦ для каждого медиахолдинга рассчитывалось как сумма индексов всех СМИ, входящих в медиахолдинг².

Таблица 1

Рейтинг медиахолдингов. Агентство «Медиалогия»

Место	Медиахолдинги	Медиаресурсы	ИЦ
1	РИА Новости	РИА Новости, газета «Московские новости», ИА ПРАЙМ, ria.ru, mn.ru, inosmi.ru, «Р-Спорт» и др.	21 637,87
2	Интерфакс	ИА Интерфакс, interfax.ru, региональные представительства	16 997,39
3	ИТАР-ТАСС	ИА ИТАР-ТАСС, itar-tass.com, региональные представительства	14 918,18
4	КоммерсантЪ	Газета «КоммерсантЪ», журналы «КоммерсантЪ-Власть», «КоммерсантЪ-Деньги», «Огонек», «Секрет фирмы», «Автопилот», «КоммерсантЪ Weekend», «КоммерсантЪ BusinessGuide», радиостанция «КоммерсантЪ FM», телеканал «КоммерсантЪ», kommersant.ru, тематические приложения, региональные выпуски	6016,42
5	Газпром-Медиа Холдинг	Телеканалы НТВ, ТНТ, радиостанции «Эхо Москвы» и «Сити FM», журналы «Итоги», «Караван историй», «Семь дней», газета «Трибуна» и др.	2978,49
6	News Media	Газеты «Известия», «Твой день», «Жизнь», lifenews.ru, lifesports.ru, marker.ru, izvestia.ru, tden.ru и др.	2889,54
7	Комсомольская правда	«Комсомольская правда», kp.ru, Радио КП, КП ТВ, «Советский спорт», sovsport.ru, региональные выпуски	2880,64
8	Национальная Медиа Группа	Первый канал, Пятый канал – Петербург, РЕН ТВ, Русская служба новостей, 1tv.ru, ren-tv.com, rusnovosti.ru, 5-tv.ru и др.	2757,96
9	S a n o m a Independent Media	Газеты «Ведомости», «The Moscow Times», «The St. Petersburg Times», журналы «Cosmopolitan», «Esquire», «Harvard Business Review», rb.ru и др.	2708,67
10	Российская газета	«Российская газета», rg.ru, «Российская бизнес-газета», тематические приложения, региональные выпуски	2119,72

Таким образом, влияние СМИ в первую очередь определяется его контентом, контент определяет аудиторию, аудитория – рекламодателя. По сравнению с данными по медиахолдингам, приведенными в начале статьи и датированными 90-ми годами, можно проследить перемещение некоторых печатных СМИ от владельца к владельцу. Например, газета «Известия» за этот период сменила четырех владельцев – «Профмедиа», «Газпроммедиа», «Национальная Медиагруппа» и, наконец, «News Media». Такая тенденция прослеживается не только по газете «Известия» – крупные медиахолдинги наращивают свои активы, избавляются от убыточных изданий, тем самым повышая свою влияние и доходность.

Социальный фактор

Наряду с положительной динамикой и появлением колоссального количества новых изданий практически всю новейшую российскую историю СМИ характеризует падение тиражей и популярности изданий.

Для сравнения, в конце 80-х годов XX в. издания, которые первыми почувствовали демократические изменения в устройстве и сознании общества и вышли в широкую печать, имели крупнейшие тиражи. Так, газета «Известия» выходила общим тиражом 12 млн экз., «Комсомольская правда» – 22 млн, а газета «Аргументы и факты» попала в Книгу рекордов Гиннеса с тиражом 33 млн экз.

Однако на протяжении следующих двух десятилетий ситуация сильно изменилась. В 1990-е годы помимо появления большого количества предпринимателей, политических сил (партий, движений) и других заинтересованных лиц стали зарождаться и новые издания. На момент 2013 г. история более 98% современных СМИ имеет начало именно в 1990-е годы. Так появлялись издательские дома «7 дней» («7 дней», «Итоги», «Караван историй»), «Burda» («Burda», «Лиза», «Отдохни» и др.), «Эксперт» («Русский Репортер» и «Эксперт»), «Пронто-Москва» («Из рук в руки»), «Heast Shkulev Media» («Elle», «Maxim», «Psychologies») и др. Появление такого числа новых изданий не могло не сказаться отрицательно на тиражах и аудиториях ранее появившихся медиа. За 1990-е годы тиражи топовых еще советских изданий в среднем упали в 5–15 раз, за 2000-е – в 5. В качестве сравнения – тираж издания «Известия» в 2013 г. составляет 150 тыс.³ (в 1980-е было 12 млн экз.), «Комсомольская правда» – 655 тыс.⁴ (было 22 млн), «Аргументы и факты» – 2,9 млн экз. (было 33 млн), о чем свидетельствуют дан-

ные «Бюро тиражного аудита»⁵ и выходные данные, опубликованные на официальных сайтах изданий.

Удивительным фактом является также то, что при подобном падении тиражей изданий их количество в целом не изменилось, а в случае газет даже увеличилось по сравнению с советским периодом, когда на всю многомиллионную, «самую читающую» страну издавалось всего несколько десятков печатных изданий, к тому же аудитория изданий была четко сегментирована. Сейчас наряду с ограничением зоны распространения (в связи с распадом СССР некоторые издания не распространяются на территории стран СНГ) наблюдается перераспределение аудитории между изданиями одного сегмента. К примеру, к середине 1990-х годов аудитория газеты «Известия» перераспределилась между такими изданиями, как «Коммерсантъ», «Ведомости», «РБК-daily» и «Российская газета», что привело к падению тиража и ограничению зоны распространения издания.

Смена экономической политики повлияла на то, что аудитория стала диктовать печатным СМИ новые правила поведения на медиарынке: стали активно внедряться маркетинговые технологии, больше внимания стало уделяться оформлению и дизайну (например, для утверждения дизайн-макетов изданий зачастую использовались фокус-группы), изменялось качество печати (с привычной черно-белой печати в конце 1990 – начале 2000-х многие издания начали переходить на полноцветную печать).

Технологический фактор

Рынок прессы в современной России достаточно хорошо развит и сегментирован по целевым аудиториям, его анализ и подробное изучение следует также проводить по сегментам, поэтому в настоящей статье более подробно будет проанализирован сегмент деловой и общественно-политической прессы, которая является своеобразным рупором общественного мнения. Подробно остановлюсь на ежедневных газетах, у которых уже имеются своя богатая история и авторитет на рынке медиа: «Коммерсантъ», «Ведомости», «Известия», «РБК-daily». Данные издания являются крупнейшими в сегменте деловой прессы среди газет. По данным исследовательской компании TNS Media, по Москве показатель аудитории одного номера газеты «Коммерсантъ» составляет 121,2 тыс. человек, «РБК-daily» – 111,6 тыс. человек, «Ведомости» – 99,3 тыс. человек, «Известия» – 90,3 тыс. человек⁶.

Помимо тематики и выбора сегмента у изданий есть некоторые общие черты. Во-первых, владельцами изданий «Коммерсантъ», «Известия», «РБК-daily», «Ведомости» являются частные лица (Алишер Усманов, Арам Габрелянов, Михаил Прохоров и группа финских и голландских инвесторов во главе с Дерком Сауером). Поскольку все финансовые риски несет уже не государственный бюджет, а внутренний капитал организации, то и требования выдвигаются другие и используются новые методики расширения аудитории. Во-вторых, как ни странно, аудитории (аудитория одного номера по TNS Media) изданий по Москве находятся примерно на одном количественном уровне (90–120 тыс. человек).

Для того чтобы проследить динамику изменения аудитории в сегменте деловой прессы (газеты), сравним показатели совокупного охвата аудиторий по данным TNS Media. На начало 2008 г. совокупный охват изданий «Коммерсантъ», «Ведомости» и «Известия» составлял 990,7 тыс. человек, а на начало 2013 г. охват составлял уже 750,5 тыс. человек⁷. Объяснить данные изменения можно и кризисом 2008–2009 гг., и переходом ведущих СМИ в электронный формат. В последние 5 лет у изданий появились не только сайт и группы в социальных сетях, но и продажа pdf-версий изданий и приложения для мобильных устройств и планшетов. Многие медиаорганизации становятся мультимедийными: теперь они включают в себя не только печатные издания, но и радио, телевидение, а с середины 1990-х и начала 2000-х годов еще и интернет-ресурсы (практически у каждого печатного издания появляется свой сайт) и приложение для мобильных устройств и планшетов. В дальнейшем появляется тенденция перехода печатных СМИ в электронный формат. В конце 2000-х начал происходить постепенный переход аудитории к электронным носителям информации: Интернет и pdf-версии изданий, мобильные приложения для платформ iOS, Android, Windows Phone и Windows Mobile, Symbian OS.

Выводы

1. По сравнению с советскими печатными СМИ информационное поле постсоветской России сильно трансформировалось. Основными факторами, повлиявшими на эти изменения, автор считает как минимум четыре – экономический, политический, социальный и технологический.

2. Можно выделить два этапа, в течение которых печатные СМИ претерпевали наиболее активную трансформацию: 90-е годы XX в. и первая «декада» XXI в.

3. Основные изменения произошли в контенте печатных СМИ и перераспределении «веса» различных сегментов и их содержательной направленности, а также в колоссальном увеличении числа изданий при относительно небольших тиражах (по сравнению с 80-ми годами XX в.).

4. В современной России СМИ обращаются уже к целевой аудитории, анализируют ее и регулярно проводят мониторинг с целью выявления каких-либо изменений по социально-демографическим признакам и потребительским предпочтениям. Влиятельность и авторитетность СМИ теперь определяется его рейтингом, который определяется количественными показателями – аудиторные данные, цитируемость, рекламные сборы.

5. Перспективы развития печатных СМИ труднопредсказуемы, но представляется, что многие из крупных изданий нашли свою нишу и сохранятся как в бумажной, так и в электронной версии.

Примечания

¹ Число выпущенных газет (изданий) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2013).

² Рейтинги СМИ. Медиахолдинги – февраль 2012 // Медиалогия. Из URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_smi/2046 (дата обращения: 10.09.2013).

³ «Известия» // Бюро тиражного аудита. URL: <http://www.press-abc.ru/> (дата обращения: 10.09.2013).

⁴ «Комсомольская правда» // Там же. URL: <http://www.press-abc.ru/> (дата обращения: 10.09.2013).

⁵ Бюро тиражного аудита. URL: <http://www.press-abc.ru/> (дата обращения: 10.09.2013).

⁶ По данным TNS Media – Москва – Март – Июль 2013 года.

⁷ По данным TNS Media – Россия – Сентябрь 2007 – Февраль 2008 и Сентябрь 2012 – Февраль 2013 года.

С.В. Докука

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

За последнее десятилетие множество исследователей подключились к изучению виртуальных сообществ, применяя при этом самые разнообразные методы и подходы. В частности, к традиционно изучавшим виртуальное пространство социологам и культурологам присоединились физики, математики, информатики и лингвисты. В настоящей работе выделяются ключевые междисциплинарные направления изучения виртуальных структур и описываются основные задачи, исследуемые в настоящее время.

Ключевые слова: методология, Интернет, коммуникации, социальные сети, междисциплинарные исследования.

Все больше людей присоединяются к интернет-пространству и все большую роль Всемирная паутина играет в жизни современного общества. Сегодня Интернет не просто трансформирует социальные институты и процессы, но кардинально их преобразует. Всё это мотивирует все большее количество исследователей самых разных направлений изучать виртуальные структуры. По результатам анализа многочисленных эмпирических исследований автором настоящей работы было выделено семь основных междисциплинарных подходов к изучению виртуальных сообществ.

Компьютерно-математический подход

Важной задачей исследователей является изучение топологии (структуры) сети как отдельных виртуальных сообществ, так и масштабных систем, и для этого в большинстве случаев используется сетевой анализ¹. В сетевом анализе для описания взаимодействия между акторами (индивидами, интернет-пользователями) используется аппарат теории графов, позволяющий изучить структуру отношений.

Так, в работе² был построен граф социальной сети Facebook (в качестве вершин сети выступали пользователи, а в качестве ребер – формальные «дружеские связи» между ними) и исследованы его свойства. Выяснилось, что среднее число друзей пользователя колеблется в интервале от 100 до 200 (т. е. совпадает с числом Данбара³). Исследователи также отметили, что вне зависимости от возраста люди устанавливают связи преимущественно с ровесниками. В то же время никаких предпочтений в отношении пола для установления «дружеских» контактов не прослеживается.

В статье⁴ изучаются свойства другой распространенной социальной платформы – микроблогингового ресурса Twitter. Исследователями были собраны несколько миллионов коротких сообщений-твиттов с указаниями места жительства отправивших их пользователей, на основе которых были выявлены закономерности, характерные для данной сети. В частности, выяснилось, что пользователи чаще заводят виртуальных друзей относительно недалеко от места своего проживания. Следует отметить, что в социальной сети Twitter, в отличие от Facebook, пользователь указывает гораздо меньше личной информации, таким образом, определить пол и возраст того или иного участника сервиса не представляется возможным.

Важной задачей, решаемой в рамках компьютерно-математического направления, является и выявление ключевых персон (ключевых акторов), оказывающих наибольшее влияние на социальную систему. Исследователи применяют различные технологии для определения наиболее весомых фигур. Например, Сатник с коллегами⁵ оценивали влияние пользователей исходя из их близости по отношению к остальным участникам; в то время как Абдель-Гани с соавторами⁶ вычислили все три показателя для вершин социальной сети: количество связей пользователя, близость по отношению к другим участникам и то, какое количество потоков информации пользователь контролирует. Однако исследователи не всегда принимают во внимание только позицию акторов. Так, Ромеро с соавторами⁷ создали алгоритм, определяющий влияние пользователя на основе интегрального фактора, включающего как его положение внутри сети относительно других участников, так и активность.

Следует подчеркнуть, что работы, посвященные взаимодействию студентов в виртуальном пространстве, встречаются достаточно часто. Это легко объяснимо: молодые люди активно общаются в социальных онлайн-сетях, а структуры, создаваемые ими, зачастую небольшие, так как включают исключительно членов

группы, что делает их удобными для сетевого и динамического анализа. Кроме того, в случае студенческой группы существует возможность измерения дополнительного параметра – успеваемости учащихся.

Большой интерес в данной связи представляет статья Вакуэро⁸, в которой на примере интернет-сообщества, образуемого студентами первого курса, исследуется феномен «rich club», привлекающий внимание социологов. Изучив виртуальное отображение реально существующей социальной структуры методами сетевого анализа, авторы выяснили, что наиболее преуспевающие в учебе студенты активно взаимодействуют между собой в Интернете и образуют устойчивое ядро (в терминах авторов «rich club»), попасть в которое после определенного момента другим членам группы становится практически невозможно. В другой работе⁹ исследуется онлайн-сообщество, в состав которого наравне со студентами также были включены и преподаватели. По результатам сетевого анализа было выявлено несколько «студентов-звезд», активно участвующих в обсуждениях. Преподаватели выступали чаще всего в качестве модераторов дискуссий. Отметим, что, хоть обсуждаемая работа и выявила социальные роли участников в виртуальном пространстве, было бы также полезно сопоставить онлайн-активность студентов и их успехи, что было реализовано Вакуэро с соавторами¹⁰.

Компьютерно-математическое направление также развивается и в России. В частности, в Институте системного программирования РАН (ИСП РАН) проводятся работы по изучению структуры социальных сетей и поиску алгоритмов для поиска имплицитных сообществ. Большой интерес также представляют работы отечественных ученых¹¹ по идентификации пользователей социальных сетей на различных интернет-площадках на основе их атрибутов (имени, социально-демографических характеристик и других данных) и информации о связях. Следует подчеркнуть, что данные работы в определенной степени важны и для социологов, так как подобный инструментарий мог бы позволить изучить особенности поведения и разделить механизм формирования связей в различных онлайн-структурах.

Физико-математический подход

Особенностями этого направления, в отличие от компьютерно-математического, является ориентация на изучение не статичных структур, а динамических процессов, происходящих внутри сети. В этом подходе можно выделить два основных класса задач – изу-

чение механизма формирования сети и определение механизма распространения информации в системе.

В ходе исследований Бэкстрома с соавторами выяснилось, что механизмы формирования групп в виртуальных сообществах и в реальных структурах имеют очень много общего¹². В частности, исследователи отметили, что зависимость между вероятностью вступления индивида в группу и наличием у него связей с членами этой группы в случае как реальной, так и виртуальной структуры изменяется одинаково. Это свидетельствует о росте мотивации индивида к вступлению в группу при наличии нескольких друзей, уже состоящих там.

Работа Бэкстрома была продолжена Кайрамом, выделившим различные механизмы роста виртуальных сообществ¹³. Была предложена типологизация, в соответствии с которой наблюдается два различных механизма роста сообщества: диффузионный и недиффузионный.

Диффузионным является такое присоединение, в ходе которого в группу входит актер, уже имеющий связи с одним или несколькими членами группы. Как отмечает Кайрам с соавторами, в результате из связей между участниками создается определенный «скелет», по которому распределяется некий импульс, мотивирующий индивидов на вступление в группу.

Недиффузионным, соответственно, называется присоединение изолированного актора, не имеющего на момент вступления в группу связей с кем-либо из участников. Как отмечается в работе, диффузионное присоединение может быть обусловлено воздействием «друзей» индивида, уже находящихся в этой группе. В то же время «изолированный» актер скорее всего выразит желание влиться в сообщество, тема которого попадает в круг его интересов.

Кайрамом с коллегами также было проанализировано, для каких типов сообществ больше характерен диффузионный тип роста, а для каких – недиффузионный. Показательно, что группы, относимые авторами к «крупным» (более 630 участников), преимущественно увеличивались благодаря двум вариантам развития. В то время как для небольших структур (менее 113 членов)¹⁵ в большей степени характерен диффузионный тип роста. Таким образом, Кайрам с соавторами делают закономерный вывод о том, что связи, устанавливаемые внутри небольших виртуальных групп, оказываются более сильными, так как созданы благодаря диффузионному типу, т. е. не только на основе общих интересов, но и вследствие общения.

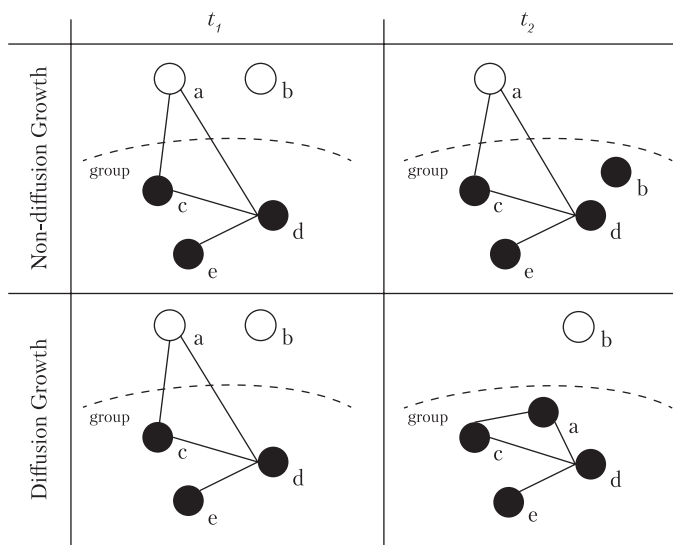

Рис. 1. Недиффузионное и диффузионное присоединение участников¹⁴

Для описания данного вывода можно привести следующий пример: к крупным группам чаще всего относятся «фанатские клубы» – пользователи социальных онлайн-сетей ищут по ключевым словам крупные группы, в которых обычно присутствует большое количество релевантного тематике контента. Авторы сравнивают подобные крупные группы со своеобразным мегаполисом, состоящим из большого числа разреженно связанных индивидов, преследующих (относительно) общие цели. В то же время небольшие группы, созданные, к примеру, студентами одного курса для обмена информацией и коммуникации, обладают совершенно другими характеристиками – их участники не изолированы друг от друга, а поддерживают регулярные контакты. Кайрам с соавторами отмечают, что в небольших группах, размер которых оказывался меньше 113 членов, из первых 40 пользователей более 25% вступали вследствие активизации их «дружеских связей», в то время как для больших групп (размером более 630 членов) этот показатель не превышал 10%.

Исходя из этого исследователями было выдвинуто предположение о том, что предпосылкой для «отмирания группы» и тормо-

жения ее дальнейшего роста является преобладание диффузионного роста над недиффузионным. Особо показательно, что в случае если группа обладает большей плотностью связей, чем платформа, на которой она находится, ее шансы на отмирание или приостановку развития велики.

Другой задачей, решаемой в рамках данного подхода, является изучение распространения информации в социальной сети. Следует отметить, что исследование распространения эпидемии в графе производится уже давно, однако у ученых к настоящему моменту нет окончательного понимания механизма этого процесса. Сегодня существует несколько моделей распространения информации: модели с порогами, модели с независимыми каскадами, модели на основе цепей Маркова и др.¹⁶ Следует отметить, что эти вопросы попали в круг интересов социологов задолго до появления социальных онлайн-сетей и еще в 1978 г. в журнале «American Journal of Sociology» Марк Грановеттер опубликовал работу «Пороговые модели коллективного поведения»¹⁷.

Изучение распространения информации в социальной сети чаще всего проводится на примере какого-либо медиавируса – фразы или сообщения, спонтанно получивших большую популярность у интернет-пользователей. Так, в статье Адара с соавторами¹⁸ рассматривалось распространение информации на платформе BlogPulse и были сделаны выводы о роли строения сети в процессе распространения медиавируса.

В работе Венга¹⁹ исследован жизненный цикл медиавируса с учетом «лимитированного внимания» – того факта, что пользователи могут обсуждать лишь несколько сообщений за короткий период времени. Как и в работе Адара с соавторами, выяснилось, что структура социальной сети играет большую роль при распространении сообщений.

Адамик с соавторами²⁰ провели изучение распространения популярного вопроса «Как мы познакомились» по страницам пользователей в социальной сети Facebook, в результате чего исследователи сделали вывод о критично высокой роли слабых социальных связей для распространения информации. В данной связи, безусловно, следует подчеркнуть, что выводы о силе связей были сделаны исходя из предположения о том, что люди, часто общающиеся друг с другом, будут минимум однажды отмечены на одной фотографии. На наш взгляд, такая оценка не всегда корректна, так как многие пользователи не отмечают себя и своих знакомых на фотографиях или вовсе избегают выкладывать на сайт подобную информацию. Тем не менее вывод о значении слабых связей вряд

ли может быть поставлен под сомнение, так как начиная со второй половины XX в.²¹ социологи отмечают большую роль подобных контактов для распространения информации.

Большой интерес у академического сообщества вызвала работа Янга с соавторами²², предложивших для описания распространения информации в сети модель линейной диффузии, используемой для описания физических процессов. Созданная исследователями модель смогла с высокой точностью предсказать механизм распространения информации без анализа структуры социальной сети. Таким образом, авторы оказались в некоей оппозиции с коллегами²³.

Прогностический подход

Виртуальные сообщества являются поставщиком огромного массива информации, в результате анализа которой появляется возможность понимания имплицитных закономерностей и предсказания различных трендов. В последние годы многие ученые активно используют потенциал социальных сетей интернет-пространства для предсказания эпидемий гриппа²⁴, изменения котировок акций на бирже²⁵, кассовых сборов кинолент²⁶. В качестве инструментария обычно применяются искусственные нейронные сети с самообучающимися алгоритмами. По всей вероятности, исследователей будет интересовать данный подход и в дальнейшем появится большое количество работ, посвященных предсказанию различных событий на основе сообщений в социальных сетях. Тем не менее пока точность прогнозов редко превышает 90%, что свидетельствует о необходимости совершенствования предсказательных моделей.

Социолого-математический подход

Следует подчеркнуть, что работы, написанные математиками и физиками, хоть и формально ставят своей задачей решение социологических проблем, далеко не всегда в итоге приводят к адекватным выводам. Так, большое количество задач, посвященных анализу «влиятельности» пользователей социальных сетей, невозможно решить исключительно математическими методами в отсутствие полноценной социологической рефлексии. В данной связи хорошей иллюстрацией полноценной социологической научной работы может служить статья «Динамика протестного рекрутирования через онлайн-сеть»²⁷. Проанализировав огромный массив коротких

сообщений, оставленных участниками испанских протестов 2011 г. в сети Twitter, исследователи выделили на основе сетевых показателей наиболее влиятельных участников. Вместе с тем было проанализировано и изменение активности участников протестных выступлений во времени с учетом реально происходящих событий – выходов людей на улицы и массовых демонстраций. В результате выяснилось, что наибольшую роль для распространения информации играют участники, рекрутирование которых произошло достаточно быстро. В терминах, используемых Гонзалез-Байлон с соавторами, это описывается как «низкие значения порога рекрутирования». Кроме того, выяснилось, что структура сети сама по себе не играет весомой роли при распространении информации, что дополнительно усиливает уже отмеченную нами конфронтацию между исследователями, представляющими физико-математическое направление.

Активно социолого-математический подход применяется для структурного анализа блогосферы. Беркмановский центр при Гарвардском университете выпустил серию докладов, посвященных изучению структурных характеристик блогосферы России²⁸, Ирана²⁹, а также Twitter России³⁰.

В целом социолого-математические методы исследования виртуальных сообществ являются достаточно перспективными, тем не менее далеко не всегда достаточное количество внимания уделяется непосредственно содержанию общения участников и их интерпретации, что, безусловно, также необходимо принимать во внимание.

Семантический подход

Исследование контента виртуального сообщества сопряжено с исследованием семантической сети. В работе³¹ на основе анализа семантической сети, полученной в виртуальном сообществе студентов, было выявлено, какие слова и словосочетания обычно употребляют пользователи с определенными социально-демографическими характеристиками. Использование подобного инструментария позволило бы выявлять параметры пользователей, не указывающих о себе данные. Семантические сети также могут быть использованы для выявления трендов. Так, Хельстен с соавторами³² построили семантическую сеть для сообщества, обсуждавшего генетически-модифицированные продукты, и выявили компании, производящие подобную продукцию. Работа³³ продемонстрировала, что семантическая сеть, построенная на основе тех статей,

которые пользователи отметили как понравившиеся, позволяет с высокой степенью точности предсказывать социально-демографические характеристики участников. Так, представители христианского и мусульманского вероисповеданий были верно идентифицированы в 82% случаев, чернокожие и белокожие американцы – в 95%. В целом у семантических исследований, безусловно, очень широкие перспективы, так как они позволяют выявить наиболее значимые связки текстовых объектов и выделить интересы участников виртуального сообщества. Однако для решения комплексной задачи, очевидно, данное направление должно быть дополнено и изучением социальной структуры сообщества.

Социолингвистический подход

Виртуальные сообщества являются уникальной площадкой, позволяющей исследователей самых различных направлений верифицировать свои теории. В частности, социолингвисты активно используют для этой цели онлайн-структуры. В то же время неверным было бы утверждать, что ученые ограничивают свои методы исключительно контент-анализом – достаточно часто применяется и структурный сетевой анализ.

Примером работы данного направления может служить статья де Лаата³⁴. С помощью контент-анализа и сетевого анализа были изучены онлайн-дискуссии между полицейскими на специализированной виртуальной площадке и выявлены специфические паттерны поведения. В частности, оказалось, что сеть достаточно централизована и в ней сложно найти ярко выраженные кластеры. С помощью контент-анализа были определены ключевые задачи – это обмен опытом и совместная работа, что вполне естественно для профессионального сообщества. В работе³⁵ был проведен анализ форума программистов и на основе показателей центральностей были выявлены основные социальные роли, характерные для участников сообщества. Авторы выделили достаточно очевидные роли «дискутирующих» и «отвечающих» и описали характерные параметры эгоцентричных социальных сетей данных типов. Для «отвечающих» связность и плотность сети оказались гораздо ниже, нежели у «дискутирующих», что связано с их принципиально различным поведением на форуме.

Паолилло³⁶ рассматривал IRC-чаты (программа для обмена сообщениями в режиме реального времени), и на основе речевых практик им были выявлены лингвистические стратегии посетителей чата и, соответственно, присвоены участникам определенные

социальные роли. При этом выяснилось, что лингвистические стратегии далеко не всегда можно соотнести со структурным расположением актора в сети. Исследователь подчеркивает, что для изучения проблемы требуется комплексный подход, включающий в себя, возможно, дополнительные методы. Вполне вероятно, что синтез социолингвистического и семантического подходов способен привести к успешному решению различных исследовательских задач.

Описательный подход

Достаточно часто сообщества в Интернете исследуют с помощью описательных методов, в частности этнографии. Социальные сети интернет-пространства таким образом были изучены Чэпменом с соавторами³⁷. На основании серии из 36 интервью с гражданами США, Франции, Китая и Южной Кореи исследователями были выделены три основные группы различий в поведении представителей разных культур в соцсетях. Чэпмен отмечает, что пользователи по-разному оценивали свои цели и задачи, реализуемые на этих онлайн-платформах, они также использовали принципиально различные механизмы саморепрезентации в соцсетях, и, кроме того, различался стиль общения со знакомыми на сайте. В работе³⁸ также был использован этнографический анализ. На основе 18 интервью с пользователями этой платформы и подробного анализа содержания ресурса можно сделать вывод о том, что соцсеть представляет собой в первую очередь инструмент для саморепрезентации («управление впечатлениями» по Гофману) пользователей. Вместе с тем площадка, безусловно, удобна для «социального поиска» и поддержания слабых связей.

Описательный подход, без сомнения, интересен для оценки качественного влияния социальных сетей интернет-пространства на социальные процессы и мониторинга возникающих трендов. Возможно, это направление может быть рассмотрено в качестве разведывательного этапа, на котором происходит первичный анализ свойств и характеристик социальной системы, после которого следует использовать иные качественные и количественные методы.

В целом следует подчеркнуть, что к настоящему моменту разработано большое количество перспективных методов и инструментов, позволяющих исследовать самые разнообразные феномены, возникающие в виртуальном мире. Тем не менее не так много исследователей используют сразу несколько различных подходов для решения социологических проблем, обычно ограничиваются

либо сетевым анализом, либо семинтическим. По нашему мнению, для всестороннего осмысления социологических феноменов необходимо наряду со структурными методами использовать также и семантические, социолингвистические и описательные инструменты. Именно такой сбалансированный подход позволит полноценно изучить протекающий в виртуальном пространстве процесс.

Примечания

- ¹ *Ugander J. et al.* The anatomy of the facebook social graph // Cornell University Library. URL: <http://arxiv.org/abs/1111.4503>; *Takhteyev Y., Gruzd A., Wellman B.* Geography of Twitter networks // Social Networks. 2012. Vol. 34. №. 1. P. 73–81; *Jones J.J. et al.* Inferring tie strength from online directed behavior // PLoS One. 2013. Vol. 8. №. 1.
- ² *Ugander J. et al.* Op. cit.
- ³ *Dunbar R.I.M.* Neocortex size and group size in primates: a test of the hypothesis // Journal of Human Evolution. 1995. Т. 28. № 3. P. 287–296.
- ⁴ *Takhteyev Y., Gruzd A., Wellman B.* Op. cit.
- ⁵ *Sathik M.M., Rasheed A.A.* A Centrality Approach to Identify Sets of Key Players in an Online Weblog // International Journal of Recent Trends in Engineering. 2009. Vol. 2.
- ⁶ *Abdel-Ghany M.M.M.* Identifying opinion leaders using social network analysis, a study of an Egyptian village // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2012. Vol. 4 (4).
- ⁷ *Romero D.M. et al.* Influence and passivity in social media // Machine learning and knowledge discovery in databases. Berlin; Heidelberg: Springer, 2011. P. 18–33.
- ⁸ *Vaquero L.M., Cebrian M.* The rich club phenomenon in the classroom // Scientific reports. 2013. Vol. 3.
- ⁹ *Hamulic I., Bijedic N.* Social network analysis in virtual learning community at faculty of information technologies (fit), Mostar // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2009. Vol. 1. № 1. P. 2269–2273.
- ¹⁰ *Vaquero L.M., Cebrian M.* Op. cit.
- ¹¹ *Бартунов С., Коршунов А.* Идентификация пользователей социальных сетей в Интернете на основе социальных связей // Доклады Всероссийской научной конференции «Анализ изображений, сетей и текстов». Екатеринбург, 16–18 марта 2012 г. М., 2012.
- ¹² *Backstrom L. et al.* Group Formation in Large Social Networks: Membership, Growth, and Evolution // Proceedings of the 12th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. Philadelphia, 2006. P. 44–54.
- ¹³ *Kairam S.R., Wang D.J., Leskovec J.* The life and death of online groups: Predicting group growth and longevity // Proceedings of the 5th ACM International Conference on Web Search and Data Mining. N. Y., 2012. P. 673–682.

- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Следует отметить, что количество членов небольших групп приближается к отметке 150 (к числу Данбара).
- ¹⁶ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.
- ¹⁷ Granovetter M. Threshold models of collective behavior // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1420–1443.
- ¹⁸ Adar E., Adamic L.A. Tracking information epidemics in blogspace // Proceedings of the 2005 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence. Washington, DC, 2005. P. 207–214.
- ¹⁹ Weng L. et al. Competition among memes in a world with limited attention // Scientific Reports. 2012. Vol. 2.
- ²⁰ Adamic L.A., Lento T.M., Fiore A.T. How You Met Me // Proceedings of the 6th International Conference on Weblogs and Social Media. Palo Alto, CA, 2012.
- ²¹ Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 3. P. 1360–1380.
- ²² Yang J., Leskovec J. Modeling information diffusion in implicit networks // Proceedings of the 2010 IEEE International Conference on Data Mining. Washington, DC, 2010. P. 599–608.
- ²³ Weng L. et al. Op. cit.; Adamic L.A., Lento T.M., Fiore A.T. Op. cit.
- ²⁴ Sadilek A., Kautz H. Modeling the impact of lifestyle on health at scale // Proceedings of the 6th ACM International Conference on Web Search and Data Mining. N. Y., 2013. P. 637–646.
- ²⁵ Ruiz E.J. et al. Correlating financial time series with micro-blogging activity // Proceedings of the 5th ACM International Conference... P. 513–522.
- ²⁶ Asur S., Huberman B.A. Predicting the future with social media // Proceedings of the 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology. Washington, DC, 2010. Vol. 1. P. 492–499.
- ²⁷ González-Bailón S. et al. The dynamics of protest recruitment through an online network // Scientific reports. 2011. Vol. 1.
- ²⁸ Etling B. et al. Public discourse in the Russian blogosphere: Mapping RuNet politics and mobilization // Berkman Center Research Publication. 2010. № 11.
- ²⁹ Kelly J., Faris R., Palfrey J. Mapping the Arabic blogosphere: politics, culture, and dissent // Ibid. 2009. № 6.
- ³⁰ Kelly J. et al. Mapping Russian Twitter // Ibid. 2012. № 3.
- ³¹ Rosen D. et al. Procedures for analyses of online communities // Journal of Computer-Mediated Communication. 2003. Vol. 8. № 4.
- ³² Hellsten I. Focus on metaphors: The case of “Frankenfood” on the Web // Ibid.
- ³³ Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Vol. 110. № 15. P. 5802–5805.

- ³⁴ *De Laat M.* Network and content analysis in an online community discourse // Proceedings of the Conference on Computer Support for Collaborative Learning: Foundations for a CSCL Community. [W. p.], 2002. P. 625–626.
- ³⁵ *Welser H.T. et al.* Visualizing the signatures of social roles in online discussion groups // Journal of Social Structure. 2007. Vol. 8. №. 2. P. 1–32.
- ³⁶ *Paolillo J.* The virtual speech community: Social network and language variation on IRC // Journal of Computer-Mediated Communication. 1999. Vol. 4. № 4.
- ³⁷ *Chapman C.N., Lahav M.* International ethnographic observation of social networking sites // Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. N. Y., 2008. P. 3123–3128.
- ³⁸ *Hei Man T.* An ethnography of social network in cyberspace: The facebook phenomenon // The Hong Kong Anthropologist. 2008. Vol. 2. P. 53–76.

СТРУКТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Параметры здоровья населения формируются в зависимости от уровней и структуры заболеваемости и смертности. В свою очередь, отмеченные уровни и структуры формируются под воздействием изменений, происходящих как внутри самих процессов, так и под воздействием комплексного влияния различных социальных факторов, в совокупности определяющих специфику современной эпидемиологической ситуации. В данной статье рассматриваются структурные изменения в процессах заболеваемости и смертности населения России, относящиеся к эндогенной группе факторов, а также наиболее значимые компоненты общественных преобразований, принадлежащие к экзогенной группе факторов. Тенденции структурных и социальных факторов заболеваемости и смертности анализируются с учетом специфики смены социально-демографических поколений России.

Ключевые слова: здоровье, заболеваемость, смертность, поколение, социально-демографическая структура, воспроизводство населения.

Глубина и радикальность изменений институтов собственности и власти, развал социальной защиты в 1990-е годы сопровождались беспрецедентными в мирное время демографическими проблемами, способствовали затяжной депопуляции. Ухудшение общественного здоровья, сокращение продолжительности жизни справедливо трактуются как демографические итоги адаптации населения к новым социальным условиям пореформенной России. Переход к новому социально-экономическому укладу России сопровождался *саморегуляцией* демографических процессов и структур в соответствии с изменяющейся социальной реальностью.

Демографическая сфера жизнедеятельности людей в этот период чутко реагировала на изменения внешних социальных условий. Необходимость адаптации к социальным условиям означала появление но-

вых стратегий демографического поведения. Специфическим результатом адаптационного поведения массовых групп населения явился рост уровней заболеваемости и смертности, обусловленный, прежде всего, стремительным увеличением числа их случаев от экзогенных причин.

Ухудшение здоровья людей было вызвано в первую очередь противоречивым характером воздействия социально-экономических факторов на «массовую жизнь» различных поколений. Особенности их жизнедеятельности в большей степени направлены на выживание и связаны с длительной адаптацией людей к новым социальным институтам.

Аналізу факторов ухудшения здоровья населения России посвящены исследования демографов, медиков, социологов. К основным парадигмам, в рамках которых дается их анализ, относятся концепции идейно-цивилизационного кризиса, трансформации ценностных установок, демографической модернизации, эволюции типов общественного здоровья, «обратного» демографического перехода. Ведущие эксперты при исследовании этапов изменения показателей здоровья населения России акцентируют внимание на действии различных факторов: от специальных медицинских до социально-экономических¹.

Параметры здоровья населения формируются в зависимости от уровней и структуры заболеваемости и смертности. В свою очередь, отмеченные уровни и структуры формируются под воздействием изменений, происходящих как внутри самих процессов, так и под воздействием комплексного влияния различных социальных факторов, в совокупности определяющих специфику современной эпидемиологической ситуации. Если всю совокупность факторов, воздействующих на заболеваемость и смертность, разделить на эндогенные и экзогенные группы², то структурные изменения в процессах заболеваемости и смертности населения можно отнести к первой (эндогенной) группе факторов, а состояние основных элементов общества – ко второй (экзогенной).

Структурные факторы здоровья населения

Неоднородность заболеваемости и смертности населения проявляется в структурных различиях протекания процессов. В первую очередь они состоят в росте интенсивности процессов от социально обусловленных причин, отражающих не только различия в стадиях эпидемиологического перехода, но и последствия неравномерного социально-экономического развития страны и регионов.

К социально обусловленным причинам смертности относятся причины, определяемые условиями жизни и поведенческими факторами, которые могут быть преодолены с помощью мер соци-

альной политики. Они представляют собой принципиально устранимые потери в продолжительности жизни населения, поскольку их можно предупредить методами первичной и вторичной профилактики, а также путем повышения качества предоставляемых услуг. Прежде всего они имеют отношение к смертности населения в среднем возрасте (трудоспособном).

90-е годы XX в. – наглядный пример тесной связи между социально-экономическим кризисом и ухудшением здоровья населения. Так, в 1994 г. ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) всего населения снизилась по сравнению с 1986 г. на 6,1 года, у мужчин – на 7,3 года. Снижение ОПЖ было обусловлено быстрым ростом смертности от социально обусловленных причин: сердечно-сосудистых заболеваний, травм и отравлений, в том числе самоубийств и случайных отравлений алкоголем, инфекционных заболеваний, так называемых социальных болезней, в первую очередь туберкулеза. Учитывая результаты различных исследований, в годы трансформации общества и экономики в России можно выделить два периода изменения уровней смертности: 1992–1996 и 1997–1998 гг. В течение первого периода отмечался интенсивный рост случаев смертей от всех причин – более чем на 20% у женщин и 40% у мужчин. Наиболее трагическим проявлением кризиса 1992–1993 гг. стал быстрый рост смертности от внешних причин: у мужчин прирост по сравнению с минимальными значениями 1986 г. составил 2,4 раза, у женщин – более чем 2 раза (рис. 1).

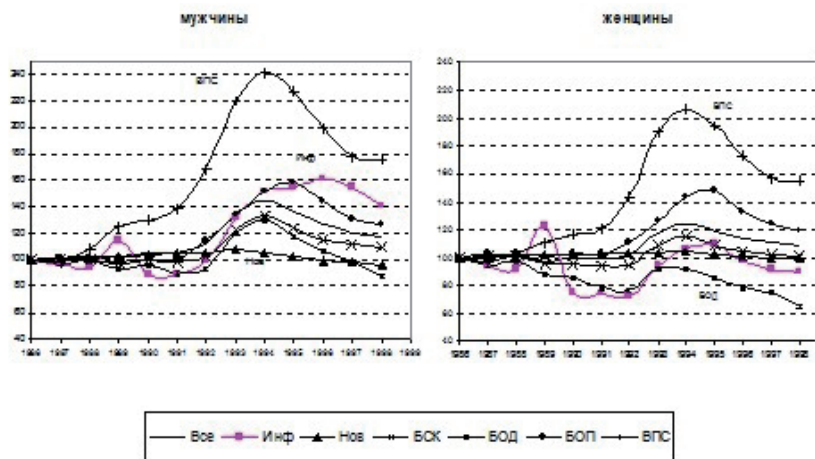

Рис. 1. Динамика стандартизованных коэффициентов смертности 1986–1998 гг. (уровень 1986 г. = 100%)

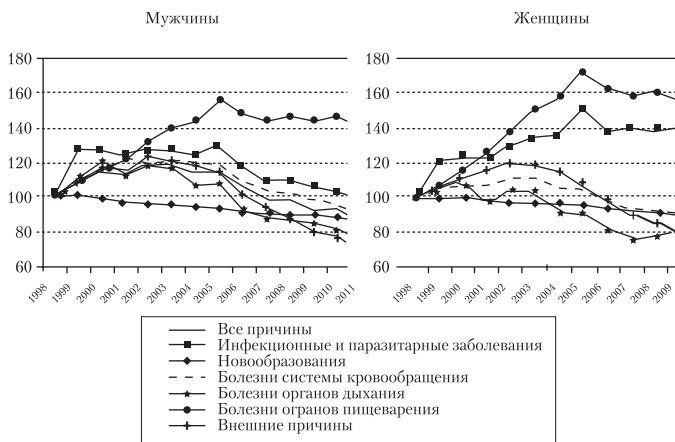

Рис. 2. Динамика стандартизованных коэффициентов смертности 1998–2011 гг. от основных причин смерти (уровень 1998 г. = 100%)

В 1992–1996 гг. резко возросло относительное число летальных последствий заболеваний органов пищеварения: на 60% у мужчин и на 50% у женщин. У мужчин такого же высокого уровня прироста достигла смертность от инфекционных болезней. Темпы прироста уровней смертности от эндогенных заболеваний были существенно ниже (превышение составляло 33% у мужчин и 15% у женщин). После прохождения максимальных величин к 1998 г. наблюдалось некоторое снижение общего уровня смертности, но для внешних причин, болезней органов пищеварения и инфекционных заболеваний (для мужчин) оно не позволило достичь уровней 1992 г., произошла стабилизация показателей на высоком уровне. В 1998–1999 гг. последовало непродолжительное снижение, но в начале XXI в. рост смертности вновь продолжился.

Динамика смертности по основным причинам показывает высокие значения смертности от инфекционных болезней у мужчин (их значение в 2005 г. вернулось к уровню начала 1970-х годов), а также быстрый рост смертности по данной причине у женщин (до уровней начала 1980-х годов). В этот период обнаружилось принципиально новое явление – быстрый рост уровня смертности от болезней органов пищеварения, особенно у женщин. Продолжился рост смертей от внешних причин смертности – на 20% по сравнению с 1998 г. У женщин он достиг высоких значений – 89 на

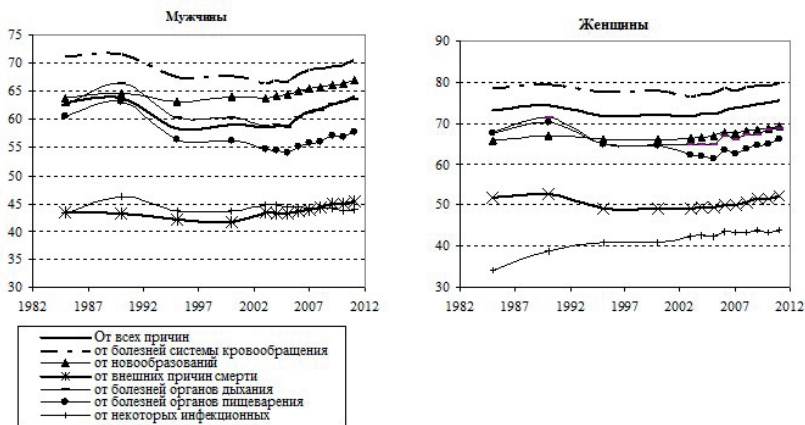

Рис. 3. Средний возраст смертности по основным классам причин смерти. Российская Федерация. Городское и сельское население. 1985–2011 гг.

100 тыс., что превышало уровень 1965 г. более чем в два раза. С 2005 г. сохранились высокие значения смертности от болезней органов пищеварения, от инфекционных заболеваний у мужчин наблюдается тенденция к снижению, в то время как у женщин – стабильный рост (см. рис. 2).

С учетом структурных изменений внутри самого процесса в 2000-е годы в России сформировались уровень и структура смертности, характерные для ранних этапов эпидемиологического перехода. Сохраняются элементы традиционной структуры патологии и причин смерти: высокая заболеваемость инфекционными болезнями, болезнями органов дыхания и пищеварения и смертность от них, а также от несчастных случаев.

Структурный характер дифференциации заболеваемости и смертности также проявляется в изменениях возрастных параметров процессов. Так, для России характерно распространение сердечно-сосудистых, онкологических и ряда других болезней в более молодых возрастах по сравнению с другими странами. Изменения в структуре смертности в 2000-е годы связаны с ее значительным «омоложением»: в 2000–2003 гг. показатели смертности населения в молодых и средних возрастах оказались максимальными (особенно в возрасте 25–34 лет) за весь послевоенный период. В последующие годы ситуация несколько улучшилась («омоложение» приостановилось), но кардинальных изменений не произошло.

Динамика среднего возраста смерти по основным причинам характеризуется снижением за период 1995 – начало 2000-х годов (кроме смертности от новообразований), замедлением к 2005 г., а с 2006 г. – ростом (рис. 3). При этом основные причины, способствующие сокращению общей ожидаемой продолжительности жизни мужчин, – внешние (отравления и травмы), инфекционные и паразитарные заболевания, болезни органов пищеварения, болезни органов дыхания, относящиеся к разряду предотвратимых.

Средний возраст смертности от внешних причин смерти – один из наименьших среди выделяемых Росстатом шести наиболее значимых причин: в 2011 г. он составил 45,5 лет для мужчин (2006 г. – 43,6), 52,1 года для женщин (2006 г. – 50,06). В то же время в трудоспособных возрастах значения коэффициента смертности от данной причины остаются высокими по сравнению с другими причинами. Смертность мужчин и женщин трудоспособного возраста от внешних причин росла в период после кризиса 1998 г. до 2005 г. В последующие годы наметилось улучшение ситуации: показатель сократился с 444,1 на 100 тыс. мужчин трудоспособного возраста в 2006 г. до 272,7 в 2011 г., среди женщин трудоспособного возраста – с 89 до 55,8 соответственно.

Следует отметить, что в 2007–2011 гг. умершие от болезней составляли до 52% в общей структуре смертности, а в 1990 г. – 63,0%. Таким образом, более чем на 10% увеличилась доля смертей, которые нельзя проанализировать. Динамика структуры смертности от внешних причин за период 1996–2011 гг. демонстрирует некоторое сокращение смертности, вызванной случайными отравлениями алкоголем и от убийств. В то же время наблюдается прирост доли смертности от транспортных происшествий и самоубийств.

Среди внешних причин сверхсмертности населения трудоспособного возраста особое значение принадлежит злоупотреблению алкоголем. Помимо потерь населения вследствие алкогольных отравлений наблюдается рост сердечно-сосудистых заболеваний, травматизма, имеющих непосредственную связь с алкогольной зависимостью. С конца 1990-х годов смертность от отравлений алкоголем снижалась, но к 2005 г. вновь возросла. Быстро росла смертность от заболеваний печени, оставалась высокой смертность от психических и поведенческих расстройств. Только с 2007 г. начали наблюдаться положительные изменения в смертности, связанной с употреблением алкоголя.

Другая важная причина, значительно влияющая на рост смертности населения в трудоспособных возрастах, – инфекционные и паразитарные болезни. Средний возраст смертности от

данной причины – наименьший среди всех причин и составлял в 2011 г. 44,0 года для мужчин (2006 г. – 44,2) и 43,6 лет для женщин (2006 г. – 43,22). Ни одна из других причин не демонстрировала столь стремительного «омоложения» возраста смертности. Следует отметить, что это сокращение началось до перестройки: за период 1965–1985 гг. средний возраст смерти мужчин от указанной причины сократился более чем на 10 лет (с 52,9 до 43,3).

К причинам, средний возраст смерти от которых значительно ниже показателя ожидаемой продолжительности жизни, относятся также болезни органов пищеварения: средний возраст смерти среди мужчин от данной причины в 2000–2010 гг. колебался и составлял от 54,5 (2003 г.) до 56,3 (2010 г.) лет. Рост интенсивности смерти от данной причины характеризуется самыми высокими темпами по сравнению с другими классами выделенных нами причин преждевременной смертности. При этом траектория ее изменения имеет только восходящий тренд. Особенно значительны темпы прироста смертности среди мужчин трудоспособного возраста.

Третье важное структурное изменение в смертности – сверхсмертность мужчин – проявилось в несимметричном направлении динамики смертности мужчин и женщин с 1990-х годов: мужчины в молодом возрасте имели более устойчивую тенденцию к росту ее уровня. За последние 20 лет снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин примерно более чем на 80% обусловлено ростом смертности в возрастах 30–59 лет.

Структурные различия в процессе смертности имеют четко выраженный гендерный характер. Он проявляется в изменении соотношения долей смертности от болезней, имеющих различную этиологию – внутреннюю (причины смерти, вызванные болезнями, обусловленными процессами в самом организме человека) или внешнюю (причины смерти, связанные с воздействием внешней среды). В общем значении интенсивности смертей мужчин трудоспособного возраста за период 1992–2004 гг. первая группа причин в течение значительного периода вносила существенный вклад в общую смертность (рис. 4.) С 2005 г. произошло изменение ситуации: смертность от внутренних причин стала в большей степени определять значение итогового показателя. Однако вклад внешних причин остается значительным – 36% в 2010 г., что позволяет сделать вывод о том, что преждевременная смертность все еще определяется причинами, большинство которых являются экзогенными.

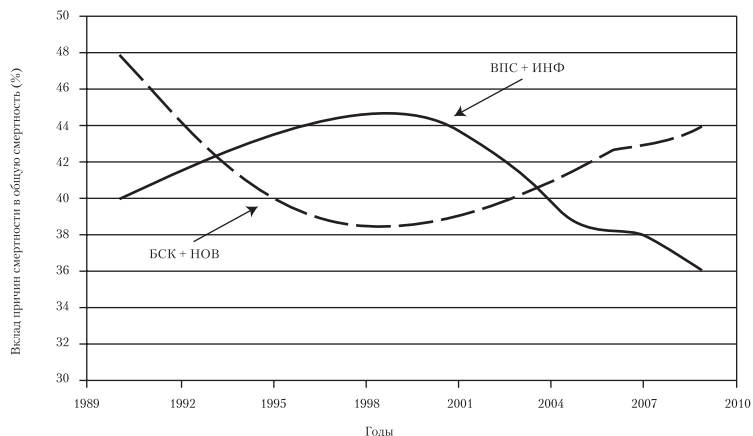

Рис. 4. Соотношение вклада коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения и новообразований и коэффициентов смертности от внешних причин смертности и инфекционных заболеваний в общую смертность. Россия, все население, мужчины трудоспособного возраста. 1990–2010 гг. (%)

Существенные территориальные различия в уровне преждевременной смертности среди мужчин усугубляют проблему гендерно-структурной неоднородности процесса, придают ей характер региональной стратификации. Среднее значение коэффициента смертности мужчин в трудоспособном возрасте по 75 субъектам Федерации за период 1998–2008 гг. имело преимущественно восходящую динамику (исследование территориальной дифференциации проводилось по 75 субъектам Федерации, без автономных округов, были исключены из анализа также республики Ингушетия, Дагестан, Чеченская Республика и Калмыкия). За период 1998–2005 гг. его значение выросло с 986 до 1438 на 100 тыс. мужчин трудоспособного возраста, или на 46%, и только в 2007 г. оно начало сокращаться. Повышение коэффициента смертности сопровождалось ростом его территориальной вариации. Соответственно динамика ОПЖ мужчин имела противоположное направлению изменению коэффициента региональной вариации³.

Мужчины наиболее драматично отреагировали на все трансформационные процессы, связанные с конверсией науки и производства, и последующую вынужденную адаптацию к новым стереотипам экономического поведения. Последние 20 лет – наглядный пример

тесной связи между данным демографическим процессом и социально-экономической системой, переживавшей глубокий кризис.

Исследование факторов, влияющих на уровень преждевременной смертности как мужчин, так и женщин, позволяет определить наиболее важные рычаги воздействия на ее преодоление. При этом необходим комплексный подход, поскольку преждевременная смертность формируется под влиянием как социально-экономических, политических макросоциальных условий, так и изменений, происходящих в жизнедеятельности определенных социальных групп, семьи и индивида.

Экзогенные факторы и социальная стратификация здоровья населения

Процессам заболеваемости и смертности как элементам воспроизводства социально-демографической структуры общества присуща *социальная неоднородность*, которая является одним из проявлений социального расслоения, дифференциации в распределении «жизненных возможностей» (П.А. Сорокин), различий в образе жизни и культурных стереотипах различных слоев населения.

Тенденции изменения параметров здоровья населения России на протяжении советского и постсоветского периодов носят неравномерный, конъюнктурный характер. Количественные оценки замещения поколений во взаимосвязи с характером пережитых ими событий наглядно это демонстрируют⁴. Особенности современного социального времени переживаются различными поколениями России. Характер отмеченного переживания «настоящего» различается, что вполне объяснимо: поколения формировались как общность ровесников в определенный период. Новое поколение проявляет черты жизнедеятельности, определяемые не только формальной социально-экономической стратегией на макросоциальном уровне, но и индивидуальной линией поведения людей.

В докладах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) неоднократно отмечалась связь между состоянием здоровья населения стран и регионов и важнейшими социально-экономическими факторами: занятостью, уровнем доходов, социальной защитой, жилищными условиями и образованием. В то же время подчеркивалась и значимость поведенческих, субъективных факторов. Согласно оценкам ВОЗ здоровье населения определяется уровнем развития здравоохранения (доступности качественных услуг) всего на 10–15%, состоянием окружающей среды и наследственностью – на 40%, в то время как доминирующими стратегиями самосохранительного поведения населения – на 50%⁵.

Социально-экономические условия определяют состояние параметров заболеваемости и смертности, выступая как промежуточный элемент воспроизводства населения, как важнейший экзогенный фактор. И в современной России траектория изменения параметров населения (прежде всего ожидаемой продолжительности жизни) зависит от этапов цикличного развития трансформирующейся экономики, решающих для социально-экономического развития России политических реформ, в повседневной реальности создающих риски ухудшения здоровья населения.

Очевидно, что специфические для отдельных исторических периодов социальные условия формируют доминирующие стратегии поведения людей, которые, в свою очередь, оказывают воздействие на состояние их здоровья. Результаты социологических опросов показывают влияние социального «местоположения» различных поколений на особенности их здоровья. Оценить данное влияние позволяют, например, биографические жизненные истории представителей различных поколений. В демографических исследованиях используется метод условных поколений для оценки влияния специфики переживаемого исторического периода на показатели смертности современников. Однако значение применения метода реальных поколений также имеет большое значение, поскольку позволяет оценить влияние различных исторических этапов на состояние здоровья ровесников.

Важнейший социально-экономический фактор, непосредственно формирующий социальные различия между группами населения и воздействующий на региональную дифференциацию характеристик здоровья, – *уровень дохода*. Коэффициент фондов в постсоветской России повышался из года в год, и в 2007–2012 гг. стабилизировался на уровне, превышающем 16 раз (в 2001 г. он составлял 13,9 раза). Межрегиональная дифференциация в уровне доходов населения сохраняется на высоком уровне: разница между минимальными и максимальными значениями среднедушевых доходов субъектов РФ в 2011 г. составляла 4,7 раза. Столь существенный показатель является следствием как диспропорций в экономической активности субъектов Федерации, так и различий в уровне доходов населения по секторам экономики.

Доля населения, чьи доходы ниже минимального прожиточного уровня, в 2011 г. была самой высокой в 8 экономически отсталых регионах, в 13 регионах уровень бедности был высоким: значения показателя находились в интервале 18,1–20%. Средние значения показателя – 15,1–18% – отмечались в 20 субъектах РФ, низкие показатели – 12,7–15% – зафиксированы в 18 регионах, самые низкие – 12,6% и менее – в 23 (табл. 1). Следует учесть, что наша оцен-

ка основана на макростатистических данных Росстата о доходах. В практике сопоставлений также используется анализ уровня благосостояния (бедности) населения на основе методики исчисления *располагаемых ресурсов*. Оценки региональных различий в уровне благосостояния показывают, что для каждого конкретного региона соотношение показателей уровня бедности домохозяйств, рассчитанных на основе доходов и на основе располагаемых ресурсов, разное. Переход к располагаемым ресурсам увеличивает межрегиональное неравенство, но сокращает разрывы в уровне бедности.

Таблица 1

Распределение субъектов Российской Федерации по уровню бедности (доли населения с доходами ниже прожиточного минимума). Городское и сельское население, 2011 г.

Группа	Субъекты Российской Федерации
Менее 12,6%	Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский автономные округа; республики Татарстан, Дагестан; Санкт-Петербург, Москва; Московская, Белгородская, Курская, Свердловская, Липецкая, Тамбовская, Челябинская, Тульская, Калужская, Кемеровская, Сахалинская, Нижегородская, Брянская области; республики Северная Осетия–Алания, Башкортостан
12,7–15,0%	Калининградская, Омская, Ленинградская, Тюменская, Ярославская, Тверская области; Краснодарский край; Мурманская, Магаданская, Астраханская, Архангельская области; Удмуртская Республика; Пермский край; Оренбургская, Орловская, Новгородская, Кировская области; Республика Адыгея
15,1–18,0%	Волгоградская, Ростовская, Самарская, Пензенская области; республики Кабардино-Балкарская, Карелия, Коми; Приморский, Хабаровский края; Рязанская, Костромская, Новосибирская, Псковская, Ульяновская, Вологодская, Воронежская, Смоленская, Саратовская, Владимирская, Томская области
18,1–20,0%	Красноярский, Ставропольский, Забайкальский, Камчатский края; республики Ингушетия, Алтай, Хакасия, Саха (Якутия), Карачаево-Черкесская, Чувашская; Курганская, Ивановская, Иркутская области
20,1% и более	Еврейская автономная область, Амурская область, Алтайский край; республики Бурятия, Мордовия, Марий Эл, Тыва, Калмыкия

Различия в интенсивности смертности в зависимости от уровня бедности наглядны во всех группах регионов, за исключением группы, включающей самые бедные регионы. Оценки зависимости приводятся в табл. 2. Как видно, по мере повышения уровня бедности наблюдается рост интенсивности смертности от новообразований, болезней системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения, внешних причин (за исключением регионов первой группы – самых благополучных – среди женщин). Заметно также, что смертность от инфекционных заболеваний слабо зависит от уровня доходов практически во всех группах.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции отдельных причин смертности и уровня доли населения с доходами ниже прожиточного минимума по группам регионов Российской Федерации, 2011 г.

Группа регионов по уровню	Все	ИНФ	НОВ	БСК	БОД	БОП	Внешние
доли бедных в составе населения	причины						причины
Мужчины							
менее 12,6%	0,30	0,39	0,25	0,15	0,34	0,63	0,17
12,7–15,0%	0,41	–0,17	0,52	0,40	0,28	0,36	0,50
15,1–18,0%	0,27	–0,39	0,48	0,26	0,25	0,35	0,19
18,1–20,0%	0,35	0,07	0,06	0,35	0,58	0,47	0,20
20,1% и больше	–0,41	–0,09	–0,73	–0,77	–0,37	–0,20	0,00
Женщины							
менее 12,6%	0,17	0,02	0,34	0,23	0,32	0,10	–0,14
12,7–15,0%	0,16	–0,26	0,03	0,33	0,01	0,04	0,29
15,1–18,0%	0,20	–0,25	0,25	0,19	0,04	0,26	0,32
18,1–20,0%	0,22	0,12	–0,15	0,18	0,31	0,39	0,16
20,1% и больше	–0,01	0,26	–0,77	–0,24	–0,63	–0,46	0,19

Субъективные оценки здоровья людей также зависят от размеров их доходов. Согласно результатам выборочного обследования Росстата на тему «Влияние поведенческих факторов на состояние

здоровья населения», проведенного в 2008 г., самооценка состояния здоровья в различных слоях населения повышается по мере роста размера их доходов: в высокодоходных группах считают свое здоровье плохим и очень плохим 5,5%, в группах со средними доходами – 13,8, в группах с низкими доходами – 27,9%.

Доля респондентов, оценивших материальное неблагополучие как фактор, препятствующий восстановлению здоровья, оставалась неизменной на протяжении 14 лет. По данным мониторинга Центра Ю. Левады, от 52 до 73% населения отказывались от лечения (постоянно или время от времени) в связи с нехваткой денег. Несмотря на тенденцию к уменьшению доли населения, не обращавшихся за медицинской помощью, их число и в 2010 г. составляло более половины (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам, Вашей семье за последний год отказываться от лечения, восстановления здоровья потому, что Вам не хватало денег?»*

	01.1996	01.2000	01.2001	01.2002	01.2005	01.2007	01.2009	01.2010
Постоянно	35	43	33	35	39	34	27	25
Время от времени	25	30	32	30	30	30	29	27
Очень редко	15	13	15	15	13	15	19	18
Никогда	25	13	20	20	18	22	25	31

* <http://www.levada.ru/category/rubrikator-oprosov/otsenki-raboty-institutov-sotsialnoi-sfery>

Среди экзогенных общесоциальных факторов особое значение имеет социальное самочувствие граждан. По данным мониторингового исследования «РМЭЗ» ГУ ВШЭ, большинство респондентов связывают свое здоровье с настроением, эмоциональным самочувствием, которое, в свою очередь, зависит от удовлетворенности жизнью в целом и ее различными сторонами.

Показатели здоровья различаются также в зависимости от принадлежности к социальным группам и уровня образования населения. Указанные различия прослеживаются при анализе таблиц смертности и данных текущей статистики. Однако возможности анализа на основе разработки данных ЗАГСов ограничены, поскольку с 1997 г. из записей актов гражданского состояния о смертях исключены сведения об уровне образования умерших. Восполнить недостающие данные позволяют результаты социологических исследований: сведения, содержащиеся в них, помогают оценить влияние образа жизни и доступ к услугам здравоохранения различных социальных групп.

По данным опросов, наиболее высокие стандарты самосохранительного поведения характерны для социальных групп, закрепившихся на лучших статусных позициях, имеющих, как минимум, высшее образование. Для них также открыт широкий доступ к качественным услугам, что продемонстрировали, например, результаты исследования проблем здоровья населения в Липецкой и Тюменской областях⁶.

Результаты выборочного обследования Росстата 2008 г. показали, что соотношение положительных и отрицательных поведенческих факторов, влияющих на здоровье людей, складывается не в пользу его улучшения: доля тех, кто в повседневной жизни действительно бережет свое здоровье, не превышает 25% от числа опрошенных. Признавая важность здоровья, полезность занятий физической культурой, пагубность курения, употребления алкоголя и т. д., тем не менее большинство людей в реальной жизни пренебрегают возможностями сохранения здоровья и рисками его потери. Относительно чаще недооценивают необходимость бережного отношения к своему здоровью респонденты, занимающиеся предпринимательской деятельностью (63,9% опрошенных). Выше средних показателей доля респондентов, не уделяющих надлежащего внимания укреплению своего здоровья, в возрастных группах 30–39 лет и 40–49 лет (56,5 и 58,5% соответственно), среди мужчин (55,5%) и жителей сельской местности (54,5%).

Результаты социологических опросов, проведенных ИСЭПН РАН в 2000-е годы, позволили выявить целый ряд социально-экономических факторов, воздействующих на здоровье россиян: нестабильность, потеря работы, пребывание в состоянии безработицы, вынужденная смена работы, поиск работы, вынужденное участие в неформальной (временной, случайной) занятости, неудовлетворенность работой. Так, треть респондентов ухудшение здоровья связывала с отсутствием необходимого лечения (профи-

лактики здоровья) из-за материальных затруднений, каждый пятый – с вредными привычками, нездоровым образом жизни и столько же – с конфликтами, неблагоприятной обстановкой в семье. Четвертая часть – с большими нагрузками или вредными условиями труда на работе, каждый пятый – с тяжелым материальным положением, что также зависит от работы: ее наличия и оплаты. Женщины в три раза чаще называли условия труда в качестве причин, отрицательно повлиявших на здоровье во время реформ. Реже назывались плохое (некачественное) питание, неправильное лечение при заболевании, травмы, тяжелое инфекционное заболевание и наличие большого количества иждивенцев или членов семьи, требующих ухода. Отмечались также такие факторы, как частая смена работы, отсутствие отпуска, невыплата заработной платы или выплаты по «серым схемам»⁷.

Состояние качества услуг здравоохранения как фактора здоровья также присутствует в оценках населения. По данным ежемесячного исследования омнибусного типа «Мониторинг социальных и экономических перемен», проводимого Аналитическим центром Ю. Левады⁸, оценка населением качества услуг здравоохранения была нестабильна за последнее десятилетие. К 2008 г., по сравнению с 2002 г., доля респондентов, удовлетворенных качеством здравоохранения, повысилась с 11 до 18%, но к 2012 г. сократилась до 15%⁹. Качество услуг улучшилось к 2008 г. по мнению 23% опрошенных, а в 2012 г. – только 13% (что сопоставимо с долей отметивших улучшение в 2002 г. – 14%).

Субъективные оценки степени удовлетворенности людей состоянием своего здоровья не позволяют сделать однозначного вывода. Так, по данным «Мониторинга социальных и экономических перемен», к 2007 г. по сравнению с 1995–1996 гг. доля респондентов, оценивающих положительно состояние своего здоровья, повысилась на 10%.

Положительную динамику также демонстрируют результаты мониторингового исследования «Россия» (РМЭЗ). По результатам проведенного нами анализа данных опроса за 2001 и 2009 гг. доля респондентов, оценивших свое здоровье как хорошее и очень хорошее, возросла на 5%. Общая картина изменений демонстрирует благоприятный тренд. Улучшение здоровья населения связано с изменением возрастной структуры населения: пополнением молодых когорт за счет более многочисленного поколения 1982–1987 гг. рождения.

Вместе с тем сравнение результатов ответов респондентов о состоянии здоровья по различным реальным когортам показало изменение оценок в зависимости от принадлежности к определенному поколению. Среди респондентов, принадлежащих к самым молодым поколениям (родившимся в 1980 г. и позже), заметно

увеличилась доля улучшивших состояние своего здоровья, охарактеризовавших его как хорошее и очень хорошее. Доля оценивших свое здоровье как среднее возросла среди респондентов, родившихся в 1950–1974 гг. Ухудшение здоровья было отмечено среди старших групп населения, родившихся в 1945 г. и ранее.

Наглядны различия в распределении оценок здоровья респондентов в зависимости от уровня их дохода по различным поколениям. Расчеты, проведенные на основе базы данных РМЭЗ за 2001 и 2009 гг., позволили выявить межпоколенные различия в оценках дохода как фактора здоровья населения, а также проследить за изменениями во влиянии указанного фактора за 8 лет, прошедших между двумя волнами РМЭЗ. Прямо пропорциональная зависимость оценок состояния здоровья от оценок уровней дохода в наибольшей степени выражена среди молодых поколений, родившихся после 1980 г. (табл. 4).

Таблица 4

Распределение респондентов по шкале уровня дохода и оценкам состояния здоровья (доля респондентов с определенной оценкой здоровья в общей численности населения каждой доходной группы). РМЭЗ. 10 и 18 волны*

Оценка уровня дохода	Оценка состояния здоровья					
	очень хорошее и хорошее		среднее		плохое и очень плохое	
1	20,0	20,2	43,4	52,2	36,5	27,6
2	17,6	20,4	55,8	52,3	26,6	27,3
3	22,3	26,6	59,2	53,7	18,5	19,7
4	27,3	29,8	58,7	56,0	14,0	14,1
5	32,9	34,2	56,3	55,3	10,7	10,4
6	42,4	41,7	49,0	51,5	8,6	6,8
7	42,5	45,8	50,0	47,7	7,5	6,5
8	56,1	51,2	39,0	44,2	4,9	4,7
9	54,2	92,9	29,2	7,1	16,7	0,0

* Расчеты автора.

Преждевременная смертность населения России определяется структурными изменениями в процессах заболеваемости и смертности. Как правило, высоким значениям смертности от ведущих экзогенных и предотвратимых причин, так же как и низким значениям продолжительности жизни, сопутствуют невысокие социально-культурные и социально-экономические индикаторы. Объективные факторы ухудшения здоровья населения на протяжении длительного периода 1990–2000-х годов, сопоставимого с длиной демографического поколения, вызваны неравным уровнем социально-экономического развития регионов. Углубление различий в условиях жизнедеятельности населения проявляется в показателях уровня бедности, доступности качественных услуг здравоохранения. Негативное воздействие отмеченных факторов на ухудшение здоровья и рост смертности населения, особенно мужчин, актуально и в настоящее время. Поэтому судить по официальным данным о благоприятных трендах в смертности и улучшении здоровья населения некорректно. Задача преодоления сверхсмертности населения сохраняется, и для ее решения недостаточно только демографической политики в области укрепления здоровья. Создание условий для благополучной жизни всего населения России, благодаря которым развитие человеческого потенциала (а состояние здоровья – его важнейший социальный индикатор) будет выступать как цель и как главный фактор всех общественных преобразований, требует переориентации и экономической политики, ее направленности на приоритеты социального государства.

Общесоциальные факторы здоровья также продолжают свое воздействие на показатели здоровья. В 2010-е годы в активную жизнедеятельность вступили поколения, чьи взгляды и ценности сформировались в принципиально отличных от советского периода условиях. Соотношение положительных и отрицательных поведенческих факторов, влияющих на их здоровье, противоречиво. Если для всего населения отмеченное соотношение складывается не в пользу его улучшения (доля тех, кто в повседневной жизни действительно бережет свое здоровье, не превышает 25%), то среди молодого поколения (родившихся в 1980 г. и позже) заметно увеличилась доля улучшивших состояние своего здоровья. В целом субъективные оценки степени удовлетворенности людей состоянием своего здоровья не позволяют сделать однозначного вывода. Более достоверную картину позволит получить дальнейшее изучение субъективных поведенческих факторов в различных социально-демографических общностях, позволяющее выделить как проблемные, так и прогрессивные группы в общей массе населения.

- ¹ *Прохоров Б.Б.* Социальная стратификация общества и здоровье населения // Проблемы прогнозирования. 2009. № 3. С. 112–133.
- ² См., напр.: *Андреев Е.М., Жданов Д.А., Школьников В.М.* Смертность в России после распада СССР: факты и объяснения // СПЭРО. 2007. № 6. С. 115–142.
- ³ *Иванова Е.И., Горшкова И.В., Тарасова Е.В.* Структурные особенности и факторы смертности мужчин трудоспособного возраста в современной России // Научные труды ИНИ РАН. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 533–565.
- ⁴ *Иванова Е.И.* Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие. М.: Амалданик: РГГУ, 2012.
- ⁵ *Прохоров Б.Б., Иванова Е.И., Шмаков Д.И., Щербакова Е.М.* Медико-демографическое прогнозирование: Учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2011. 360 с.
- ⁶ *Бодрова В.* Отношение населения к здоровью и здравоохранению // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 86–91.
- ⁷ *Назарова И.Б.* Занятые на рынке труда: факторы, влияющие на здоровье // Вестник РУДН. 2005. № 6–7. С. 181–201; *Она же.* Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 91–101.
- ⁸ Исследование проводится раз в два месяца по выборке городского и сельского населения России, опрашивается 2000 человек в возрасте 16 лет и старше по репрезентативной всероссийской выборке (<http://www.levada.ru/monitoring02.html>).
- ⁹ Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012. С. 70.

РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Статья посвящена снижению рождаемости в России, а также его возможным причинам: изменению традиционного института семьи, возникновению специфического европейского типа семьи, демографическому переходу, влиянию западных норм, изменению ценностей. Ставится вопрос, являются ли эти изменения закономерным явлением или управляемым процессом в контексте перенаселения планеты. Возможность влияния на репродуктивные нормы и поведение рассматривается в контексте мальтузианства, концепции «золотого миллиарда» и «пределов роста».

Ключевые слова: демографический кризис, низкая рождаемость, кризис института семьи, демографический переход, репродуктивное поведение, малодетность, золотой миллиард, пределы роста.

Демографический кризис, затронувший в первую очередь развитые страны мира, во многом обязан кризису традиционной семьи. Тенденция к резкому падению рождаемости значительно ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения, характерна для многих развитых стран мира. Для современного типа воспроизводства населения как в России, так и в большинстве экономически развитых стран характерны поздние браки, малодетность, планирование рождения детей.

Проблема низкой рождаемости рассматривается как в социологических, так и в демографических исследованиях. Демографы рассматривают ее как естественный и необратимый процесс, являющийся неотъемлемой характеристикой соответствующего этапа демографического перехода, закономерных изменений моделей репродуктивного и брачного поведения, оказывающих влияние на институт семьи. Так, Дж. Хаджнал и З. Павлик считают предпосылками этого типа формирование специфического *европейского типа семьи*, который характеризуется относительно низким уровнем

нем брачности, поздним вступлением в первый брак, сохранением высокой брачной рождаемости и постепенным переходом к средне- и малодетности, к внутрисемейному регулированию рождаемости¹.

Д. Ван де Каа и Р. Лестейг называют изменения в характере формирования семьи, присущие странам Западной Европы начиная с 1970-х годов, а также лежащие в их основе социально-экономические условия и мотивационные сдвиги вторым демографическим переходом. Сексуальные предпочтения индивида воспринимаются как данность, а принятие решения о внебрачном сожителе, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности в большинстве случаев оставляется на усмотрение индивидов или пар, которых это касается.

Эти же изменения не могли обойти стороной и Россию, где влияние западных норм отчасти обуславливает демографическую ситуацию. В 1990-е годы ярко проявился комплекс негативных явлений в сфере семьи и воспроизводства населения страны: нарастающий отрицательный естественный прирост, резкое падение рождаемости, рост смертности и снижение средней продолжительности предстоящей жизни, рост разводимости и падение брачности. Острота этих тенденций дает основание говорить о депопуляции – систематическом уменьшении численности людей². Численность населения России уменьшилась практически на 6,3 млн за период с 1992 по 2011 г.³ Об отрицательных тенденциях в области рождаемости свидетельствует также изменение следующих показателей: суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,9 на одну женщину в 1990 г. до 1,2 в 1999 г. После 2000 г. с некоторым повышением уровня жизни населения стал расти и этот показатель, но и в 2012 г. он не смог вернуться к своей былой отметке, составив всего лишь 1,5 к 2011 г. В то время как при его величине, равной 2,1–2,2 (в зависимости от уровня смертности), происходит простое воспроизводство населения – при переходе от поколения к поколению численность остается неизменной.

Низкая рождаемость определяется особенностями демографического поведения – репродуктивного и брачного. Репродуктивное поведение современных поколений характеризуется достаточно высоким уровнем внебрачной рождаемости: в 2009 г. ее доля составила 26,1%⁴. Рост внебрачной рождаемости ведет к увеличению числа неполных семей. Распределение внебрачной рождаемости имеет два пика: первый в возрасте до 20 лет и второй в возрасте 30–35 лет. Первый пик отражает рост подростковых рождений, постоянное снижение возраста начала половой жизни и размывание социальных норм, запрещающих добрачные половые связи и доб-

рачные беременности и рождения. Второй пик говорит о том, что в старших возрастах внебрачные рождения часто являются результатом «сознательного» отказа от регистрации брачных отношений.

За этим стоит изменение качества брачно-репродуктивных отношений, что не может интерпретироваться однозначно – как отклонение от нормы; следует рассматривать данный факт как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи. Традиционная семья трансформировалась в «детоцентристскую», которой присущи повышение роли частной жизни, интимности и ценности детей. Более или менее равноправные отношения между мужем и женой привели к осознанию того, что сексуальность, практикуемая в браке, не всегда сводима к прокреации. Подобного рода семья представляет собой союз индивидов, ориентированных прежде всего на самореализацию, для чего вполне достаточно одного ребенка. Как следствие, появляются новые принципы межполовых и межпоколенных отношений⁵.

Влияние различных факторов на рождаемость носит опосредованный характер. Так, изменение норм репродуктивного поведения обусловлено влиянием социокультурных и социально-экономических перемен, воздействующих на социальные нормы, в том числе – нормы детности⁶.

Можно предположить, что происходит постепенный переход от двухдетности к однодетности как некой идеальной модели семьи. Феномен массовой малодетности свидетельствует о том, что для полного удовлетворения потребности в детях семье часто достаточно одного ребенка. Социологически точный ответ на вопрос о причинах уменьшения детности и рождаемости заключается в апелляции к снижению репродуктивных норм детности⁷. Изменения в ценностных ориентациях определяют перемены в системе потребностей и, следовательно, в мотивах репродуктивного поведения. Речь идет о преобладании мотивов, которые отсутствовали или не имели большого распространения в России 10–15 лет назад, над возможными мотивами рождения второго и последующих детей. Это связано, прежде всего, с возникновением потребностей, удовлетворению которых препятствует наличие нескольких детей. К их числу относятся карьерное продвижение, достижение и поддержание престижных жизненных стандартов и досуга.

К факторам низкой рождаемости относится и рыночная экономика, которая не способна к саморегулируемому стимулированию наемных работников иметь семьи с несколькими детьми⁸. Важным механизмом, меняющим репродуктивные нормы на фоне социально-экономических изменений в стране, тенденций к глобализации,

являются средства массовой информации. Они являются каналом, внедряющим в сознание молодежи западные образцы семейного, репродуктивного и сексуального поведения⁹. В данном контексте низкая рождаемость, характерная для современной России, представляется закономерным процессом, когда распространение западных норм и ценностей является одним из ее главных факторов.

При этом важно отметить, что подобные тенденции не являются единственными возможными в современном мире. Так, М. Клупт, будучи приверженцем парадигмы многообразия современности, обращает внимание на модернизацию в Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии, примеры которых представляют более или менее выраженное доминирование высокоадаптивной экономики и традиций, обеспечивающих интеграцию общества, над либеральными ценностями и демократическим представительством. Другими словами, изменения в экономической сфере еще не являются гарантом изменения ценностей при сильных традициях.

Возвращаясь к вопросу об изменении репродуктивного поведения, лежащем в основе низкой рождаемости в России, остается спорным вопрос, является ли отмеченное изменение закономерным естественным процессом, или за ним стоит влияние неких идей, идеологий. Одной из таких идей может быть концепция «золотого миллиарда». Сам этот термин, как сильно «идеологически нагруженная» метафора, не употребляется в официальных документах. Многие исследователи считают эту концепцию не более чем легендой, скорее актуальной для шпионских фильмов о теории заговора, чем для научных работ. Однако интересно проследить связь между существующей низкой рождаемостью в России как реальностью, ставшей возможной благодаря последовательной реализации мер, продиктованных идеями, содержащимися в данной концепции.

У концепции «золотого миллиарда» есть исторические научные корни. Так, еще в конце XVIII в. Томас Мальтус утверждал, что в будущем рост населения значительно превысит рост производства средств существования, вследствие чего неконтролируемый рост населения неминуемо приведет к голоду, избежать который можно с помощью ограничения рождаемости. Сейчас эта идея находит свое отражение в концепции неомальтузианства – воздействие на биологический механизм рождаемости как «основной элемент» стратегии программ по отношению к населению¹⁰.

«Золотой миллиард» – выражение, означающее население развитых стран с достаточно высоким уровнем жизни в условиях ограниченности ресурсов. Согласно этой концепции благополучная

жизнь на Земле возможна только для одного миллиарда человек – «золотого миллиарда».

Сам же термин «золотой миллиард» связывают с идеями сокращения населения Земли. Так, по мнению публициста А. Кузьмича (псевдоним А.К. Цикунова), за этим термином стоит определенная целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция: развитые страны, сохраняя для своего населения высокий уровень потребления, будут военными и экономическими мерами держать остальной мир в промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Население этих «замороженных» в своем развитии стран в условиях бедности деградирует и никакой функциональной ценности для «первого мира» не представляет, создавая в то же время глобальные социальные проблемы. Это население должно быть сокращено с помощью целой системы новых социальных технологий¹¹.

Ряд источников, развивающих концепцию «золотого миллиарда», ставят под сомнение не только жизнь, но и право на деторождение, которое якобы должно регулироваться исходя из общечеловеческих интересов¹². Представленные подходы к осмыслению концепции «золотого миллиарда» объединены общей целью – сокращением численности населения до одного миллиарда. При этом приверженцы концепции предлагают различные средства для достижения цели: посредством ограничения права на деторождение (законодательное ограничение), воздействия на желание иметь детей (социально-психологическое ограничение). Воздействовать на желание иметь детей возможно при помощи СМИ, массовой культуры в целом. Последние, как известно, в состоянии быть инструментами, способными коренным образом изменить сами ценности, нормы и представления о детях.

Кроме концепции «золотого миллиарда» идея об ограничении численности роста представлена в докладах Римского клуба, где неоднократно прослеживалась мысль о пределах численности населения. Так, в 1974 г. авторы доклада «Пределы роста» пришли к выводу, что сознательно остановить количественный рост невозможно¹³. В проекте «За веком расточительства» (1978) более детально рассматривалась затронутая в «Пределах роста» проблема природных ресурсов (коллектив исследователей возглавили британский физик Деннис Габор и итальянский специалист в области управления Умберто Коломбо). Была сделана попытка исследовать мировой научно-технический потенциал, выявив возможности его использования для решения энергетических, сырьевых и продовольственных проблем. В докладе утверждалось, что современный

уровень развития науки и техники позволяет решить практически все проблемы, связанные с дефицитом сырья, ресурсов, энергии и продуктов питания, что пределы экономического роста, возникновение и обострение глобальных проблем обусловлены недостатками социально-политических механизмов и институтов и, чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие цивилизации, необходимо построить «зрелое общество» с высоким качественным уровнем жизни для людей Земли при условии их разумного отношения к природе. Доклад Эдуарда Пестеля «За пределами роста» (1987) также призывает открыть перед миром дорогу к органическому росту и развитию.

Применение концепций неомальтузианства, «золотого миллиарда» и пределов роста к объяснению низкой рождаемости в России позволяют по-иному ее осмыслить, поставив идеологический и рациональный факторы на первое место. Остается открытым вопрос, является ли изменение норм репродуктивного поведения, стоящих за снижением рождаемости, закономерным и естественным процессом или навязываемым и управляемым.

Примечания

- ¹ Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979; *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Там же.
- ² Медков В.М. Основы демографии: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 421.
- ³ Рассчитано по данным Госкомстата, постоянное население на 1 января 1992 и 2011 гг. (www.gks.ru).
- ⁴ Демографический ежегодник России. 2010. М., 2010. С. 166.
- ⁵ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 118.
- ⁶ А.И. Антонов определяет репродуктивные нормы как детерминированные социальной системой принципы и образцы одобряемого поведения, относящегося к рождению определенного числа детей, и принятые в тех социальных группах, к которым принадлежит или хотел бы принадлежать индивид. Приводится по: Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 360.
- ⁷ Там же. С. 362.
- ⁸ Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Под общ. ред. С.С. Сулашкина. 2-е изд. М.: Экономика: Научный эксперт, 2007. С. 33.
- ⁹ Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 72–73.

- ¹⁰ Саградов А.А. Мальтузианство // Энциклопедический словарь. М.: БГЭ, 1994. С. 211–213.
- ¹¹ Кузьмич А. Заговор «Мирового правительства» (Россия и «золотой миллиард»). М., 1994.
- ¹² Кара-Мурза С. Концепция «золотого миллиарда» и «Новый мировой порядок». М., 1999.
- ¹³ Краткое содержание доклада «Пределы роста». Доклад «Римского клуба» 1972 года // Русский ЮГ. URL: <http://www.russ-yug.ru/article/643/> (дата обращения: 13.09.2013).

ОДИНОКИЕ ОТЦЫ В РОССИИ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена феномену одинокого отцовства в современной России. На эмпирическом материале анализируются социально-правовое положение одиноких отцов, повседневная жизнь отцовских семей, отношения отцов с детьми, проблемы и трудности таких семей.

Ключевые слова: одинокие отцы, дети, повседневные практики, отношения с детьми, проблемы отцовских семей.

Отцы, без участия матери воспитывающие детей, – не частое явление даже в европейских странах и Америке. В странах Западной Европы и США семьи с одинокими отцами составляют 10–15% от общего числа неполных семей. Во Франции рекордное число одиноких отцов, с которыми живут дети в возрасте от 13 до 16 лет (20% от общего числа неполных семей). Мы не берем в качестве примера страны Востока, где дети при разводе преимущественно остаются с отцом и отцовские семьи составляют 20% от *всех* семей. Назвать точное количество одиноких отцов в России невозможно. По данным правозащитной ассоциации России «Отцы и дети», в нашей стране отцов-одиночек насчитывается около 300 тыс. Из другого источника следует, что одиноких отцов около 800 тыс.¹ По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в России 684 067 отцов, которые воспитывают своих детей без матери. То есть 149 из 150 неполных семей, в которых воспитанием детей занимаются мамы, и только одна, где детей воспитывает папа. При этом официально семья может считаться полной, но фактически мать не принимает никакого участия в воспитании детей, возложив все обязанности на мужа.

Появление отцовских семей связано с ростом разводов, разделением (раздельным проживанием) супругов, утратой семейных ценностей, возрастанием смертности. Данная социальная группа растет. Это подтверждает количество крупных интернет-сооб-

пещев («Папаланд», «Мапулечки», «Моя прекрасная Мапа» и др.), где одинокие отцы общаются между собой, обмениваются информацией, консультируются со специалистами. Растет и количество публикаций в СМИ; но чаще всего в статьях описываются персональные невеселые истории из жизни или несовершенство нашего законодательства, не признающего такого явления, как одинокий отец. Многие из публичных людей в России и в мире имеют статус «отца-одиночки».

Законодательство РФ не указывает условия, при которых мужчина признается отцом-одиночкой. Но на практике им считается мужчина, имеющий ребенка (детей), мать которого умерла, пропала без вести, лишена родительских прав, долгое время пребывает в лечебном учреждении, оставила детей отцу при разводе, находится в местах лишения свободы. Многие страны Европы, а недавно Украина, узаконили статус «отца-одиночки», но в России такого решения пока нет, хотя оно давно назрело.

В статье использованы данные следующих исследований: 1) «Феномен одинокого отцовства в России». Методом глубинного интервью опрошены одинокие отцы разного возраста (7 отцов из разных городов России). Февраль–апрель 2012 г.; 2) «Истории одиноких отцов: качественный анализ». Истории взяты в Интернете на тематических сайтах и форумах. Критерий отбора сайтов – высокая посещаемость групп, многочисленное членство и тематическая насыщенность (высокий рейтинг). N = 57 историй. 2012–2013 гг.; 3) «Одинокие отцы: контент-анализ тематических групп сайта ВКонтакте». Две группы. Критерий отбора – высокая посещаемость групп и тематическая насыщенность (высокий рейтинг). 2012–2013 гг.; 4) «Социальное положение одиноких отцов: общественное восприятие». Интернет-опрос пользователей Рунета. Выборка нерепрезентативная (N = 80 человек), но позволяющая выявить уровень осведомленности российского общества в проблеме одинокого отцовства².

Итак, *отец-одиночка* – это неженатый, разведенный мужчина или вдовец, воспитывающий одного или нескольких детей самостоятельно, т. е. без участия матери. Следует отметить, что одинокими отцами становятся те мужчины, для которых ценность ребенка перевешивает все остальное, поэтому на вопрос: «Что для Вас дети?» обычно следует ответ: «Это твоё продолжение. Это счастье. Это такое родное. Это ощущение, что жизнь состоялась. Это всё»³.

Социально-правовое положение одиноких отцов

Первая проблема – в российском законодательстве не определен правовой статус лиц, которых возможно отнести к категории «отец-одиночка». Огромное количество отцов-одиночек не может собрать нужных для обращения в органы социальной защиты документов, многие из них не осведомлены о существовании специальных служб и социальных льгот.

В целом на одиноких отцов могли бы распространяться те нормы, которые содержит Трудовой кодекс Российской Федерации: гарантии занятости одинокого родителя, запрет сверхурочной, ночной работы и работы в выходные, разрешение на работу в режиме неполного рабочего времени. Одинокие папы могли бы пользоваться социальными льготами неполных семей – опять же при признании их таковыми.

Проблем здесь несколько: 1) одинокий отец не всегда (точнее чаще всего) не является им официально; 2) сами одинокие отцы вынуждены работать «как все», потому что материальное обеспечение семьи лежит на их плечах; 3) мужская психология не подразумевает «слабости», и поэтому многие отцы не обращаются за помощью («Я привык все свои проблемы решать сам»).

Отдельная тема – «материнский капитал», получить который отцу практически невозможно даже в случае смерти матери; а он мог бы стать существенной помощью отцовским семьям.

Также необходимо отметить, что при исследовании юридических аспектов отцовства было выявлено, что в Российской Федерации на практике большинство решений суда носят «антиотцовский уклон» в вопросах прав на ребенка, т. е. если возникает судебный спор, решение однозначно выносится в пользу матери.

Повседневные практики одиноких отцов

Несмотря на тот факт, что быт и повседневность у таких пап различны в силу многих обстоятельств (занятость, социальный статус, стиль жизни), удалось выявить некоторые общие черты.

Характерной чертой отцовских семей является наличие одного или нескольких родственников, чаще – мамы отца. Основной функцией бабушки является непосредственная помощь в быту и уход за ребенком в отсутствие отца: «Мы с бабушкой делим быт», «Без мамы я бы, наверное, не справился. Особенно первое время»⁴. Таких случаев большинство, но есть семьи, где отец пытается справиться сам. Такие отцы либо выбирают гибкие формы занятости,

либо жертвуют работой вообще: «Я сейчас нигде не работаю, получаю пенсию по инвалидности, иногда занимаюсь сетевым бизнесом»⁵, «Когда-то была неплохая работа, “светила” карьера, но я все это бросил, когда остался один с ребенком, и не жалею. И всем одиноким отцам то же самое посоветовал бы. Ребенок важнее любой карьеры. Это такая радость!»⁶

Такие мужчины все в доме умеют делать сами: приготовить еду, постирать, убраться, помочь ребенку с приготовлением уроков и, если нужно, лечить: «Всё делали сами. Готовил утром или вечером. Убирались вместе по выходным. Стирал я сам, тоже по выходным. А когда сын подрос, я научил его свои мелкие вещи стирать: носки и прочее»⁷.

Основная проблема одинокого родителя – с кем будет ребенок, когда папа на работе. «Мне приходилось отказываться от каких-то предложений по работе, потому что не с кем было оставить Дениса. Но для меня было важнее быть с ним рядом, всегда. И если что, подхватить»⁸.

Такие папы иногда комплексуют, оказавшись на территории почти исключительно «маминой» среды: на родительском собрании, в песочнице или на детской площадке: «Что касается, например, администрации школы, с ней я вообще стараюсь не соприкасаться и не иметь дело. На все школьные собрания ходит бабушка»⁹.

Однако все зависит от характера мужчины, носящего статус «одинокого отца». Часто быт и повседневные заботы не представляются реальной проблемой таким папам. Все потому, что изначально, будучи отцом в полной семье, мужчина имел опыт ведения домашних дел: «Я занимался Гошей, даже когда наша мама еще дома была: стирал, готовил, убирал, ходил на прогулки, укладывал спать. Был одновременно и папой, и мамой. Поэтому ко всем бытовым трудностям привык, и мне не было тяжело остаться с ребенком в одиночку. Даже легче стало, правда!»¹⁰

Выходные дни отцы-одиночки тоже стараются проводить вместе с ребенком: «Мы каждые выходные на лыжах ходили. Иногда вдвоем, иногда с друзьями или с классом вместе. Но каждую неделю вылезали – то в ближайший лесок, то подальше. В походы ходили – ну это с классом. Нас таких несколько родителей было, кто всегда с детьми ходил»¹¹.

Отцы – пользователи Интернета, состоящие в тематических группах, обладают повышенной информированностью о вещах бытового плана. Топ-темами здесь являются: рецепты для детей, витамины, аллергия, врачи и лекарства. В таких темах отцы обмениваются опытом, полезными советами из собственной родительской практики.

Отношения с ребенком

Такие отцы предоставляют больше свободы и самостоятельности детям. Матерям не свойственно поддерживать риск в поведении ребенка, они чаще пресекают рискованные детские поступки, которые отцы допускают.

С традиционной воспитательной ролью отца связаны вопросы авторитета, власти, строгости. В вопросах наказания и поощрения ребенка отцы-одиночки не видят сложностей: у каждого есть свои действенные приемы похвалы и порицания, но никто не поддерживает физические наказания как элемент воспитания ребенка: «Я никогда ее не бил, вообще считаю этот метод абсолютно неправильным. Если она что-то неправильно сделала, могу в угол поставить. Либо лишить обещанного. Не пойти с ней куда-то, куда обещал. Она сидит дома, а я иду куда-то. Или, например, если я спросил, сделала ли она уроки, она соврала, что сделала, а потом оказалось, что нет, я ее лишил телевизора на неделю. А поощряю... выражением своих эмоций: неужели это Люба сделала?! Как так, Люба, это, наверное, не ты! Кто подменил Любу?!»¹², «...я стараюсь не наказывать. Просто пригрозить или в угол поставить... могу похвалить, и что-то вкусное могу дать»¹³.

Что касается эмоционального фона отношений отца и ребенка, то здесь большое значение имеют частые тактильные контакты и невербальные воздействия в целом. Одиноким отец должен совмещать и замещать материнские прикосновения, несущие нежность, теплоту, легкость, и типично отцовские прикосновения, поощряющие активность, проявление силы. И, надо отметить, они не видят в этом особых затруднений.

Ключевым моментом в воспитании ребенка являются совместное времяпровождение, беседы, прогулки и игры. Большинство отцов с удовольствием проводят время со своими чадами, даже включая их в свой личный досуг: «Я люблю на природу выезжать постоянно. Я всегда стараюсь и дочку с собой брать куда-нибудь... Вместе рисуем, играем, смотрим мультики, стараюсь что-то развивающее дать. Как можно больше»¹⁴. Участники интернет-сообществ активно обмениваются советами по поводу форм и мест проведения досуга, а также расположены к совместному проведению досуга вместе с детьми, организуют пикники, шашлыки, походы в музеи, театры и др.: «Давайте соберемся вместе, детям хорошо будет побегать, полазить, побеситься», «Ищу компанию для поездки на природу с детьми»¹⁵. В данной теме поднимается денежный

вопрос: сколько стоит поход в развлекательный центр, цирк и т. д.? Где подешевле?

Ни один из опрошенных респондентов не отмечает каких-либо специфических трудностей в общении или заботе о ребенке в связи с полом ребенка: скорее общие психологические аспекты, о которых было сказано выше.

Были выделены основные *параметры отцовского взаимодействия с ребенком*: вовлеченность отца в непосредственный уход, общение и игру с ребенком, постоянная доступность отца для ребенка, единоличная ответственность за воспитание и принятие решений.

Отношение к маме ребенка

Самым тонким, неоднозначным и индивидуальным является образ матери и жены в таких семьях. В зависимости от обстоятельств (смерть жены или ее негативные поступки) отец выбирает различные линии поведения и свое отношение к данной ситуации. «Я никогда ничего плохого сыну про мать не говорил. Более того, говорил: “Мать у тебя одна, другой не будет”. Со временем он сам про нее всё понял... Они общаются. Но с вопросами о жизни он к ней не обращается»¹⁶.

В случае смерти жены отец испытывает трудности в объяснении ребенку отсутствия матери, а также в дальнейшем в выстраивании отношений с противоположным полом: «Жениться больше не планирую, буду воспитывать сына – в этом вся моя жизнь. Хотя слышал, что многие одинокие отцы женятся и, в основном, удачно. После того как ты остался один с ребенком и на себе испытал, что такое “женская роль” в семье, ко многим вещам начинаешь относиться по-другому. Одинокие отцы – понимающие, заботливые, уважающие женский труд. Но у меня на устройство личной жизни нет ни времени, ни сил. Нам и вдвоем с сыном хорошо»¹⁷.

Достаточно часто в интернет-сообществах встречаются высказывания: «Нам хорошо вдвоем», «И без мамы все отлично» «Мы прекрасно ладим!», что может свидетельствовать о том, что недостатка женского внимания не отмечается. Однако нужно понимать, что это может быть и своеобразной формой защиты. Только иногда можно встретить: «Я бы посоветовал таким же мужчинам, как и я, находящимся в таком же положении, в первую очередь найти мать ребенку, не себе жену, а именно мать! Потому что семья должна быть полной для правильного воспитания»¹⁸, «Потому что для любого ребенка отец – идеал мужчины, а мать – идеал женщины. И этот образ должен быть неразрывен с детства»¹⁹.

В случае развода и ухода жены из семьи отцы избирают линию поведения, направленную на максимальное сокращение общения с матерью: «Вообще стараюсь не общаться, конечно. Но она звонит раз в полгода, вспоминает, что у нее есть дочь, мы организовываем встречу Любы с ней. С одной стороны, хорошо, что общаются, но, с другой стороны, Люба всегда нервничает и переживает, когда видит мать»²⁰. Но случается и так, что мать сама не интересуется детьми, не звонит и не встречается с ними: «Сказала: твой сын – ты и расти. Мне с вами скучно. И ушла туда, где весело»²¹.

Проблемы и сложности одиноких отцов

Основной проблемой, с которой встречаются одинокие отцы, является проблема *налаживания семейного быта*. В таких семьях вся «женская» работа закреплена за отцом: уход за ребенком, его воспитание, совместные занятия, уборка квартиры, приготовление пищи и т. д. Именно поэтому характерной чертой отцовской семьи является присутствие близких родственников, чаще – бабушки (матери отца-одиночки), которая разделяет с ним обязанности по дому и присматривает за ребенком в отсутствие отца.

Все домашние дела одинокому папе необходимо совмещать с работой, так как отец в таких семьях обычно является единственным кормильцем. Интересный факт: финансовая проблема у одинокого отца не стоит так остро, как у матери-одиночки. Также было выявлено, что одинокие отцы стараются больше времени провести с ребенком, независимо от того, присутствуют в семье родственники или нет. В связи с этим одинокие папы часто выбирают такое место работы, которое предусматривает гибкую занятость.

Необходимость восполнения возникшего дефицита влияния на детей порождает проблему социально-психологического характера, проблему *совмещения ролей*: нужно соединить сугубо женские роли (проявляющиеся в ласке, сочувствии) и мужские (дисциплинатор, наставник и авторитет). А так как мужчине часто нелегко быть таким же нежным и внимательным, как женщина, эти действия часто представляются сложностью одиноким папам. Также такой папа зачастую оказывается единственным мужчиной в поликлинике, в школе, на детской площадке. К этому не просто привыкнуть, и многие отцы стараются избегать посещения мест, где больше бывают матери с детьми. Но все равно одинокие отцы выполняют весь спектр родительских функций, включая материнские: забота и эмоциональное сопровождение развития ребенка, уход за ним, воспитание и социализация, а также традиционные функции отца

как кормильца, дисциплинатора, наставника, авторитета: «Трудно совмещать в себе оба начала: отцовскую строгость и материнскую ласку»²².

Самым острым из всех трудностей психологического характера является проблема объяснения того, что мамы рядом нет (особенно в отцовских семьях, где потеря матери произошла в связи с ее смертью): «...наверное, я не могу дать детям того, что смогла бы дать мать. Но что я могу сказать точно: дети для меня – все. Я искренне радуюсь их маленьким победам и также искренне переживаю, если они чем-то расстроены»²³.

Российские отцы-одиночки начали объединяться в интернет-сообщества и обсуждать свои проблемы, обмениваться советами и опытом в интернет-пространстве. Немаловажной функцией таких тематических сообществ является знакомство одиноких пап с противоположным полом. По результатам исследования, те папы, которые мотивированы на создание новой семейной пары, успешно женятся и живут в новом браке. Однако есть и такие представители данной социальной группы, которые не намерены когда-либо вступать в супружеские отношения, так как сомневаются в положительном исходе данной ситуации для ребенка.

Отношение общества к одиноким отцам

Ближнее окружение относится к одиноким отцам сочувственно. Например, отец троих детей говорит: «Почти все соседи в доме стараются хоть чем-нибудь помочь семейству: кто с дачи фрукты привезет, кто шоколадку купит»²⁴. Папы чувствуют также поддержку своей референтной группы, ближайших родственников и друзей: «Ну а друзья – да, мне очень помогли. Особенно первое время. Я оставлял доверенность на то, чтобы Любочку забирать из школы. Они забирали. Приходили, просто паспорт показывали и забирали, помогали мне»²⁵.

В целом же большинство людей отвечают на вопросы об отцах-одиночках с удивлением, аргументируя это тем, что не сталкивались с одинокими отцами и не задумывались об этом: «Да, слышал, но никакого отношения к этой проблеме не имел. Только со слов третьей стороны, один или два раза», «Не сталкивался с данной проблемой, на свете про одиноких матерей информации куда больше! Это не проблема, таких семей очень мало, единицы» и т. д.²⁶ Люди в затруднении дать оценку такой ситуации за неимением информации, заметно более они осведомлены о проблемах матерей-одиночек. А вот на сайтах интернет-сообществ посетители (в

основном женщины) восхищаются, умиляются, высказывают свое уважение к отцам, воспитывающим детей в одиночку. Интересно, что в группах, посвященных одиноким отцам, 60% участников – женщины. Они активно участвуют в обсуждениях, создают новые темы, дают советы одиноким отцам по вопросам воспитания, быта и досуга, а также напрямую демонстрируют желание познакомиться и создать новую семейную пару: «Я – мать-одиночка, воспитываю замечательного сына одна, ищу вторую половинку, ответственного мужчину, вторая половинка, отзовись!»²⁷, – многие высказывают готовность полюбить чужих детей как своих.

Таким образом, отцы-одиночки – это особая социальная группа, численность которой увеличивается, следовательно, возрастает и потребность таких семей в государственной социальной поддержке. Начинать нужно с совершенствования законодательной базы и юридического определения статуса отца-одиночки.

Несмотря на то что нашей задачей было выявление типичного в повседневных практиках и проблемах одиноких отцов, необходимо учитывать, что эта повседневность уникальна, обстоятельства, приведшие к формированию отцовской семьи, разные, равно как и возраст детей, состав семьи, финансовое и социальное положение одиноких отцов.

Примечания

¹ Отцы-одиночки в России // Vash-papa.ru. URL: <http://www.vash-papa.ru/polozenie/27-otcy-odinochki-v-rossii.html> (дата обращения: 12.11.2013).

² Автор выражает благодарность за помощь в сборе эмпирического материала выпускнице социологического факультета РГГУ А.У. Алимулловой.

³ Архив автора. Интервью № 7.

⁴ Архив автора. Интервью № 2, 3.

⁵ Архив автора. Интервью № 3.

⁶ Архив автора. История № 9.

⁷ Архив автора. Интервью № 7.

⁸ Там же.

⁹ Архив автора. Интервью № 3.

¹⁰ Архив автора. История № 11.

¹¹ Архив автора. Интервью № 7.

¹² Архив автора. Интервью № 3.

¹³ Архив автора. Интервью № 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив автора. Данные контент-анализа.

¹⁶ Архив автора. Интервью № 7.

- ¹⁷ Архив автора. История № 11.
¹⁸ Архив автора. Данные контент-анализа.
¹⁹ Архив автора. Интервью № 3.
²⁰ Там же.
²¹ Архив автора. Данные контент-анализа.
²² Там же.
²³ Архив автора. Интервью № 6.
²⁴ Архив автора. Интервью № 5.
²⁵ Архив автора. Интервью № 3.
²⁶ Архив автора. Данные контент-анализа.
²⁷ Там же.

С.Н. Майорова-Щеглова

ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕТСТВА В НАЧАЛЕ XXI в.

К уточнению концепции социального конструирования детства

В статье разъясняются возможности применения авторской концепции для анализа современной отечественной модели социального феномена детства. Дан прогноз развития детства и отношений между поколениями в долгосрочной перспективе под влиянием трех факторов: нового отношения общества к репродукции, расширения прав ребенка и развития потребительского рынка детских товаров и услуг.

Ключевые слова: детство, дети, социальное конструирование, государственная политика в интересах детей, социология детства.

Согласно концепции социального конструирования детства детство рассматривается как социальное образование, которое возникает как результат и продукт социального конструирования реальности. Оно определяется как совокупность объектов, событий, социальных институтов и социальных практик в отношении детей, которая формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности самих детей, осваивающих социальность и интегрирующихся в социум. Это сложное социальное образование является структурным элементом общества, выполняет в нем специфические функции и взаимодействует с обществом в целом и с отдельными его элементами.

Социальное конструирование детства определялось в работах конца прошлого века как совокупность взаимосвязанных исторических общественных процессов, ведущих к определенному совместному результату – изменениям социального образования –

детства, результату, которого без подобных процессов не было бы. Ряд исследователей детства довольно успешно находили обоснованные ответы на вопросы: когда, как, каким образом, посредством каких механизмов и при каких условиях формировались различные модификации детства¹.

Предлагаю с помощью данной концепции раскрыть суть социальной обусловленности существования *российского детства в современном обществе* и выявить соотношения его отдельных институционализированных и неинституционализированных форм. Возможность применения концепции для анализа отечественной модели социального феномена детства осуществляется в рамках настоящей статьи, и рассмотрение иных типов, вероятно, потребует разработки других объяснительных схем. Детство 1990-х годов приобрело свои характеристики в процессе объективации экстернализованных продуктов человеческой деятельности в течение долгого исторического периода, но особенно в процессе восприятия социальности детства, становления государственной политики в отношении детства, начала реализации Конвенции о правах ребенка.

П. Бергер и Т. Лукман полагали социальные универсальные образования самоподдерживающимися и самолегитимирующимися². Детство же не обладает самостоятельным свойством самостабилизации и самоорганизации, не может без соответствующей коррекции и поддержки приспособиться и адаптироваться к сложившимся и динамично изменяющимся условиям его внешнего окружения (поддержки семьи, ряда других социальных институтов).

Структура концепции социального конструирования детства включает различные аспекты. Далее остановимся на тех аспектах, которые приобрели особое звучание в современных условиях.

Объектами конструирования выступают социальное образование – детство, а также такие категории, как «детский» и «взрослый» мир. «Детский» и «взрослый» мир – бинарная символическая конструкция, возникшая в Средние века, в период становления детства как социальной категории. Детство как социальное образование сконструировано в совокупность универсальных элементов детства: границы детства; периодизация детства; фиксация перехода от детства к взрослому обществу; социальный статус детей на макроуровне; регламентация форм и характера взаимодействия взрослых и детей на микроуровне. Именно в сфере обозначенных универсалий в новом веке наблюдаются серьезные изменения.

Построение роли ребенка в современном обществе идет прежде всего от противопоставления его к роли взрослого. Пласт базовых

элементов роли ребенка был институционализирован в давней исторической ретроспективе, остальные характеристики («ребенок играет, как правило, в группах детей», «не должен работать, зарабатывать и распоряжаться деньгами», а также некоторые психологические особенности развития данного возраста – активный, любопытный, эмоциональный и др.) были, вероятно, выделены в качестве элементов данной роли значительно позже.

Еще 15 лет назад социолог А.И. Ковалева констатировала существенное обновление модели социализации в современной России и неизбежность «разбегания» социализационных траекторий молодежи в условиях современного российского общества³. Импульсы различий траекторной картины закладываются в детском возрасте – особые семейные, гендерные, правовые, досуговые и иные нормы детского поведения, и сегодня зависят в основном от социально-экономического статуса семьи. Приведем один из иллюстрирующих примеров этой тенденции. Согласно нашему исследованию 2011 г, у большинства родителей московских школьников наблюдалось положительное отношение к участию детей в детских объединениях, отрицательное – только у 6%⁴. Однако наблюдается ориентация в семьях различного достатка на отдельные виды организаций. 64% всех родителей с низким уровнем дохода ориентируют детей на военно-патриотические объединения, но никто не хотел бы, чтобы дети вступали в политизированные организации. При этом 15% опрошенных с очень высоким уровнем дохода отдали предпочтение детским объединениям при политических структурах, но 94% людей с высоким уровнем дохода и все опрошенные с очень высоким уровнем дохода не приветствуют участие своих детей в организованной трудовой деятельности.

Последние 15 лет – время парадоксальности развития детства: постепенное распространения в российском обществе процессов, образов, личностей и явлений, характерной чертой которых является их внутреннее содержательное несоответствие или противостояние социальных практик по воспитанию подрастающего поколения и общественного сознания относительно современного статуса детства. Именно появление детей постепенно «формирует родителей», провоцирует их на выполнение новых ролей, приобретение знаний, умений и навыков. Ребенок сегодня не является главным проектом молодежной семьи, он выступает как один из многих проектов, и поэтому определенная часть родителей хотят упростить выполнение родительских задач, в результате чего появляются дети «без детства» в традиционном понимании и родители «без родительства». При этом «жизнь семейная, воспитание

ребенка» противопоставляется «своей жизни» (самореализации)⁵. Эти явления я и предложила называть специальными терминами: «квазидетство» и «квазиродительство».

Традиционно родительство имеет несколько последовательных стадий и соответствующих социальных функций: предродительства (репродуктивные установки), собственно физического воспроизводства (зачатия, вынашивания, рождения), первичного сохранения жизни, ухода; научения социальным навыкам, воспитания и образования.

Репродуктивные установки все в большей степени начинают зависеть от социально-классовых позиций людей и от их религиозности. На стадии физического воспроизводства растет число детей, зачатых с помощью новых репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство и отцовство, модифицирование эмбрионов, клонирование). Причем если на первом этапе внедрения, например, искусственное оплодотворение делалось только бесплодным парам, имеющим серьезные отклонения в здоровье, то сегодня, по мере распространения коммерческих медицинских учреждений, занимающихся официально подобной деятельностью, и, что не менее важно, иных взглядов на детство, возможно создание «договорных» детей.

Наблюдается все больший примат социального родительства над родительством биологическим. Суррогатное материнство и донорство спермы и яйцеклеток для определенной группы людей превращаются в постоянный заработок, возникают новые профессии – наемные биологические родители.

Отказ от личного вынашивания плода, возможно, будет в скором будущем происходить не только исходя из медицинских противопоказаний, но и в силу иных личностных причин: нежелания женщины прерывать карьеру, учебу, «портить фигуру», «истощать собственный организм» или нежелания мужа-отца терпеть капризы гормонально неустойчивой беременной жены.

Первый период жизни ребенка в российской традиции предполагал довольно тесный деятельностный и телесный контакт с близкими взрослыми. Сегодня появляется возможность практически свести его на нет. Не только памперсы, но и автоматические мойки запачканных малышей освобождают от неприятной функции поддержания гигиены. Не только искусственные смеси, но и приспособления, которые механически накормят малыша маминым грудным молоком, предварительно сцеженным специальным молокоотсосом, например, ночью, чтобы мама и не просыпалась, или днем, если родители заняты работой, развлечениями, общением.

Существуют специальная техника, для того чтобы следить за сном малышей, устройства «радионяни» и «видеоняни». Активные ходунки учат маленького человека делать первые шаги, и нет больше идущих рядом, согнутых в три погибели мамы или папы.

Общество предлагает вместо проявления любви через контакты телесные и трудовозатраты проявлять свою любовь к чаду через экономические траты на различные модернизационные, технические и иные новшества. Несколько слов об этих специализированных новшествах. Ж. Бодрийяр утверждал, что в обществе постмодерна люди начинают приобретать не то, в чем нуждаются, а символы престижа, власти, благополучия. Молодые городские семьи покупают для детей то, что обладает признаком новизны и одновременно маркировки их как успешных родителей. Дифференцирующие знаки такого приобретения – новатор, патриот или космополит, экологист, продвинутый в вопросах гендерной или расовой толерантности, знаток иностранного, английского языка, мобильный родитель. Исчезает этнокультурное своеобразие раннего ухода за детьми.

В обществе постепенно распространяется мнение о том, что профессиональные «заменители родителей» могут неплохо справиться с родительскими функциями. Наши наблюдения за общением молодых мам на форумах убеждают, что растет спрос на бездетных нянь. Расширено участие в воспитании детей групп профессиональных наемных воспитателей (нянь, гувернеров, тренеров и т. п.) – эту тенденцию констатируют и эксперты. Предположение о распространении данного явления в ближайшем будущем заняло первое место в ряду 20 наиболее возможных⁶.

К обязательным воспитательным стратегиям современные родители относят инвестиции в ранее предшкольное и дополнительное образование, развитие потребительских установок, в освоение информационных новшеств. Родители заставляют ребенка осуществлять свои идеальные планы часто не для него самого, а лишь для того, чтобы самим соответствовать представлениям взрослого мира о правильных родителях.

Именно эти тенденции провоцируют проявления раннего взросления детей: лишение маленьких людей полноценного периода игры, общения со сверстниками, отсутствие зависимости от близких людей, защиты от травмирующей информации и возможности свободного, неторопливого познания мира взрослых. Взрослые не закрывают от детей ранее табуированные для младших темы: смерть, секс, рождение, деньги. Родители не стесняются обсуждать свои проблемы в присутствии ребенка, а часто и вовлекают их в

процессы развода, дележа имущества, разборок с родственниками и соседями. Обществу потребления выгодно появление новых групп потенциальных покупателей и пользователей услуг.

Социальное конструирование детства носит уже в меньшей степени эволюционный характер, когда постепенно включались все процессы конструирования. Исходя из позиции классиков социальное конструирование происходило последовательно: от опривычивания, типизации до объективации. Случайные социальные изобретения подвергались овеществлению: повторялись, фиксировались на индивидуальном уровне через материальные артефакты – письма, художественные, литературные произведения и т. д. То, что было социальной импровизацией, превращалось в отношения, возобновляемые практики: правила общения с детьми, воспитательные приемы, обычаи, ритуалы, инициации. Хорошо согласованные практики универсализировались и распространялись на все общество, меняя его, и постепенно они объективируются в институциональный порядок. Сконструированные социальные практики в отношении детства затем начинали восприниматься как внешняя сила – объективная реальность. Сегодня же детство подвергается революционным изменениям – глубоким и быстрым трансформациям, в терминах П. Бергера и Т. Лукмана, альтернативам, связанным с внедрением различных форм реализации прав ребенка.

В течение последнего десятилетия для России характерно конструирование новых «образов» и практик детства в большей степени в результате легитимационных процессов⁷. Детство как субъективная реальность включает схемы восприятия и оценивания объективной реальности, именно стандарты и нормативы законодательства (так называемая ювенальная юстиция) все в большей степени начинают формировать индивидуальное детство.

Государство и элементы гражданского общества вторгаются в семейную сферу ухода за детьми, их воспитания и образования. Последствия планируемой ювенальной юстиции будут состоять не только в том, что государственные органы смогут определять, достаточно ли хорошо живет ребенок с его родителями. Установление некой формальной нормы «качественного» родительства не приведет к улучшению нравов. Оно приведет к трансформации установок. Полагаем, что определенная часть родителей спокойно будет передавать свои функции государству или приемным семьям. В отдельных случаях сравнение параметров материальной стороны качества жизни ребенка и реальности будет внушать самим родителям необходимость отказа от ребенка «для его же пользы».

Родители, воспринимающие ребенка как проект, зачастую не осознают, что этот проект очень долговременный. В отношении маленького ребенка мы наблюдаем сегодня явление «гламуризации детей» (термин предложен социологом В. Шурбе). Маленький ребенок, которого можно наряжать, показывать, хвалиться посредством его достижений своими успехами. Неопытные родители, столкнувшиеся с проявлениями сложностей характера, возрастных конфликтов и прочими ситуациями, захотят некоего «развода» с детьми, подобно тому как сегодня разрешают аналогичные затруднительные ситуации супруги. Ювенальная юстиция в ее современном подходе подскажет возможный ход устранения проблемы: «детям вредно быть в стрессе, родители не имеют права на строгие меры воспитания детей».

Цели конструирования детства могут быть рациональными или иррациональными, неосознаваемыми. В настоящий период мы можем наблюдать столкновение целерационального и ценностно-рационального действий (в терминах М. Вебера). Возникшее в последние годы родительское движение основано на ограничениях выбора моделей социального поведения, неполноте информации о целях конструирования детства на уровне власти. Коллективное протестное поведение возникает в связи со структурной напряженностью и необходимостью мобилизации ресурсов для достижения общих целей. Родители пишут открытые письма Президенту РФ, пикетируют местные законодательные собрания, добиваются участия своих представителей в муниципальных органах.

Если ранее механизмы поддержания конструируемого социального образования детства презентировались обществу через традиции, мифологическое и религиозное сознание, то сегодня приоритет имеют идеология власти, закон и информационное пространство. Важное значение для действия механизмов имеют представляемые образцы конструирования и активность агентов конструирования. Важным условием для трансформации детства является наличие своеобразной «лаборатории» – структуры, где такие изменения впервые апробируются. В подобных структурах взаимодействуют люди и институты, которые опосредуют новый социальный порядок и своими действиями создают предпосылки для реальных изменений социального конструкта. В современном обществе созданием таких лабораторий занимаются «институциональные предприниматели» (термин американского социолога Н. Флигстейна). Обладающие специальными навыками, социальными умениями и талантами, знаниями местных условий, особенностей политических отношений и возможностей влияния на власть,

именно они способствуют созданию новых социальных практик в отношении детства. Затем происходит объединение их с другими подобными предпринимателями для широкого распространения апробированных практик в обществе. Так, последние нововведения в сфере политики в интересах детей определенно связаны в России с институтом Уполномоченного по правам ребенка и конкретной личностью Павла Астахова.

Несколько мыслей об активной роли в качестве агента конструирования самой социологии детства. Эта отрасль в российском научном сообществе наконец-то институционализована, мы наблюдаем рост интереса у исследователей к проблематике детства⁸. Трансформации детства начала XXI в. не позволяют и далее изучать его лишь через призму мнения взрослых – родителей, педагогов, воспитателей, других детских работников, т. е. методами социологии семьи, образования, социализационных теорий. Лонгитюдное исследование «Российские подростки в информационном пространстве» (1998–2005–2012, Лига юных журналистов)⁹, «Дети и детские организации в условиях модернизации общества» (2010, Дом детских общественных организаций)¹⁰, «Подростки, книги, Интернет» (2012, Российская государственная детская библиотека)¹¹ – крупнейшие социологические исследования российского детства с использованием новых технологий изучения детей. За последние десятилетия начали изучение непосредственно подростковой аудитории ВЦИОМ, Левада-центр, панели в маркетинговых службах. Научные обоснования социологов государственной политики в отношении детей напрямую изменяют детство как объективную реальность. Популяризация данной науки в родительской и педагогической среде через статьи и выступления имеет влияние на трансформацию детства как субъективной реальности. Социологи также изменяют реальность детства в процессе общения с самими детьми, ведь, предоставляя им возможность выразить свое мнение, мы формируем их демократическую и социологическую культуру.

Все более сильные позиции начинает занимать Интернет как средство аккумуляции и распространения знаний о детях и среди детей. 25% молодых мам предпочитают искать информацию о воспитании исключительно в Интернете и, для сравнения, только 19% – представители старшего поколения – бабушек¹². Кроме современных электронных ресурсов частично сохраняется роль телевидения. Но так как у каналов имеются различные имиджевые, финансовые и иные условия, то и позиции им предоставляются ограниченные. Что касается печатных изданий, то за последние годы

вышли в свет лишь единичные российские пособия для родителей, при этом язык их скорее научный, не адаптирован к массовому читателю, и поэтому, предполагаем, идеи авторов не находят отклика у читателей и не выступают альтернативой Интернету.

При рассмотрении детства как результата социального конструирования реальности фиксируются его институционализированные и неинституционализированные формы. Различные общества допускали большие или меньшие возможности для институционализации детства. В исторической ретроспективе наблюдалось постепенное увеличение сектора формализации по сравнению с неинституционализированным сектором. В современном российском обществе детство представлено в двух формах. К первой относится государственная политика в интересах детей и система реализации прав ребенка, социальная инфраструктура для детей (официальные детские движения). Ко второй, неформальной, форме относится детская субкультура.

Проведенный анализ детской субкультуры сигнализирует о тенденциях кризиса данного элемента детства. Он проявляется, прежде всего, в сужении игрового пространства детства, увеличении различий между детской и подростковой субкультурой – последняя все более тяготеет к массовой или криминальной. В современном российском обществе возникла своеобразная оппозиция между культурой для детей и детской субкультурой. Первая все больше пытается зафиксировать для детей определенное место, своеобразную «детскую площадку», на которой механизмы порядка и нормирования будут устанавливать заинтересованные взрослые. Эта ниша связана с увеличением внимания к детской аудитории как потенциалу рынка товаров и услуг, уже отмеченной выше. Культура для детей создается авторским творчеством (авторы эти часто претендуют на знание современных детей и поколения, т. е. сразу априори отрешиваются от своей воспитательно-социализирующей позиции отцов-старших-передатчиков мудрости) и/или торговыми марками.

Так, например, задачей игры и игрушки в прошлом было воспроизведение реальной жизни. Из системно обусловленных (ранее, прежде всего, гендерно-ролевой и профессионально-трудовой направленности) они превращаются в релятивные и случайные потребительские и опосредуются техническими приспособлениями и виртуальной реальностью.

Таковы основные тренды трансформации детства в новом веке. Некоторые из выявляемых тенденций могут выглядеть пока сомнительными, так как распространены только в определенных груп-

пах семей или только в мегаполисах. Но, по моему мнению, для их «перетекания во всеобщую реальность» не требуется больших отрезков времени. Прогноз развития детства и отношений между поколениями в дальнесрочной перспективе предопределяется тремя основными факторами: новым отношением общества к репродукции человека (суррогатные, биологические и приемные дети, чуть позже клонированные, дети как товар), расширением идеи прав ребенка и их неизбежным столкновением с правами семьи, родителей и ростом потребительского рынка детских товаров и услуг. Сама по себе информатизация общества не является фактором изменений, но ее необходимо сегодня учитывать как катализатор инноваций социального конструирования детства.

Примечания

- ¹ *Арвес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.). М.: Владос, 1997. 302 с.; *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Просвещение, 1988. 269 с.; *Кошелева О.Е.* История детства: опыт зарубежной историографии // Педагогика. 1996. № 3. С. 45–47; *DeMause L.* The History of Childhood. Northvale, NJ: Jason Aronson, 1995. P. 450.
- ² *Бергер П.Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- ³ *Ковалева А.И.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.
- ⁴ Социологическое исследование «Родители о детях и детских организациях» (проведено ГБУ ДДОО г. Москвы, рук. С.Н. Майорова-Щеглова, Л.В. Кравченко, 2011 г., выборка: N = 722, выборка случайная, бесповторная. Представлены родители из всех округов Москвы. Метод – анкетирование). Архив ГБУ ДДОО.
- ⁵ *Забавев И.* «Своя жизнь», образование, деторождение: мотивация репродуктивного поведения в современной России // Вестник общественного мнения. 2010. № 3 (105). С. 87–97.
- ⁶ *Майорова-Щеглова С.Н.* Тенденции изменения воспитательных практик в России: опыт использования метода Дельфи в среднесрочном прогнозе // Вестник РГГУ. 2013. № 2. Серия «Социологические науки». С. 158–174.
- ⁷ Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://text.document.kremlin.ru/document?id=70083566&byPara=1> (дата обращения: 06.08.2013).

- ⁸ Колосова Е.А., Гуркина О.А. К вопросу об актуальности изучения детства в социологии // Вестник РГГУ. 2013. № 2. Серия «Социологические науки». С. 101–108; Митрофанова С.Ю. Социальный статус детства. Самара: СамГТУ, 2009. 91 с.; Шурбе В.З. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 100–104; и др.
- ⁹ Цымбаленко С., Шариков М., Майорова-Щеглова С., Макеев П. Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. М., 2013.
- ¹⁰ Всероссийское социологическое исследование «Дети и детские организации в условиях модернизации общества» [Электронный ресурс] // Детское движение Москвы. URL: <http://www.tema-ddm.ru/system/files/otchet.doc> (дата обращения: 06.08.2013).
- ¹¹ Чтение и читательские практики московских подростков: комплексное исследование / Российская государственная детская библиотека; Московский институт открытого образования, кафедра филологического образования; В.П. Чудинова, Е.А. Колосова, А.Ю. Губанова и др.; сост. В.П. Чудинова. М., 2012. 142 с.
- ¹² Подробнее см.: Майорова-Щеглова С.Н. Противоречия и парадоксы воспитательной ситуации в России начала XXI века // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2009. № 1. С. 45–53.

СОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ
ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БАЗОВОГО ПОНЯТИЯ

Статья посвящена определению базового понятия социализационной функции детского творчества в современном российском обществе. Рассмотрены два основных подхода к обоснованию понятия «творчество», выявлены различия определений творчества научно-технического и художественного. Особое внимание уделено механизмам творческой деятельности, социализирующему значению детского творчества, этапам творческой деятельности и фазам творчества. В статье также отражены условия творческой деятельности детей, обоснована роль детского творчества в процессе социально-культурного развития личности.

Ключевые слова: творчество, социализация, детское творчество, инновационные технологии в творчестве, социокультурные изменения, структура творчества, формы творчества, фазы творческого процесса.

Работы современных российских исследователей в поле гуманитарных и социологических наук посвящены различным аспектам творчества как процесса и результата деятельности людей. Рассмотрение позиций ряда диссертаций по философским наукам позволяет выделить два основных подхода к обоснованию категории «творчество». В первом происходит отождествление творчества с природными процессами развития и саморазвития креативности, во втором осуществляется интерпретация творчества как разновидности продуктивной деятельности человека (так называемый предметно-деятельностный подход).

Представитель первого подхода Т.В. Лазутина определяет творчество как то, что совершенствует человека, помогает ему реализовать свои продуктивно-творческие силы. Социальное творчество возможно только при формировании духовной доминанты в

человеке. Если такая духовная детерминация отсутствует, то творчество становится незавершенным. Духовная доминанта формирует необходимое аксиологическое поле культуры, в рамках которого социальное творчество становится подлинным одухотворением самой жизни. Социальное творчество является созиданием человеком таких форм общения и общественных отношений, а также их критериев и показателей, которые в совокупности способствуют обеспечению оптимального простора для того, чтобы раскрылись универсальная человеческая природа, продуктивно-творческие силы личности. Социальное творчество предполагает формирование у личности определенных субъектных способностей, имеющих подлинно верное, объективно правильное и духовно-нравственное содержание¹. Е.Г. Наумова полагает, что творчество приобщено к так называемой трансцендентной, «высшей» реальности и порождает идеалы и ценности культуры².

Ко второму направлению относятся, например, работы Д.С. Загутина, О.С. Гагариной, Е.Н. Родиной и других. Именно этот подход, по нашему мнению, может быть близок к социологическому. О.С. Гагарина рассматривает творчество как специфическую форму активности человека, играющую важнейшую роль в процессе социально-исторического развития³. Е.Н. Родина полагает, что творчество является важнейшим фактором социокультурных изменений. Социальный смысл творчества заключается в том, что оно направлено на изменение и институциональное конструирование производства и воспроизводства артефактов жизни общества. Творчество является процессом объективации спонтанных проявлений субъекта в креативной деятельности. Инновация представляет собой основной ее продукт, способствующий актуализации значительных социальных изменений. При этом в творчестве могут синтезироваться конструктивность и деструктивность (создание новых идей и разрушение старых стереотипов). Этот синтез и вызывает процессы социального и культурного развития⁴.

Есть различия в обозначении творчества научно-технического и художественного. Конец XX в. принес новые трактовки сущности художественного творчества, которое выражается в функции поиска забытых смыслов, подходов и методов их гармоничного вплетения в реальность⁵. Д.С. Загугин отмечает, что творчество является инструментом, с помощью которого происходит рождение культуры в материальных и духовных ценностях. Понятие «творчество» он предлагает рассматривать в контексте формирования культуры технической творческой деятельности личности как безусловного абсолюта, объединяющего в себе знания/творчество. Материаль-

ные ресурсы и знание представляют собой компоненты системы, принадлежащие одновременно к двум пространствам деятельности личности – научной и инновационной, в то время как компоненты «инновации» и «творчество», хотя и взаимодействуют, принадлежат каждый к своему деятельностному пространству: инновации – в пространстве инновационной деятельности, творчество – в деятельности научной. Научная деятельность предполагает трансформацию материальных ресурсов посредством творческой деятельности в знания⁶. Е.Г. Наумова отмечает наличие сходных фаз процесса творчества в научной сфере и в искусстве (постановка научной проблемы и формирование замысла художника; поиск эмпирического материала ученым и накопление жизненных впечатлений художником; открытие, «инсайт», «вспышка», «озарение»; анализ и обоснование, доказательство научной гипотезы / композиционная разработка найденного сюжета, мелодии, изобразительного пластического мотива; апробация и реализация научного знания / демонстрация произведения искусства). Но если произведение искусства является непосредственным результатом творческих поисков, воздействующим на действительность, то воздействие результата научного познания носит опосредованный и фрагментарный характер⁷.

Т.В. Кузнецова вводит концепт «человекомирные отношения», благодаря чему ей удается достичь баланса между этими подходами, провести исследование специфики творчества человека как единства универсальных и индивидуальных смыслов бытия. В категории «творчество» происходит фиксация нового, принципиально отличного способа реализации универсальной креативной активности. Если взять за основу данную позицию, то мы увидим, что творчество представляет собой осознанную и смыслополагающую деятельность, и оно не может быть деструктивным. Творчество – это способ актуализации духовной состоятельности личности и гармонизации отношений человека с миром⁸.

Социологи обращают внимание на внешние условия развития творческого потенциала. В частности, речь идет о социальной среде, ее макро- и микровлиянии. Значимость социальной среды очень велика, поскольку она может как подавить, так и стимулировать процесс развития творческого начала. Кроме того, социологи обращают внимание на креативность как составляющий элемент творческого процесса. Современные реалии таковы, что рыночные отношения оказывают сильнейшее влияние на творчество.

Опираясь на опыт исследований структур творческой деятельности, мы предлагаем определить структуру творчества исходя из

того, какие задачи решаются на каждом этапе творчества – от осознания проблемной ситуации (противоречия) до ее разрешения.

Самая простая структура состоит из двух этапов – постановки проблемы (задачи) и ее решения. Однако при этом самое важное – структура решения в творчестве – никак полностью не определяется. Исследования показали, что существенным моментом творчества является нахождение идеи (принципа) решения проблемы, разработка ее и проверка, которая может быть и логической, и практической.

Таким образом, можно согласиться с выделением четырех основных этапов творчества. Первый этап – осознание, постановка, формулирование проблемы. Второй этап – нахождение принципа решения проблемы, нестандартной задачи (решающая гипотеза, идея изобретения, замысел художественного произведения). Третий этап – обоснование и развитие найденного принципа, его теоретическая, конструкторская и технологическая разработка, конкретизация и доказательство гипотезы (научное творчество) / конструкторская разработка идеи изобретения (техническое творчество) / развитие и разработка замысла (художественное творчество). Четвертый этап – практическая проверка гипотезы, практическая реализация изобретения, объективизация (выполнение) художественного произведения. Согласно нашему мнению, предложенная структура является универсальной. Она присуща и творчеству детей.

Исследователями выделяются следующие формы творчества: низшие, промежуточные и высшие. Низшая форма представлена творческой деятельностью, носящей трудовой, научный, технический характер. Средний уровень составляют инициаторы, результаты деятельности которых способствуют прогрессу отдельных отраслей. Верхний уровень содержит сравнительно немногочисленный слой новаторов, т. е. основоположников новых направлений духовно-теоретической или практической деятельности. Согласно этому подходу детское творчество находится на низшем уровне творчества, но при этом обладает большой субъективной ценностью.

Нам представляются важными попытки современных исследователей выделить социализирующее значение творчества.

Н.А. Ленская определяет творчество как важнейший элемент, сопутствующий интеграции личности в общество. Вместе с тем как социализационный фактор она рассматривает художественное творчество – составную часть целого воспитательно-образовательного комплекса, который связан с приобщением к художественной культуре⁹.

Исследователи выделяют следующие условия творческой деятельности.

К примеру, М.А. Кузнецова полагает, что реализация истинного творчества возможна, если оно является сотворчеством, объективацией духовной состоятельности личности. А личность должна обладать определенными характеристиками, чтобы заниматься истинной творческой деятельностью. К таким характеристикам относятся:

- 1) бытийно-ориентированное сознание, «укорененность в бытии»;
- 2) целостность человеческого бытия, мировоззрения;
- 3) уважение к тайне бытия;
- 4) актуализация в творческой деятельности важнейших экзистенциалов личностного бытия – воли, любви, ответственности;
- 5) открытость и обращенность к будущему;
- 6) ориентация на гармонизацию человекомирных отношений¹⁰.

Т.В. Лазутина в качестве основного условия творчества выделяет духовность как регулятор истинной социальной и творческой деятельности человека, особую форму человеческого самосознания и освоения социального опыта. Без духовности человек теряет возможность выбора правильного вектора развития. Духовная культура, ее высшие (абсолютные) ценности позволяют раскрыть специфику и динамику всей социальной жизни личности на разных этапах ее развития¹¹.

Если говорить о творчестве в раннем возрасте, то основными в обучении творчеству Т.В. Лазутина, М.А. Кузнецова, В.Д. Зимин, В. Кавера и многие другие исследователи считают следующие условия:

- физические (наличие материалов для творчества и возможности в любую минуту работать с ними);
- социально-экономические (создание взрослыми у ребенка чувства внешней безопасности, когда он знает, что его творческие проявления не получают отрицательной оценки взрослых);
- психологические (у ребенка формируется чувство внутренней безопасности, раскованности и свободы за счет поддержки взрослыми его творческих начинаний)¹².

Таким образом, для формирования творческого процесса важны поддержка родителей, внимание педагогов.

По итогам проведенного теоретического анализа нам представляются наиболее удачными следующие идеи.

- Истинное творчество всегда является сотворчеством, объективация духовной состоятельности личности осуществляется в твор-

ческой деятельности личности, а затем начинает представлять собой часть культуры всего человечества.

- Духовная культура является важнейшим регулятором истинной социальной и творческой деятельности человека, особой формой человеческого самосознания и освоения социального опыта.
- Внутренним источником социального творчества личности является несоответствие между ограниченными возможностями телесности, социальности и бесконечностью духа. Это обстоятельство побуждает личность вырабатывать в себе объективно значимые способности к созерцанию, внутреннему духовному сосредоточению.
- Сущность творческой личности раскрывается в обретении и реализации смысла жизни.
- Художественное творчество сейчас находится в процессе технологизации, художественно-публичное пространство постоянно расширяется, изменяются внутренняя структура художественного пространства и его внешние границы.
- Сохранение и развитие творческого потенциала как основы самовыражения личности позволит человеку достигать новых, более высоких уровней жизнедеятельности.
- Необходимо расширять диапазон инновационных педагогических технологий, направленных на развитие творческого начала личности ребенка; активно использовать методики эстетического и нравственного воспитания, продукты изобразительного творчества детей, являющиеся объективным индикатором настроения, мыслей ребенка, чтобы затем давать оценку его эмоционального состояния.

Анализ работ за последние десять лет показал, что именно детское творчество изучается в основном представителями педагогической и психологической науки. Прежде всего, детское творчество рассматривается в качестве педагогического целенаправленного явления. Но не все продукты деятельности детей, по мнению педагогов, могут быть названы творчеством. Здесь существуют определенные показатели. В первую очередь это показатели, характеризующие отношение самих детей к творчеству, а именно, увлеченность, способность быть в воображаемых обстоятельствах, условных ситуациях. В-вторых, показатели, являющиеся характеристикой качества способов творческих действий детей: быстрота реакции, находчивость при решении новых задач, использование различных вариантов, комбинирование знакомых элементов в новые сочетания, оригинальность способов действий. В-третьих, показатели качества продукции: отбор детьми характерных черт

жизненных явлений, персонажей, предметов и их отражение в рисунке, музыкальной игре, драматизации, в словесном, песенном и танцевальном творчестве, поиски художественных средств, удачно выражающих личное отношение детей и передающих замысел.

Т.А. Бороздина отмечает, что детское творчество играет большую роль в процессе самореализации личности и социокультурной реабилитации. Гармоничное развитие ребенка невозможно без создания вокруг него пространства, оказывающего воздействие как на сферу чувств, так и сферу разума. Детское творчество дает ребенку возможности для самосовершенствования и самореализации. Если к созданному продукту творчества проявляется интерес, то это способствует повышению самооценки и самопринятия у детей. Таким образом, детское творчество выступает в качестве средства адаптации и гармоничной деятельности в макросоциальной среде¹³.

Творчество и элементы арт-терапии выступают в качестве средства формирования саморегуляции у младших школьников в том случае, если соблюдаются определенные психолого-педагогические условия¹⁴. В.Д. Зимин, который занимался исследованием творчества детей-актеров, отмечает, что театр детей по закону синергетики может быть рассмотрен в качестве саморазвивающейся системы в историческом пространстве¹⁵.

Л.С. Андрусенко делает акцент на том, что детское творчество представляет собой особую художественно-мировоззренческую систему, отражающую специфику детского мировосприятия и закономерности его становления¹⁶.

Все исследователи сходятся во мнении, что феномен детского творчества не только может носить профессионально-ориентированный характер, но и решать задачи социально-культурного развития личности. Творчество может оказывать огромное положительное влияние на полноценное развитие личности ребенка.

Исследователи отмечают, что существует отличие детского творчества от взрослого. В первую очередь, ребенок не стремится к результату, он способен получать удовольствие от самого процесса. Детское творчество носит игровой характер, отсутствует заинтересованность в признании результата другими, оно происходит на эмоциональном уровне.

В основном исследователи занимаются изучением форм детского художественного творчества, хореографического и театрального, с использованием следующих методов: сравнительно-сопоставительный, моделирование, наблюдение, беседа, анкетирование, изучение продуктов деятельности, педагогический эксперимент.

Специалисты делают вывод о том, что детское творчество является достаточно распространенным явлением, кроме того, его возможно рассматривать в качестве: самооценной активности ребенка, оптимального способа организации эффективной составляющей личности ребенка; важнейшего условия его эмоционального благополучия и позитивного личностного развития, которое не только характеризует склонность к той или иной деятельности, но и представляет собой способ формирования личности ребенка; одного из универсальных компонентов познания мира, определяющих смысл бытия, непосредственное ощущение жизни (ее эмоциональной стороны), переживание, тренинг позитивных эмоций, помогающих гармоничному становлению человека в отношении «Я – Мир».

Таким образом, детское творчество чрезвычайно важно как для самих детей, так и для общества, поскольку оно способствует воспитанию гармоничных личностей, которые затем сделают общество лучше, духовнее.

На основе проведенного анализа считаем возможным дать авторское определение детского творчества в социологической интерпретации.

Детское творчество представляет собой одну из форм самостоятельной деятельности ребенка, связанной с экспериментами, созданием чего-то нового, с креативным началом. Одновременно оно является важнейшим социокультурным феноменом общества, способствующим социальному развитию личности ребенка и взаимодействию между поколениями.

Творчество детей является сотворчеством, объективация духовной состоятельности семейной и образовательной сфер осуществляется в творческой деятельности ребенка, а затем становится частью культуры всего человечества. Сохранение и развитие творческого потенциала как основы самовыражения детей позволяют социуму достигать новых, более высоких уровней жизнедеятельности.

Примечания

¹ Лазутина Т.В. Духовная основа социального творчества личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2010.

² Наумова Е.Г. Творчество и творческая личность в репрезентативной культуре современного общества: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2012.

³ Гагарина О.С. Творчество как сущностная характеристика личности: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

- ⁴ *Родина Е.Н.* Творчество как субъективный фактор социокультурных изменений: Дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2007.
- ⁵ *Беспалая О.П.* Художественное творчество как социальное явление: история и современное состояние проблемы: Дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2005.
- ⁶ *Загугин Д.С.* Культура технической творческой деятельности личности: стратегические направления, социальные технологии, модель формирования: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2012.
- ⁷ *Наумова Е.Г.* Указ. соч.
- ⁸ *Кузнецова М.А.* Творчество как атрибут человеческого бытия: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2012.
- ⁹ *Ленская Н.А.* Художественное творчество как фактор социализации в культурной политике Франции 90-х годов: Дис. ... канд. культурол. наук. М., 2007.
- ¹⁰ *Кузнецова М.А.* Указ. соч.
- ¹¹ *Лазутина Т.В.* Указ. соч.
- ¹² Там же; *Кавера В.А.* Детское художественное творчество как средство эмоционального развития ребенка: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005; *Кузнецова М.А.* Указ. соч.; *Зимин В.Д.* Тенденция развития театра детей как явления искусства: Дис. ... канд. искусствовед. М., 2005.
- ¹³ *Бороздина Т.А.* Художественное творчество в социуме ребенка: Дис. ... канд. культурол. Краснодар, 2007.
- ¹⁴ *Чернова С.А.* Художественное творчество как средство формирования саморегуляции у младших школьников: Дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2010.
- ¹⁵ *Зимин В.Д.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Андрусенко Л.С.* Детское хореографическое творчество в художественной культуре России XX – начала XXI в.: Дис. ... канд. искусствовед. СПб., 2008.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается понятие детского чтения, его проявление в современном российском обществе. Приводится авторское видение структуры детского чтения и существующих традиционных и новых читательских практик детей младшего школьного и дошкольного возраста.

Ключевые слова: детское чтение, практики детского чтения, социология детства, ранняя социализация.

Культурная ценность детского чтения задается, поддерживается и транслируется функционированием таких общественных институтов, как школа, библиотека, СМИ, выступающими, в свою очередь, агентами социализации с использованием таких вспомогательных средств, как учебники, развивающая литература и информационные источники любого другого вида.

Детское чтение как социализационный механизм – понятие, которое относится прежде всего к детям доподросткового возраста (от 0 до 11 лет), поскольку этот вид деятельности, в том числе и досуговой, имеет наибольший эффект в раннем возрасте в процессе первичной социализации, тогда как на более старших возрастных этапах доминируют иные формы деятельности¹.

Проводниками детского чтения являются вербально-визуальные артефакты: книги, специально изданные для детей; произведения, отобранные взрослыми для детского чтения. Структура детского чтения может быть представлена по сферам его применения: воспитательное чтение в семье, образовательное в школе и самообразовательное.

Интерес к книге у ребенка появляется уже в раннем дошкольном возрасте, психологические и педагогические исследования с детьми подтверждают, что чем раньше такой интерес появляется, тем своеобразнее, оригинальнее в ребенке вырастает читатель и,

как следствие, человек с высоким интеллектуальным потенциалом. Современные мамы, в свою очередь, активно занимающиеся воспитанием детей дошкольного возраста, приобщают детей к чтению с самых ранних лет (от нескольких месяцев до года), используя как традиционные книги, так и нововведения (книги на плотной основе, музыкальные, игровые).

Образование осуществляется преимущественно в школе и предполагает передачу определенных знаний, навыков, умений и реализуется как посредством учебников, пособий, так и через широкий круг публикаций просветительского и научно-популярного характера. В школе формирование личности происходит в ходе обучения по обязательной программе с использованием литературы для соответствующего класса. Научно-популярная литература для детей, являющаяся разновидностью научно-познавательной, дополняет учебную². Основной целью научно-познавательной литературы является пробуждение познавательного интереса читателей, расширение их кругозора и т. п.

В самообразовательном процессе все бóльшую роль приобретают специальная литература и специализированная периодика, развивающая литература, детские энциклопедии и пр. Самостоятельная, активная и творческая работа с книгой является необходимым звеном процесса развития личности. Самостоятельное обращение ребенка к чтению начинается, как правило, с позднего дошкольного возраста (6–7 лет), исходя из личного интереса, проявляющегося через посещение публичных библиотек, кружков, обсуждение прочитанного со сверстниками и т. п.

Структура детского чтения тесным образом связана с читательскими практиками современных детей.

Основной вклад в развитие теории практик внесли П. Бурдье, Э. Гидденс, Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, И. Гофман. В отечественной социологии эта проблематика представлена в работах В.В. Волкова, О.В. Хархордина, Н.Н. Козловой, Т.И. Заславской и других.

Читательские практики – это, по нашему мнению, принятые в культуре (традиционные/новые) способы и навыки обращения с книгами, иными печатными и электронными артефактами³. Читательские практики следует типологизировать по двум основаниям:

- по способам чтения (традиционные, новые);
- по степени автономности (управляемые/канализированные, самостоятельные/свободные).

Традиционные читательские практики подразумевают обращение в первую очередь к печатным источникам, традиционные

мотивы к чтению: обращение к соответствующим возрасту жанрам чтения, месту чтения (дом, школа, библиотека).

Обращение к новым типам литературы, появление иных мотивов к чтению, чем раньше, появление новых форм подачи информации для детей раннего дошкольного возраста – все это следует относить к новым практикам чтения, которые в современном обществе тесным образом связаны и с появлением новых технологий.

Автономность читательских практик является существенным свойством данного явления в современном обществе. Управляемые или, другими словами, канализированные практики чтения со стороны учителей, родителей, других руководителей детского чтения занимают определенное место в структуре чтения подрастающего поколения, в его образовательном и воспитательном направлениях. Управляемые практики осуществляются в первую очередь в рамках системы образования, а также в работе такого важного учреждения культуры, как библиотека.

Свободные практики детского чтения тесным образом связаны с процессом самообразования, сегодня так популярного у подрастающего поколения. Наблюдается самостоятельное обращение ребенка к тому или иному жанру литературы, выбор книг по определенной тематике, интересной ему «здесь и сейчас», активное использование интернет-коммуникаций, посещение сайтов, общение в блогах, на форумах, взаимодействия в рамках различных сообществ, связанных в той или иной степени с чтением, и т. д.

Практики чтения детей дошкольного возраста формируют к младшему школьному возрасту навык чтения, и в этом возрасте мы видим следующую картину по выбору отдельных типов литературы. Помимо учебной литературы младшие школьники чаще всего читают книги (62%), на втором месте – журналы (49%) и на третьем – энциклопедии (30%). Меньше 5% регулярно обращаются к другим видам текстов на различных носителях (газеты, комиксы, реклама, аудиокниги, тексты в Интернете)⁴.

Обратимся к данным о том, как часто и сколько книг читают современные российские младшие школьники. Больше половины младших школьников (60%) в среднем читают от одной до трех книг в месяц, а около трети (36%) успевают прочесть более трех книг за месяц, что для данного возраста достаточно много. Таких же детей, которые помимо учебной литературы вообще не читают никаких книг или другие источники информации, сегодня 4%⁵. Частота обращения младших школьников к чтению книг свидетельствует о том, что современные дети читают достаточно актив-

но для своего возраста, но остается открытым вопрос, какие книги читает подрастающее поколение.

Наибольшей популярностью у учащихся начальной школы пользуются книги о природе и животных (40%), приключения (30%), фантастика (20%), рассказы о путешествиях (20%), что отвечает традиционным интересам детей в младшем школьном возрасте. Четверть младших школьников обнаружили увлечение комиксами.

Треть детей в поиске интересующей книги в первую очередь обращаются в собственную домашнюю библиотеку, а 40% предпочитают брать книги в городской библиотеке (районной, областной, государственной). Именно библиотеки как источник получения качественной классической и современной литературы пользуются наибольшим спросом у данной возрастной группы. Таким образом, традиционные практики детского чтения остаются в числе популярных в дошкольном и младшем школьном возрасте, несмотря на активные процессы глобализации и информатизации.

Новый тип читательских практик – это электронное чтение (с экрана стационарного или переносного компьютера, другой современной техники). Чтение в Интернете онлайн и текстов, скачанных из Сети, становится все более популярно у младших школьников, они периодически просматривают сайты библиотек, книжных издательств, общаются на форумах и в блогах на тему книг.

Более половины младших школьников пользуются домашним Интернетом. Из тех, кто пользуется Интернетом, 33% нашли информацию о книгах в Сети, просматривают сайты детских библиотек 15% младших школьников, сайты книжных издательств посещают 5% детей, общаются на форумах, в блогах 2% учеников начальных классов. Дети указывали сайты библиотек областного масштаба, в которых на сегодняшний день хорошо налажена деятельность в Интернете, указывались сайты издательств «Стрекоза», «Самовар», «Самокат» и некоторых других⁶.

Что касается непосредственно чтения электронных текстов младшими школьниками, мы располагаем такими данными: 20% младших школьников читают книги из Интернета (11% читают книги непосредственно с экрана стационарного компьютера, 6% – распечатывают текст из Интернета на бумагу, букридеры используют 3% учащихся начальной школы)⁷. Младшие школьники постепенно переходят в электронное пространство, которое охватывает основные сферы жизнедеятельности всего общества.

Половина младших школьников воспроизводят читательские практики, канализируемые со стороны родителей, выбирая книги

по их совету, и по прочтении произведений обсуждают с родителями сюжет, главных героев и т. д. Чуть меньше половины младших школьников выбирали книги, которые рекомендовали им родители, читавшие их в своем детстве.

Треть младших школьников поддерживают управляемые практики, канализируемые со стороны учителей, признающих важность и необходимость процесса детского чтения. Такие практики, безусловно, полезны для понимания текстов и для последующей работы с ними. Сюда относится и ведение записей по прочитанному: 25% младших школьников делают это по просьбе учителей, читая в каникулы книги по школьной программе (30%), следуя советам учителей при выборе книг (12%).

Практики, управляемые со стороны библиотечарей – чтение по совету библиотекаря, обсуждение с ними своих интересов и предпочтений, любимых книг и пр., – пользуются популярностью у 15% младших школьников.

Таким образом, воспроизводство управляемых практик поддерживается различными социальными институтами (семья, школа, библиотека), что не дает этим практикам потерять свою актуальность даже при некотором их ослаблении в отдельных сферах.

Чтение книг в детской среде остается скорее женским занятием, так же как и во взрослом обществе. Мальчики читают меньше книг в месяц, чем девочки (среди мальчиков больше тех, кто читает меньше одной книги в месяц), и в два раза реже читают на каникулах. Девочки младшего школьного возраста больше включены в процесс воспроизводства управляемых практик, тогда как мальчики проявляют большую активность в осуществлении свободных практик детского чтения.

Мальчики больше предпочитают самообразовательное чтение, выбирая книги не по школьной программе. Девочки больше включены в процесс воспроизводства образовательных практик: это и чтение книг по школьной программе, и обсуждение книг с преподавателями, и следование советам учителей.

Новые практики детского чтения в образовании пользуются большей популярностью среди читающих девочек, мальчики же больше ориентированы на новые досуговые практики. Девочки в большей степени используют Интернет и электронные средства для чтения и образования, тогда как мальчики предпочитают развлекательные сайты.

В современном обществе наблюдается непротиворечивое развитие читательских практик: налицо совмещение традиций и новаторства. При этом следует особо отметить ценность чтения в

младшем школьном возрасте и некоторое падение его престижа в подростковом. Изменяющаяся социальная среда неизбежно ведет к изменению факторов, влияющих на чтение, но если вовремя улавливать эти изменения и направлять их в позитивное русло, тотального отказа от печатной продукции, как и от чтения, не будет. Интернет, занимающий важное место в общей структуре жизнедеятельности всего общества, в отношении младших школьников может использоваться в образовательных, воспитательных и самообразовательных целях, но с некоторыми ограничениями, и положительно влиять на развитие современного подрастающего поколения.

Примечания

- ¹ Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования. М., 2011. С. 69.
- ² Кутейникова Н.Е. Роль современной научно-познавательной литературы в становлении личности ребенка 6–8 лет // Дошкольник в пространстве детской литературы и детского чтения: Сб. статей по материалам научной конференции / Под ред. З.А. Гриценко. М.: МПГУ, 2007. С. 39.
- ³ Колосова Е.А. Указ. соч. С. 36–37.
- ⁴ Там же. С. 44. По результатам исследования «Юный читатель – 2010», проведенного в январе–сентябре 2010 г. в восьми федеральных округах Российской Федерации. Опрошено 1100 детей в возрасте 7–11 лет. Выборка целевая.
- ⁵ Новые читательские практики детей и подростков (по результатам исследований РГДБ) // Центрам чтения – 10 лет: юбилейная встреча в Михайловском: Сб. мат-лов IX Межрегионального фестиваля по продвижению книги и чтения «Осень в Михайловском», 12–14 сентября 2012 года / Мин-во культуры РФ [и др.]; сост. А.О. Тимофеева; отв. за вып. В.И. Павлова. Псков: Псковская областная типография, 2012. С. 79.
- ⁶ Колосова Е.А. Указ. соч. С. 83.
- ⁷ Там же.

КРИТЕРИИ ОТБОРА САЙТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье рассматриваются вопросы о качестве существующего в Интернете контента и его соответствии потребностям подростков. Особое внимание уделяется получению достоверной информации о рисках, существующих в Интернете, и тех местах, где они находятся, а также необходимости создания ясных критериев оценки степени опасности содержания тех или иных сайтов для детей.

Ключевые слова: Интернет, контент, веб-сайт, поведение, дети, подростки, онлайн.

В настоящее время Интернет настолько проник во все сферы жизни человека, что его роль в подростковой культуре не вызывает сомнений. На сегодняшний день уже невозможно встретить подростка, никогда не слышавшего об Интернете и не использовавшего для учебы, саморазвития, досуга и развлечений возможности, предоставляемые Всемирной паутиной. Современные подростки активно вливаются в новое информационное пространство. Это подтверждают данные опроса, проведенного фондом «Общественное мнение»¹ в 2008 г.: три четверти подростков (75,5%) входят в состав полугодовой аудитории Интернета, более половины (54,7%) – в состав месячной и 28,0% – в состав суточной. Эти данные показывают, что с развитием информационно-коммуникационных технологий современные подростки перемещаются в интернет-пространство. Таким образом, использование возможностей Интернета – мощной среды и инструмента для развития личности – приобретает особое значение.

В 2012 г. Общероссийская общественная детская организация «Лига юных журналистов» провела исследование «Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте разви-

© Губанова А.Ю., 2014

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-06-00831.

тия российского информационного пространства»². Результаты исследования показали, что число интернет-пользователей в период с 1998 по 2012 г. возросло в 4,5 раза (с 19,7 до 93,1%).

В настоящее время наблюдается изменение в досуговых практиках юных россиян: роль телевидения в жизни подростков стабильно снижается (на 20,5% за последние 14 лет), а на первое место выходит общение с друзьями (68,5%). Третью и четвертую позиции занимают компьютерные игры (47,3%) и обмен информацией по Интернету (46,7%). Это наглядно показывает, что информационное общение благодаря Сети возросло почти в четыре раза.

Среди широкого спектра возможностей для саморазвития, образования и обучения, самовыражения, общения, творчества и развлечения в Интернете существуют и определенные риски. В связи с этим важно получить достоверную информацию о том, что ищут в Интернете дети, а также иметь ясные критерии для оценки степени опасности содержания тех или иных сайтов для детей. Актуальным является вопрос и о качестве существующего в Интернете контента и его соответствии потребностям подростков.

Как показывает проведенный нами мониторинг иностранных публикаций, связанных с выработкой и внедрением принципов и критериев отбора качественных, «позитивных» сайтов для детей, подобные рекомендации разработаны многими международными, общественными и государственными организациями. Так, на сайте Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Framework Convention on Climate Change) приводится следующий перечень критериев, используемых для оценки веб-ресурсов³:

Критерий 1: Точность. Для определения степени надежности информации на сайте необходимо учесть следующие параметры:

– организация, предоставляющая хостинг для этого сайта: университет, правительство, профессиональные ассоциации, коммерческая организация, информационно-пропагандистская группа, издательство;

– наличие заявления о целях и целевой аудитории сайта;

– возможность проверки информации, размещенной на сайте, с помощью иных печатных и/или веб-источников.

Критерий 2: Авторитетность. Для определения авторства необходимо проверить наличие на сайте:

– страницы с информацией об авторе и иных лицах, добавлявших материалы на сайт;

– ссылки на всех страницах сайтов, где они необходимы;

– возможности связаться с владельцами сайта;

– наличие у авторов других веб-сайтов.

Также важно определить:

- тип сайта (образовательный, профессиональный, личный, пропагандистский, рекламный и т. п.);
- источники получения информации, размещенной на сайте (наличие печатной публикации у автора/сотрудника сайта).

Критерий 3: Объективность. Для определения степени объективности сайта необходимо проверить:

- размещаются ли реклама и информационное содержание одним и тем же лицом или организацией;
- тип информации: рекламная или соответствующая тематике сайта (многие веб-сайты с отличной информацией спонсируются коммерческими структурами или размещают рекламу для финансирования сайта).

Критерий 4: Частота обновлений. На частоту обновлений сайта указывают:

- последняя дата обновления;
- наличие неработающих ссылок на сайте (может быть признаком «заброшенной» страницы);
- частота появления новых ссылок на сайте.

Критерий 5: Сфера охвата. Сравнение информации на сайте с информацией, размещенной на других сайтах, – объем информации, а также с информацией, имеющейся в печатных источниках (книгах, журналах, отчетах и т. д.).

Как видно из этого списка, сайты предлагается оценивать по пяти критериям, каждый из которых включает в себя некоторое количество уточняющих параметров для оценки. На сайте Государственного университета штата Кент⁴ (США) студентам предлагается ознакомиться не только с критериями отбора качественных интернет-ресурсов, но также и заполнить специально разработанную форму оценки. Респондентам предлагается указать адрес, название сайта и дать краткое описание его содержания. В данную форму входят и все вышеперечисленные критерии с подпунктами, напротив которых предлагается вписать свое мнение в отношении соответствия сайта предложенным критериям и выставить рейтинг (от 1 до 5 баллов). В итоге подсчитывается общее количество выставленных за пять критериев баллов и выставляется оценка по следующей схеме:

- 5–9 баллов: плохо;
- 10–14 баллов: удовлетворительно;
- 15–19 баллов: хорошо;
- 20–25 баллов: отлично.

Также респондент может выставить свою персональную оценку сайта и написать, рекомендовал бы он данный сайт или нет (с указанием причины).

Данная форма представляется интересной и удобной для использования при анализе сайтов в Рунете, поскольку наглядно демонстрирует, по каким критериям сайт «неотягивает» до необходимого уровня, что позволит разработчикам ресурса в дальнейшем усовершенствовать его именно по этим показателям. Также преимуществом данной формы является достаточно высокая степень объективности, поскольку она предполагает оценку конкретных параметров, а не только субъективное мнение респондента или эксперта в отношении качества сайта. Представляется важным обратить внимание на присутствие в форме такого критерия, как «юзабилити» – «свойство продукции, при наличии которого установленный пользователь может применить продукцию в определенных условиях использования для достижения установленных целей с необходимой результативностью, эффективностью и удовлетворенностью»⁵. В данный критерий входят следующие подпункты:

- организация сайта логична и проста для использования;
- контент соответствует интересам целевой аудитории;
- в информации на сайте нет ошибок (орфография, пунктуация);
- легко идентифицировать ссылки на сайты ведомств или организаций;
- достоверность и общедоступность сайта;
- страницы сайта быстро загружаются.

В русском сегменте Интернета на протяжении многих лет данные правила игнорировались и постоянно нарушались. Многие из существующих ныне сайтов по-прежнему не соответствуют требованиям, предъявляемым к качественным интернет-ресурсам. Одной из возможных причин возникновения сложившейся ситуации является терминологическая путаница: в русском языке термин «юзабилити» оказался тесно связанным с другим, схожим по смыслу термином «эргономика». Однако от эргономики юзабилити отличается нацеленность на эффективность работы пользователя, а не на систему «человек–машина» в целом⁶.

- ¹ Опрос подростков в возрасте от 14 до 17 лет в 63 субъектах РФ. Размер выборки – 1085 респондентов.
- ² *Цымбаленко С., Шариков А., Майорова-Щеглова С., Макеев П.* Результаты социологического исследования «Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства». М., 2012 [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. URL: http://www.oprf.ru/files/dok2012/internet_deti26122012.doc (дата обращения: 10.07.2013).
- ³ Criteria Used in Evaluating Web Resources [Электронный ресурс] // United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: http://unfccc.int/essential_background/library/items/1420.php (дата обращения: 10.07.2013).
- ⁴ Kent State University [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kent.edu/> (дата обращения: 10.07.2013).
- ⁵ ГОСТ Р ИСО 9241–11–2010 «Эргономические требования к проведению офисных работ с использованием видеодисплейных терминалов (VDТ)». Ч. 11. Руководство по обеспечению пригодности использования. М., 2011 [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=168966> (дата обращения: 12.07.2013).
- ⁶ *Сергеев С.Ф.* Юзабилити-тестирование интерфейсов информационных систем в гуманитарных науках и искусстве. СПб., 2012. 86 с.

Молодежная политика как сфера воспроизводства имитации

В статье анализируются некоторые аспекты реализации государственной молодежной политики в современной России с позиции воспроизводства имитации. Автор исследует, каким образом проектно-программная деятельность органов по делам молодежи, молодежных общественных объединений, а также деятельность органов молодежного представительства (молодежные парламенты, системы самоуправления в учебных заведениях) способствует воспроизводству дискурсивных и деятельностных моделей имитации.

Ключевые слова: имитация, молодежная политика, воспроизводство имитации, проекты и программы деятельности, система молодежного представительства.

Проблема имитации как своеобразного стиля жизни, поднятая в статье Ж.Т. Тощенко¹, является, безусловно, актуальной, поскольку напрямую связана с будущим российского общества и государства.

Очевидно, что будущее отдельного человека, семьи, этоса зависит сегодня от их способности производить реальный продукт (материальный, духовный, интеллектуальный), позволяющий создавать условия для развития, изменения, улучшения качества жизни. Имитация, понимаемая как подделка, создает новый формат жизнедеятельности человека, когда реальная деятельность отходит на второй план, а вся человеческая активность направляется на воспроизводство неких нормативных правил, выступающих самоцелью деятельности.

Важно и то, что в российском обществе прослеживаются тенденции к упрощению жизни, снижению уровня проактивности, широкое распространение имитационных моделей поведения, когда на первое место выходит не результат деятельности и даже не сама деятельность, а демонстрация ее осуществления.

В условиях широкого распространения имитационных моделей жизнедеятельности и деятельности представляется важным определить те сферы, в рамках которых происходит воспроизводство имитации в России. Представляется, что одной из таких сфер является молодежная политика как особая сфера жизнедеятельности государства и общества, основной целью которой является передача социального опыта, при этом именно деятельностного опыта, что отличает ее от государственной системы образования.

Одним из важнейших направлений государственной молодежной политики является поиск и развитие новой когорты политической, культурной элиты страны, транслирование молодому поколению эффективных практик управления развитием общества. Думается, что именно в ситуации взаимодействия нынешней элиты и элиты будущей происходит транслирование имитационных практик.

Квазипроектирование и квазипрограммирование деятельности как условие воспроизводства имитации

Жизнедеятельность современного социально активного молодого человека дискурсивно структурируется такими понятиями, как «проект», «проектная деятельность», «социальное проектирование», «программа деятельности» и т. д. Форматирование любой деятельности в проектно-программной парадигме является сегодня мировым стандартом, позволяющим достигать целей в оптимальные сроки и с наименьшими затратами. Усвоение практик проектирования и программирования деятельности молодыми людьми происходит в ситуации потребления проектов и программ, циркулирующих в том числе в сфере молодежной политики.

Представляя собой огромный технологический потенциал по изменению жизнедеятельности общества в целом и молодого поколения в частности, в современных условиях проектно-программный подход приобрел черты квазипроектирования и квазипрограммирования. Начало программному этапу в реализации государственной молодежной политики было положено разработкой и утверждением в 1994 г. федеральной программы «Молодежь России»². В течение нескольких лет технология программирования в молодежной сфере была освоена и региональными органами по делам молодежи.

Контент-анализ региональных программ (как комплексных, так и по отдельным направлениям) позволяет констатировать тот факт, что практически все они представляют собой не системную модель оптимизации транзита провинциальной молодежи того или иного региона, а скорее набор отдельных направлений, маркируе-

мых в программном документе серией не связанных друг с другом мероприятий. Другими словами, документы, которые должны описывать механизмы решения той или иной социальной проблемы в молодежной среде, в большинстве случаев представляют собой «подделку» социального проекта, его имитацию. Попытаемся на основе анализа выделить те имитационные элементы, которые переходят из одного проекта в другой, интериоризируются и воспроизводятся молодыми лидерами.

1. *Фантомное целеполагание.* Применяя к целям и задачам молодежных проектов и программ так называемые смарт-критерии³, можно констатировать тот факт, что практически ни в одном из документов обозначенные цели деятельности не выдерживают проверки на конкретность, точность и т. д. Размытость целеполагания, неопределенность конечных результатов деятельности создают условия для нерешенности молодежных проблем, имитации деятельности по их устранению.

2. *Дискретность описания деятельности.* Анализ молодежных региональных программ демонстрирует, что работа с молодым поколением не носит постоянного характера. Используя методологические и метафорические послылки концепции И. Гофмана⁴, можно констатировать, что молодежная политика – это сценическая жизнь, своеобразная игра, правила которой известны и оговорены заранее, в то время как за кулисами начинается настоящая «искренняя» жизнь молодого поколения.

Кроме того, важнейшим проявлением дискретности деятельности является ее акционно-мероприятийный характер. Многие проекты и программы по решению тех или иных проблем молодежи не носят непрерывного характера, траектория их движения выстраивается от одного мероприятия (акции) к другому. При этом зачастую эти мероприятия в содержательном плане не связаны друг с другом.

3. *Деформированность критериев оценки эффективности деятельности.* Существование данной практики тесно связано с фантомным целеполаганием. Потребность в разработке четких и легко идентифицируемых индикаторов, позволяющих замерить эффективность той или иной деятельности, усиливается среди политической элиты. Именно это обстоятельство, по всей видимости, привело к трансформации в региональных молодежных программах блока, связанного с оценкой эффективности своей программной деятельности. Если до начала 2000-х годов этот блок ограничивался абстрактными формулировками, то сегодня все больше молодежных программ используют количественные индикаторы,

которые могут быть достаточно легко измеряемы. Исследование широкого спектра молодежных проектов и программ, циркулирующих в пространстве реализации молодежной политики, демонстрирует тот факт, что в 90% в качестве критериев эффективности деятельности используются количественные показатели участия в том или ином мероприятии. Отсюда возникает четкая установка на имитацию деятельности, ведь если важны количество участников того или иного мероприятия или акции, «общая картинка», которая и будет оцениваться, то, безусловно, собственное содержание деятельности отходит на второй план.

Таким образом, стоит говорить о том, что потенциал проектно-программного подхода практически полностью нивелируется деструктивными практиками, распространенными в среде чиновников региональных органов по делам молодежи. Еще одним подтверждением того, что региональная молодежная программа рассматривается не как механизм решения конкретных проблем молодежи и оптимизации ее транзита, а как инструмент аккумуляции бюджетных средств (и значит фактически имитация), является то, что в некоторых регионах программы разных лет представляют собой абсолютно идентичные тексты (за исключением денежных сумм, выделяемых на мероприятия, и дат). Другими словами, разработчики программы не воспринимают процесс разработки программного документа как механизм исследования и решения молодежных проблем.

Паттерны имитационного проектирования и программирования деятельности практически не рефлексированы работниками молодежной сферы, социальными педагогами и соответственно транслируются в процессе взаимодействия в молодежную среду, где интериоризируются и становятся частью сознания молодого поколения. Возникает циклический процесс воспроизводства практик неэффективного целеполагания, который пронизывает все сферы жизнедеятельности российского общества. Представляется, что именно из такого микроуровня имитации деятельности «вырастает» одна из ключевых макропричин имитации – «отсутствие четко очерченной стратегической цели»⁵ на уровне российского государства и общества.

Одной из причин существования имитации является отсутствие в государстве эффективных лидеров и руководителей, способных взять ответственность за будущее страны⁶. Сегодня в России существуют отдельные площадки «производства» будущих лидеров. В данном случае речь идет о широком развитии системы студенческого самоуправления, разнообразных систем молодежного

представительства (молодежные парламенты, молодежные думы и т. д.), а также о партийных проектах подготовки политической элиты. Обратимся к анализу первой формы, определив механизмы воспроизводства имитационных практик в среде социально активной молодежи.

Система молодежного представительства как «площадка для производства» лидеров-имитаторов

Система молодежного представительства в современной России включает в себя два основных уровня. Во-первых, это *система самоуправления российских учебных заведений*. В современных российских школе, ссузе и вузе по-прежнему сохраняются практики развития молодежного самоуправления, в основе которых лежит опыт пионерской организации. Анализ региональных форм школьного и вузовского самоуправления позволяет выделить две доминирующие модели реализации деятельности по включению подростков и молодежи в процессы управления учебным заведением. Первая – *модель явной имитации самоуправления*. В ее основе лежит создание системы псевдопредставительства школьников и студентов, основная деятельность которых сводится к организации и проведению школьных внеучебных мероприятий. Важность подобной формы участия молодежи во внеучебной деятельности не вызывает сомнений, но вряд ли ее можно рассматривать как реальный механизм участия в управлении жизнедеятельностью учебного заведения. Более того, исследование школьной и вузовской систем самоуправления в Костромской области позволяет констатировать, что школьники даже не участвуют в разработке ежегодного набора внеучебных мероприятий, который предъядвляется им администрацией школы как данность. В этой ситуации функция участия подростков сводится к включению в организацию разработанных администрацией школ мероприятий, акций и т. д.

Проведенные глубинные интервью демонстрируют устойчивое негативное отношение к таким формам развития активности и инициативности студенческой молодежи. Приведем выдержку из одного интервью, подтверждающую нашу позицию.

Интервьюер: Скажите, был ли у Вас опыт участия в деятельности органов студенческого самоуправления?

Информант (мужчина, 19 лет, Санкт-Петербург): Я хотел... Я сходил один раз на студенческий совет, но, насколько я понял и насколько там все было объяснено, все это задумывалось как *имитация, имитация какой-то студенческой условной демократии...* ну, в итоге... администрация, они хотят имитации вот этой деятельности. Не хотят давать никаких полномочий, во-первых, во-вторых,

они хотят сваливать очень много работы на студенческий совет, той работы, которую они, в общем, сами должны делать... Поэтому я ушел, ну не стал туда ходить...

Вторая модель – *самоуправление как долговременная игра (латентная имитация)*. Речь идет о создании системы, моделирующей демократическую практику участия граждан в разработке и реализации управленческих решений органами государственной и муниципальной власти. В учебном заведении создаются структуры, имитирующие работу представительных, законодательных и исполнительных органов государственной и муниципальной власти. В большинстве случаев подобная модель имитирует деятельность государства или нескольких государств со своими правительством, парламентом, политическими партиями, общественными объединениями и т. д. В большинстве случаев элементами данной модели являются следующие:

- игровое моделирование системы разделения власти в государстве;
- система выборов на разнообразные выборные должности в рамках игровой модели;
- моделирование межсекторного взаимодействия между государством и общественными институтами, а также СМИ;
- разработка и реализация разнообразных проектов и программ в контексте смыслов и целей игровой модели.

Указанная модель может стать важным элементом развития гражданской и социальной активности подростков и молодежи при условии, что сконструированная реальность воспринимается взрослыми как пространство освоения учащимися реальных гражданских практик. Если же долговременная игра рассматривается лишь как форма, без реального игрового содержания, то в этом случае ее социализирующий потенциал практически равен нулю.

Во-вторых, *система молодежного парламентаризма*, которая активно внедряется сегодня на региональном уровне и рассматривается как наиболее действенный механизм гражданского и социального включения молодого поколения в жизнедеятельность государства и общества.

Анализ региональных особенностей формирования молодежных парламентских структур позволяет выделить три основные формы их создания. Первая, наиболее конструктивная форма базируется на законодательном оформлении практики работы по развитию молодежного представительства. Речь идет о внесении специальных статей в региональное законодательство, регламентирующее реализацию молодежной политики на территории субъ-

екта РФ. Вторая форма – создание молодежных парламентских структур по решению отдельных должностных лиц (губернатор, мэр города, председатель регионального законодательного органа власти). В такой ситуации легитимность молодежной парламентской структуры напрямую зависит от отношения к этому проекту «первых лиц» региона. Это снижает эффективность развития системы молодежного представительства на уровне отдельного региона. Третий вариант создания молодежной парламентской структуры базируется на разработке и принятии специальной целевой региональной программы, регламентирующей деятельность структуры молодежного представительства. Полагаем, что и этот вариант не является оптимальным, поскольку формирует зависимость существования молодежного парламента от намерений и субъективных оценок региональной власти. Оптимальным представляется нормативное закрепление деятельности молодежной парламентской структуры через внесение специализированных статей в региональные законодательные акты, касающиеся реализации молодежной политики.

Несмотря на достаточный оптимизм со стороны политической общественности относительно развития молодежного парламентаризма, а также на действительный рост молодежных парламентских структур в регионах РФ, необходимо выделить те дисфункции, которые присутствуют в процессе институционализации системы молодежного представительства и, более того, оказывают весомое влияние на воспроизводство имитационных практик молодежи. Анализ нормативно-правовых актов, программ, регламентов работы региональных молодежных парламентских структур позволяет выделить некоторые факторы, способствующие их воспроизводству.

1. *Отсутствие политического доверия молодежным парламентским структурам со стороны региональных органов власти.* Большинство региональных молодежных парламентских структур определяются региональной властью как «совещательно-консультативный орган». Этот термин резко ограничивает компетенцию молодежного парламента, сводя его деятельность к участию в обсуждении значимых региональных вопросов. Но, как показывает серия экспертных интервью с участниками Молодежного правительства Костромской области, подобные обсуждения носят характер «своеобразной игры, сценарий которой заранее прописан». Таким образом, участие молодежи в разработке и принятии решения имитируется путем создания ситуации псевдообсуждения того или иного вопроса. Подобная практика псевдообсуждения реше-

ния проблемы широко распространена и в учебных заведениях в системе ученического и студенческого самоуправления. Категория «игры в политику» воспроизводится и в официальном государственном дискурсе, а также в практике функционирования отдельных регионов. Так, бывший председатель ЦИК РФ А.А. Вешняков, выступая на проведенном в 2002 г. ЦИК РФ вместе с Избирательной комиссией Архангельской области при содействии администрации Архангельской области межрегиональном семинаре-совещании, посвященном вопросам участия молодежи в избирательном процессе, сказал: «Я разделяю точку зрения тех, кто считает, что молодежный парламент – это не только *модель выборов*, не только возможность получить навыки участия в избирательном процессе, *не игрушечном, а почти настоящем*, на основе действующего избирательного законодательства. Если молодежный парламент после выборов, через полгода или через несколько месяцев, прекратит свое существование, то все поймут, что это всего лишь несерьезная игра. Поэтому нужно находить предметный контакт с органами власти, которые должны поддерживать такого рода начинания и взять на себя нелегкую ношу – работать с молодежью в этом парламенте»⁷.

Определение молодежного парламента как «почти настоящего» прослеживается в большинстве нормативно-правовых актов и публичных выступлениях региональных чиновников. Данное обстоятельство напрямую связано с отсутствием политического доверия к молодому поколению, готовности к реальному включению его в процессы развития регионов и муниципальных образований РФ. Важнейшим практическим подтверждением этого тезиса является анализ региональных стратегий социально-экономического развития. Ни в одной региональной стратегии (программе) нет указания на необходимость и возможность включения молодого поколения в стратегические процессы развития субъекта РФ. Игра в молодежный парламентаризм ведет к рассогласованию дискурсивного и практического сознания молодого поколения и к еще большему недоверию по отношению к системе государственной власти, воспроизводству имитации.

2. *Неадекватная локализация молодежных парламентских структур.* Данный фактор является одной из причин имитационного характера деятельности молодежных парламентов. Российская практика в отличие от основного пафоса Европейской хартии об участии молодежи в общественной жизни на муниципальном и региональном уровнях основной упор делает на создание именно региональных молодежных парламентских структур, в то вре-

мя как европейский опыт базируется на идее создания структур молодежного представительства на уровне небольших местных сообществ. Уровень проблем российских регионов достаточно высок, сложен и требует серьезного проникновения в сущность социально-экономического положения конкретного субъекта РФ. Сама система функционирования регионального молодежного парламентаризма строится на принципах «общественных работ» и предполагает совмещение ее с обучением или работой. В такой ситуации погружение в изучение всей полноты региональных проблем становится для молодого парламентария затруднительным. Решением сложившейся ситуации могло бы стать «перенесение» системы молодежного представительства на уровень местных сообществ, где актуализируемые проблемы менее масштабны, легко обозримы и частично решаемы при высокой степени социальной активности граждан, а главное, результат решения и конкретной деятельности можно видеть непосредственно, что снижает имитационность деятельности.

3. *Трансформация социальной и гражданской активности молодежи в бюрократическую.* Политическое недоверие региональной власти к молодым парламентариям ведет к трансформации смыслов пребывания их в указанных структурах. Невозможность в большинстве случаев реализовать свой социальный и гражданский потенциал ведет к ситуации, когда на первое место выходит потребность получить место в региональном органе власти. Это еще более снижает собственно гражданскую активность и формирует у молодых парламентариев адаптационные практики чиновников, построенные на механизмах успешного взаимодействия с руководством, демонстрации лояльности, имитации продуктивной деятельности. Данное обстоятельство не только снимает вопрос об эффективности молодежного парламента как инструмента социальной интеграции молодого поколения, но даже не позволяет говорить о формировании нового поколения инновационных управленцев.

Современная Россия остро нуждается в инновационных менеджерах и лидерах, способных интенсифицировать развитие страны. При этом значительная часть будущей российской элиты реализует свою социальную активность в рамках локальностей, созданных системой государственной молодежной политики. Серия наших исследований демонстрирует, что современная молодежная политика российского государства недостаточно эффективна. Непреднамеренным последствием ее реализации является воспроизводство имитационных дискурсивных и деятельностных практик. Как

отмечается в исследовании Ж.Т. Тощенко, имитация становится сегодня повсеместно распространенной практикой, заменяющей реальную продуктивную деятельность и создающей пространство для все более широкого производства подделок как в социокультурной, так и в экономической деятельности. Наше исследование демонстрирует, что определенная часть имитационных практик воспроизводится в процессе реализации молодежной политики, что особенно характерно для российских регионов.

В этой ситуации необходимы пересмотр методологических, аксиологических, технологических оснований государственной молодежной политики в современной России, поиск новых моделей ее реализации и новых социальных технологий, позволяющих разрушить циклы воспроизводства имитации в российском обществе.

Примечания

¹ Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 22–36.

² Указ Президента РФ от 15.09.1994 г. № 1922 «О федеральной программе “Молодежь России”» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 22. Ст. 2459.

³ Фрейдина Е.В. Исследование систем управления: Учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2008. 351 с.

⁴ Goffman E. Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1986. 278 p.

⁵ Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 24.

⁶ Там же.

⁷ Вешняков А.А. Заключительное слово (Вестник избирательной комиссии Архангельской области. 2002. № 1 (7)) [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Архангельской области. URL: http://www.arkhangelsk.izbirkom.ru/etc/vestnik_2002_n1_7_.pdf (дата обращения: 01.06.2013).

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В статье уделяется внимание состоянию толерантности современной студенческой молодежи. На основе результатов исследований, проведенных среди студентов высших учебных заведений, анализируется состояние межэтнических отношений среди молодежи.

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, межэтнические отношения, толерантность, интолерантность.

Молодежь представляет собой «социально-демографическую группу, находящуюся в процессе становления и развития социальной, психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособленную к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям»¹ 14–30 лет². Это период, когда развиваются критичность мышления, стремление дать собственную оценку происходящему, самосознание и мировоззрение. Недостаточная включенность молодых людей в систему общественных отношений, сохранение установок и стереотипов предшествующего возраста создают в поведении молодежи сочетания противоречивых черт и качеств: тяготение к идентификации и обособлению, конформизм и негативизм, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к обобщению и уход, отрешенность от внешнего мира³.

Студенческая среда является интенсивным местом межэтнического взаимодействия, где зачастую формируются этнические установки и стереотипы молодежи. Высшие учебные заведения представляют собой гетерогенную среду, позволяющую получить личный опыт межэтнического общения. Определенную роль играет и внешняя среда с нестабильностью межнациональных отношений в стране, что также оказывает воздействие на межэтнические установки студенческой молодежи.

Левада-Центром в 2011 г. было проведено исследование «Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения», в 2008 г. – «Молодежь России». Согласно данным исследований конфликтность и межэтническая напряженность, ксенофобские и националистические настроения в обществе сохраняются. Молодежь скептически относится к деятельности органов власти по предупреждению конфликтов между людьми разных национальностей. От 20 до 30% студентов не удовлетворены мерами, принимаемыми государством по реализации некоторых аспектов национальной политики⁴. Число молодежи, положительно относящейся к людям другой национальности, составляет 49,4%. Высок и уровень относящихся «без особого интереса» – 36,9%, а неприязненное отношение высказывают 5,6%⁵. 62,2% молодых людей отметили, что в их группе есть студенты разных национальностей. Часть молодежи отрицательно относится к приезду в город для обучения молодых людей с Северного Кавказа из Закавказья (24,9%). 12,1% заявили об отрицательном отношении к приезду на обучение в Россию выходцев из стран Африки и Юго-Восточной Азии⁶. По словам экспертов, преобладание негативного отношения к представителям кавказских этнических групп вызвано их «манифестным» поведением (манерой вести себя в общественных местах, неуважением к традициям, обычаям местного населения).

Отвечая на вопрос «имеет ли значение национальность человека при знакомстве с ним», ответы «скорее не имеет» и «совсем не имеет» выбрали 57,5%, «да, имеет» и «скорее имеет» отметили 39,0% студентов⁷.

Больше половины отвечавших (57,1%) не сталкивались с недоброжелательным отношением к себе представителей других национальностей. Тем не менее конфликтные случаи все же отмечены респондентами, поскольку варианты «да, часто», «иногда» и «крайне редко» выбрали в совокупности 39,3% опрошенных⁸. Кроме того, 23,6% опрошенных вступали в конфликтные отношения. При этом молодые люди русской национальности вступали в конфликт с людьми, приехавшими на заработки, а представители нерусских национальностей чаще конфликтовали со студентами⁹.

Толерантное утверждение «Россия – общий дом для всех ее народов» получило одобрение у 56,2% студентов. Однако интолерантное суждение «Россия – для русских» получило поддержку почти трети опрошенных (30,2%). 33,0% выбравших такое суждение принадлежат к представителям студентов русской национальности¹⁰. Формирование толерантных/интолерантных установок

студентов связано с совокупностью объективных и субъективных факторов, а также организацией учебно-воспитательного процесса. К объективным факторам относят: социально-политические, религиозно-культурные, экономические, демографические процессы, состояние образовательной среды и т. д. К субъективным факторам можно отнести конкретные параметры личности: ценностные ориентации, интересы, убеждения, стереотипы, установки, общую культуру, образованность и т. д. Так, образованные молодые люди заметно выше оценивают свои возможности влиять на ситуацию через акции протеста, общественные организации, гражданские инициативы. Более образованная молодежь чаще видит в формах общественной самоорганизации именно протестную составляющую. Так полагают каждый третий с высшим образованием и вдвое меньше (18%) респондентов с неполным средним¹¹. Учитывая современные реалии, большего внимания заслуживают именно объективные факторы, такие как миграционные процессы, публичная политика, СМИ.

Межэтническая толерантность проявляется в поступках, но формируется в сфере сознания и тесно связана с этнической идентичностью. Все виды гиперидентичности повышают уровень интолерантности в межэтнических установках. Не этническое самосознание вообще, а его гиперболизация (эгоцентризм, этноэгоизм и т. п.) отрицательно влияет на толерантность. Перерастание этнического самосознания в гиперидентичность и рост интолерантных установок связаны не только с процессами в психической сфере, но и в сферах социальной, экономической, политической жизни¹².

Политические действия влияют на развитие межэтнических отношений, выступая в роли образца для поведения. Все чаще отмечается, что националистические лозунги «За русских!», «Русские, жестче взгляд!», «Русские, хватит молчать!» используют именно политические деятели в своих публичных выступлениях, предвыборной риторике, программах и т. д. Манипулирование и навязывание определенных точек зрения приводят к национализму и ксенофобии. Проявления ксенофобии могут носить как совершенно безобидный характер – стереотипы и предрассудки в отношении определенных групп, так и являться серьезными преступлениями, связанными с проявлением агрессии и насилия¹³.

Являясь наиболее конфликтогенной, молодежь выступает как благодатная аудитория для любой пропаганды. Современная российская молодежь следит за политикой не меньше, чем старшие поколения, используя больше альтернативных источников информации за счет Интернета¹⁴. В последнее время наблюдается увели-

чение гражданской ответственности. Например, по данным опроса «Кого Вы считаете потенциальными сторонниками протестного движения?», больше половины респондентов отдали приоритет именно молодым людям (53%), оставляя позади интеллигенцию (45%), а также и представителей науки, культуры, религиозной общности (40%)¹⁵.

Важным фактором в формировании толерантных/интолерантных представлений молодого поколения являются СМИ. 57,2% студентов проявляют интерес к различным телевизионным передачам, а также к публикациям в СМИ, связанным с межнациональными отношениями.

Информация может быть направлена как на принятие и толерантное поведение, так и на неуважение и неприятие других национальностей, вызывая этнические и расовые предубеждения, этноцентрические взгляды, ксенофобские и шовинистические настроения. Студенты, которые сталкивались в СМИ с информацией скандального характера в сфере межэтнических отношений, в два раза чаще оценивают возможность массовых проявлений конфликтов по сравнению со студентами, не владеющими такой информацией. Молодые люди выразили мнение о необходимости определенного контроля над СМИ в отношении публикаций межэтнического, межнационального характера: 64,2% против 23,5% считающих, что контроль не нужен¹⁶.

Таким образом, проблема межэтнических отношений очевидна и требует принятия действенных мер. Помимо формирования общегражданского национального самосознания и толерантной позиции в отношении других национальностей, необходима молодежная и национальная политика, учитывающая современную российскую реальность и особенности межэтнических отношений современной молодежи.

Примечания

¹ Бобосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 265.

² Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 г. № 1760-р «О стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 3). Ст. 5622.

³ Сергеев Р.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа (Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-studenchestvo-kak-sotsialnye-gruppy-i-obekt-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 21.09.2013). С. 3.

- ⁴ Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения: Сб. мат-лов по результатам социологического исследования / Под общ. ред. А.В. Журавского. М., 2008. [Электронный ресурс] // Министерство регионального развития Российской Федерации. URL: http://www.min-region.ru/upload/04_dmo/national_policy/handbook/Studenchestvo.pdf (дата обращения: 23.09.2013). С. 37–38.
- ⁵ Там же. С. 31.
- ⁶ Там же. С. 35.
- ⁷ Там же. С. 28–29.
- ⁸ Там же. С. 32–33.
- ⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁰ Там же. С. 26–27.
- ¹¹ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/books/molodezh-rossii> (дата обращения: 20.09.2013). С. 58–60.
- ¹² *Арутюнян Ю.В.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 208.
- ¹³ Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / А. Козлов и др. М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. С. 11.
- ¹⁴ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ Опрос на «Марше миллионов» в Москве 15 сентября // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/17-09-2012/opros-na-marshe-millionov-v-moskve-15-sentyabrya> (дата обращения: 25.09.2013).
- ¹⁶ Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России... С. 40–43.

СПОРТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ

В данной статье рассмотрен феномен спортивной социализации. Автор, опираясь на теорию социального конструирования реальности, описывает вхождение спортсмена в новое социальное пространство, освоение им норм и ценностей спортивного зала. Проанализированы основные механизмы спортивной социализации, выделены и описаны главные из них. Разведены понятия первичной и вторичной социализации. На примере конкретного вида спорта, а именно бокса, показан механизм взаимодействия новичка с тренером и спортивным коллективом. В заключение автор предлагает определение и понимание феномена спортивной социализации.

Ключевые слова: спортивная социализация, спорт, бокс, вторичная социализация, социальное пространство.

Процесс социализации позволяет осуществить передачу социального опыта от индивида к индивиду, обеспечивая нормальное функционирование социальных ролей, ценностей, норм, которые обеспечивают возможность существования самого общества.

Социологическая наука разработала целый комплекс теорий, стремящихся объяснить данный феномен, описать его механизмы и стадии. Но феномену спортивной социализации в научной литературе отводится скромное место. Хотя, будучи одним из частных примеров социализации, спортивная социализация и спорт являются моделью человеческих отношений, наиболее приближенной к реальной жизни.

Социологические исследования показали, что спорт в большей мере, чем другие виды деятельности, является носителем специфических общественных отношений, так как в этой системе, как и в обществе в целом, можно различить агентов социализации, специфические модели поведения и социальные взаимодействия¹.

Делая попытку описать феномен спортивной социализации, разобраться в ее особенностях и механизмах, мы опираемся на два подхода к пониманию социализации – символический интеракционизм Дж. Мида и социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана.

Дж. Мид разработал концепцию, объясняющую восприятие человека человеком. Он предложил теорию «обобщенного другого». «Обобщенный другой» несет некие нормы и ценности социальной группы, взаимодействие с ним приводит к социальному обмену. Согласно Дж. Миду человек, взаимодействуя в группе с другими людьми, как бы «встает на их место» и видит себя со стороны, оценивает себя в соответствии с представлениями «обобщенного другого»².

Естественным типом поведения, в результате которого человек овладевает системой значений данного общества и осознает себя, является ролевая игра. Игру Дж. Мид разделил на два уровня – «play» и «game», соответствующие двум основным этапам социализации ребенка и развития его самосознания. Первый этап соответствует начальной стадии социализации, когда ребенок взаимодействует с ограниченным кругом людей и повторяет или имитирует действие окружающих («играет в них», «берет роль других людей»). На втором этапе ребенок уже не беспорядочно принимает роли других людей, а делает это по системе, в зависимости от ситуации, «играет по правилам» («game»).

В спорте (за исключением интеллектуальных видов спорта) понимание часто является «телесным». Тренер может сказать «смотри и делай, как я»³, и это является наиболее эффективным методом обучения. Основным механизмом научения в спорте является подражание.

По мере вхождения ребенка в спортивную секцию его отношения с тренерами, со сверстниками, партнерами по команде приходят в определенную систему. Теперь он не беспорядочно принимает роли других, переходит от одной роли к другой, но делает это по системе, по определенным правилам игры. Точность, эффективность действия в своей роли (начинающий спортсмен) предполагает знание других ролей (тренер, другой начинающий спортсмен, опытный спортсмен, спортсмен-разрядник и т. п.) и значение отношений между другими ролями (например, ролевое взаимодействие «тренер–спортсмен») участников игры.

Игра, в понимании Дж. Мида, – это не только механизм овладения социальными отношениями, но и модель социального взаимодействия индивидов в группе.

Перейдем к рассмотрению спортивной социализации сквозь призму социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Вслед за этими авторами мы склонны определять социализацию как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть». Первичная социализация позволяет войти индивиду в общество, вторичную же социализацию они определяют как «каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества»⁴.

Первичная социализация является наиболее важной для индивида, и основная структура любой вторичной социализации будет сходна со структурой первичной социализации. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что при первичной социализации нет никаких проблем с идентификацией, поскольку нет выбора значимых других. Ведь, как говорилось ранее, значимыми другими обычно являются родители или те, кто занимает место родителей. В детском возрасте общество само предоставляет некую совокупность значимых других, которых ребенок вынужден принять. Во вторичной же социализации, во-первых, ее агентами могут выступать большее количество людей, во-вторых, индивид оказывается в ситуации пусть небольшого, но выбора.

Во время первичной социализации ребенок «интернализует мир своих значимых других не как один из многих возможных миров, а как единственно существующий и единственно мыслимый»⁵, тогда как во время вторичной социализации перед индивидом открывается n -количество миров (работа, учебный, спортивный коллектив).

Мир, интернализируемый в процессе первичной социализации, гораздо прочнее укоренен в сознании, чем миры, интернализируемые в процессе вторичной социализации. Ведь в процессе первичной социализации конструируется основной, главный мир индивида, на который будет идти опора во вторичной социализации.

Первичная социализация предполагает знакомство с социально предопределенным ходом событий. «В возрасте А ребенок должен изучать X, в возрасте В он должен изучать Y, и так далее. Каждая такая программа в той или иной степени содержит социальное признание биологического роста и дифференциации»⁶.

П. Бергер и Т. Лукман считают, что первичная социализация завершается, когда «в сознании индивида укоренено понятие обобщенного другого и все, что его сопровождает». С этого момента индивид становится полноправным членом общества. Но на этом

процесс не заканчивается: «Социализация никогда не бывает полной и никогда не завершается...»⁷

Этот же факт отмечает А. Ковалева: «...ее (социализации) результат практически никогда не достигает идеала, как на социальном, так и на личностном уровне, а само общество, его социальные институты и организации не реализуют сполна свои социализационные функции»⁸.

Л. Апциаури пишет: «Мы знаем, что социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост, а результат социализации – положительное социальное обучение и образование. Но не надо забывать, что она не всегда бывает успешной. Более того, результат почти всегда имеет отклонение, выражающееся в отрицательном поведении. А спортивный фактор в силу своей специфичности как социальный институт сглаживает и облегчает процесс отклоняющейся социализации»⁹.

Говоря о спортивной сфере, мы говорим о вторичной социализации.

Говоря о механизмах спортивной социализации, выделим несколько универсальных психологических и социально-педагогических механизмов ее реализации. Главным механизмом спортивной социализации мы считаем подражание. Под ним мы понимаем «произвольное или непроизвольное следование каким-либо примерам и образцам поведения, с которыми человек сталкивается во взаимодействии с окружающими его людьми»¹⁰.

В спорте, как и в искусстве, остро стоит проблема соотношения теории и практики. Как можно заставить спортсмена исправить элемент действия, который, по мнению тренера, он недостаточно хорошо выполняет? Телесные практики ставят перед преподаванием определенные задачи, решение которых не представляется нам однозначным. В спорте научение происходит посредством, как выразился П. Бурдые, «молчаливой, практической коммуникации, “от тела к телу”»¹¹. И именно механизм подражания играет здесь главную роль.

Механизм идентификации – это эмоционально-когнитивный процесс освоения норм и ценностей группы, моделей поведения. На основе этого механизма формируются идентификация себя как спортсмена, принадлежность к группе, отождествление себя с ней. Благодаря идентификации мы можем говорить о состоявшемся спортсмене со своими идеалами, целями, установками.

За процесс оценивания, принятия (или непринятия) ценностей, норм, поведенческих сценариев отвечает другой механизм социализации – рефлексия. С ее помощью он может формироваться

и изменяться в результате анализа и осознания той социальной реальности, в которой функционирует. Здесь стоит еще раз подчеркнуть активное начало индивида: его свободу выбора, взаимовлияния его самого и того общества, в котором он функционирует. Эти механизмы наиболее значимы и применимы с точки зрения спортивных практик.

Для понимания процессов социализации в боксе необходимо наблюдение его изнутри. Только соединение теории и практики может дать нам полное представление о таком сложном и малоизученном виде спорта, как бокс, и понять такой сложный процесс, как социализация в спорте.

Новичок, пришедший в спортивный зал впервые, попадает в совершенно новую для него социальную реальность. Будущий спортсмен, являясь представителем своего «социального мира», будучи «незнакомцем», начинает усваивать нормы и правила, по которым взаимодействуют представители спортивной секции, включая персонал, тренеров и спортивный коллектив. Новичок, глядя на остальных спортсменов, приписывает им мотивы действия. Глядя, как действия повторяются, и наблюдая реакцию на эти повторения (коллектива и тренера), новичок типизирует эти действия. В ходе их взаимодействия эти типизации будут проявляться в специфических образцах поведения или в социальных ролях, которые будут выполнять спортсмены по отношению друг к другу.

Это будет происходить даже в том случае, если каждый будет придерживаться своей, отличной от других, роли. У новичка появляется возможность принятия роли другого в той или иной ситуации. По мере реакции значимых других (в нашем случае спортсмена или тренера) он будет судить, насколько корректна и насколько подходит каждая роль к той или иной ситуации. Взаимодействия становятся предсказуемыми, действия ожидаемыми. На определенный «знак», «сигнал» будет дан адекватный ответ, который предполагает понимание между коммуникаторами.

С этого момента совместная деятельность определяется самой собой разумеющимся набором рутинных действий. Повседневная жизнь в пространстве спортивного зала становится все более тривиальной. Новичок интегрируется в него и становится полноправным членом данного общества.

Мы рассматриваем бокс как молодежную субкультуру и настаиваем, что современный мир боксерских практик можно рассматривать именно как отдельный, саморегулирующийся, довольно замкнутый мир молодежной субкультуры, попасть в который и закрепиться в котором непросто.

Боксерский зал – относительно закрытое социальное пространство, в нем существует свой особенный фольклор в виде боксерских анекдотов, баек, рассказов. Это же в своей статье отмечает Л. Вакан: «...значение этих повторяющихся разговоров не стоит недооценивать, так как они представляют собой часть процесса социализации, они исподволь обучают боксеров “правилам игры”, прививают ученикам ценности и оценочные категории бойцовского мира»¹². Вторичная социализация требует приобретения специфически ролевого словаря, необходимого для коммуникации внутри группы. Чем словарь обширнее, тем более осложняется процесс социализации, но, овладев этим лингвистическим инструментом, спортсмен становится «своим», его коммуникация внутри группы заметно упрощается.

Боксеры подчиняют себя тренировкам, спортивный режим просачивается в их личную жизнь, спортивное питание, пробежки, сборы и соревнования, постоянные ограничения и монотонность тренировочного процесса делают из них спортсменов. Тело, служащее одновременно инструментом и целью, регулярно подвергается тяжелой, утомительной работе.

Тренировку можно сравнить с работой, а спортсменов с фабрикантами, которые работают над своим телом, навыками и умениями, чтобы соревнования по сравнению с повседневной рутинной тренировок показались им легкой разминкой¹³.

Но эта тяжелая работа окупается атмосферой, которая царит в спортзале, с мужской дружбой, принадлежностью к группе, небольшой гильдии, славившейся своей силой и смелостью, выражающейся на тренировках во взглядах, улыбках, разговорах, дружеских советах. Но если спортсмен попал в это пространство, ощутил эту атмосферу, то вряд ли откажется от бокса.

Вторичная социализация в спорте – довольно сложный и неоднозначный процесс. Сложность интеграции в отдельно взятую общность (замкнутую систему) связана с объемом знания, который индивид должен получить, умениями, которым должен научиться, тем объемом ценностей и норм, которые должен интернализировать, чтобы нормально функционировать в данной общности.

Спорт, в частности бокс, – это отдельная социальная сфера, один из «подмиров», вхождение в который связано с преодолением определенных испытаний и трудностей, не только имеющих ценностное или нормативное значение, но связанных с физическими возможностями человека, его волевыми способностями. Это приобретение специфически ролевого знания, когда роли связаны с социальным статусом, который, в свою очередь, непосредственно

связан со спортивной «успешностью» и состоятельностью спортсмена.

Социализация в спорте, на наш взгляд, – это всестороннее и последовательное вхождение индивида в мир спортивных практик путем освоения телесных и ментальных схем.

Примечания

¹ *Апциаури Л.* Спорт как социальное явление и фактор социализации личности // Теория и практика физической культуры. 2003. № 1. С. 13.

² Цит. по: *Мудрик А.* Социализация человека. М., 2004. С. 9–10.

³ *Бурдые П.* Начала: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. С. 132.

⁴ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 212–213.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ Там же. С. 222.

⁷ Там же. С. 224.

⁸ *Ковалева А.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 109–111.

⁹ *Апциаури Л.* Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Цит. по: *Мудрик А.* Указ. соч. С. 34.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² *Вакан Л.* Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3. С. 116.

¹³ Там же. С. 104–140.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена анализу основных источников и факторов формирования исторической памяти, а также исторического сознания российской молодежи (от 16 до 24 лет). В современном российском обществе остро стоит проблема самоидентификации и связанная с ней дилемма о выборе дальнейших путей развития страны. От преобладающих в обществе представлений о своем прошлом во многом зависит выработка определенной стратегии поведения его граждан, а молодежь является той потенциальной силой, которая будет осуществлять выбранную стратегию в будущем.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, молодежь.

На основе знаний и представлений формируется (или не формируется) интерес к истории, возникают положительные или негативные переживания, чувства гордости или горечи и стыда за отечество и поступки исторических деятелей, определяются ценности и смыслы русской истории. Происходит становление исторической памяти¹ – одного из самых главных элементов исторического сознания², без опоры на которую в полноценной духовной и практической жизни обойтись невозможно. В процессе функционирования исторического сознания все его структурные элементы тесно взаимодействуют между собой.

Историческая память актуализирована реалиями настоящего и избирательна. В кризисных ситуациях актуализируются сюжеты, в той или иной мере позволяющие описать или оправдать современность. Историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются суждения о той или иной исторической эпохе.

На оценке молодежью значения роли тех или иных исторических деятелей сказывается сопричастность молодых людей тем

процессам, которые разворачивались в XX в. и свидетелями которых были если не сами школьники, то их родители или дедушки с бабушками. Отсутствие большой исторической дистанции накладывает свой неизгладимый отпечаток на восприятие исторических личностей, порождает завышенные или заниженные оценки.

Эмпирическую базу данной статьи составили:

1) результаты социологического исследования «Историческое сознание россиян», проведенного автором с февраля по апрель 2013 г. методом глубинного интервью. Опрошено 24 респондента в возрасте от 18 до 24 лет;

2) результаты социологического исследования «Историческое сознание современной российской молодежи», проведенного автором в марте 2013 г. в Москве методом полуструктурированного интервью. Опрошено 200 респондентов в возрасте от 18 до 24 лет по квотной выборке;

3) результаты социологического исследования «Историческое сознание молодежи», проведенного Центром социологических исследований РГГУ в декабре 2011 г. в Краснодаре, Татарстане, Сочи, Москве. Опрошено 500 респондентов (школьников 11-х классов) по квотной выборке.

Как нам удалось определить на основе собранных данных, основными факторами, оказывающими наибольшее влияние на формирование исторического сознания молодого поколения, являются: учреждения образования; семья; СМИ; кинематограф.

Наиболее важным социальным институтом формирования исторического сознания является система образования. Ее значимость обусловлена двумя характеристиками: во-первых, именно в школе приобретает наибольшее количество знаний по истории, во-вторых, эти знания обладают высокой степенью доверия. Однако необходимо отметить существенный недостаток системы образования, который связан с отсутствием единой программы преподавания исторических дисциплин.

Вторым по степени значимости в формировании изучаемого образования является институт семьи. Несмотря на относительно небольшой объем исторической информации, приобретаемой в семье, она обладает наибольшей степенью доверия. В последнее время все более популярным становится изучение истории семьи. Интерес проявляется в составлении генеалогического древа в большом количестве семей, особенно среди молодежи.

Третьим по значимости в формировании исторического сознания населения РФ является институт СМИ. Необходимо учитывать тот факт, что информация, передаваемая посредством обоз-

наченного механизма, обладает высокой степенью недоверия среди населения. Вместе с тем количество предложений исторического материала с помощью этого источника велико, и, следовательно, на основании закона о переходе количества в качество СМИ обладает высокой степенью формирования. Кроме предложенных факторов информация, предлагаемая СМИ, является специально адаптированной для различных категорий населения, а также наиболее популярным и доступным источником получения основного потока информации.

Четвертым по значимости является институт кинематографии. Кино обладает средней степенью доверия. Как отмечается, снижение степени доверия к художественным и документальным фильмам является результатом направленного воздействия, критики фильмов о войне и советских достижениях множеством авторитетов в конце 80 – начале 90-х годов XX в. Также для кинематографа характерна общая тенденция понижения интереса к данному виду искусства. Но сейчас можно снова говорить о возрождении интереса к историческим фильмам (кассовые сборы фильма «Адмирал» составили более 38 млн долл.).

Следует заметить, что каждый из приведенных выше социальных институтов обладает возможностью корректировки исторического сознания. Отличие заключается в источнике, корректирующем историческое сознание. В школьном образовании его определяют множество факторов: политика государства, политика региона, собственные взгляды преподавателя и т. д.; в СМИ – воздействие финансирующей структуры, которая, в свою очередь, является также зависимой от других организаций и объединений.

Такой ресурс, как Интернет, активно используется школьниками в качестве источника информации по исторической тематике (25% от общего числа опрошенных), тогда как к телевизионным программам учащиеся прибегают очень редко. В основном (около 80% опрошенных) смотрят передачи, где выявляется эрудиция, а не рассказывается полноценно о каком-либо моменте из прошлого (пример: передача «Седьмая печать»).

Историческая литература не слишком привлекает внимание школьников, в основном они (порядка 30% респондентов) читают художественную литературу, так или иначе затрагивающую историю («Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Герой нашего времени» и т. д.). Оставшиеся 64% не сумели вспомнить ни одного подобного произведения. Кроме того, школьников не интересуют и радиопрограммы, посвященные истории.

Печатные издания также не занимают высокое место в рейтинге источников, которыми старшеклассники пользуются постоянно. Только 26,9% от всей массы школьников читают газеты и журналы.

А что же тогда занимает первое место? На первом месте находятся кинофильмы как зарубежного, так и отечественного производства. 91,7% старшеклассников смогли написать названия одного и более фильмов, посвященных прошлому человечества.

Теперь рассмотрим полученные нами данные по опросу российской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет. Здесь мы видим, что на первом месте у молодежи оказываются научные и научно-популярные фильмы (32%), далее следует Интернет (31%), затем с большим отрывом художественная литература и кино (13%) и только потом – учебники по истории (12%). Вот что сказал о фильмах молодой человек, студент: «Фильмы документальные – да, фильмы художественные – нет. Особенно наши. Хотя, если снимают на Западе, то тоже слишком много украшений для массового зрителя. У нас же всё скатывается в кричащую патриотичность, чрезмерную и кичливую».

Такие стандартные средства массовой информации, как телевидение, газеты и радио, имеют минимальный рейтинг. Данный факт свидетельствует о том, что теперь нужно налаживать коммуникацию с повзрослевшими людьми молодежного возраста именно посредством интернет-коммуникаций и искусства, так как именно при их помощи возможно осуществить эффективную передачу и перцепцию сообщения адресным реципиентом группы молодежи старше 18 лет.

Для детей школьного возраста аналогичную роль могут сыграть не столько интернет-ресурсы, сколько качественно сделанные художественные фильмы и грамотно преподающие свой предмет учителя.

Помимо перечисленных уже каналов формирования исторической памяти существует еще несколько. Один из них – это школьные учебники по истории, которые часто используют 31% школьников (10% молодежи), другой – сами учителя как своеобразные проводники социального института образования, с которыми обсуждают животрепещущие вопросы по истории 54% старшеклассников.

Немаловажную роль в формировании исторического сознания и создании определенной исторической картины оценок прошлого играют члены семьи. Как раз к ним чаще всего не просто обращаются за информацией, но и с ними обсуждают исторические события. Чуть более 58% школьников и 39% представителей молодежи проводят беседы о прошлом своей семьи и страны в кругу родных,

причем непосредственными источниками информации выступают чаще дедушки и бабушки, нежели родители.

Роль же референтной группы друзей у школьников не слишком высока – всего лишь 13% из них часто затрагивают тему исторического прошлого в своих разговорах, зато у молодых людей старше 18 лет друзья находятся на первом месте – 40% опрошенных ответили, что больше всего обсуждают историческое прошлое именно с друзьями.

Что касается группы респондентов от 18 до 24 лет, то они чаще общаются со своими родственниками и друзьями, чем с учителями, поскольку больше не учатся в школе и регулярно не контактируют с ними. Кроме того, немаловажно, что респонденты активно обсуждают исторические вопросы с друзьями. Это свидетельствует о сохранении внимания к своему прошлому и о том, что молодежь считает для себя данные вопросы актуальными, так как историю изучает и интересуется ими не «из-под палки», а самостоятельно делая выбор в их пользу.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Обсуждаете ли Вы прошлое своей семьи, страны?»

	Школьники (%)	Молодежь (%)
С друзьями	13	40
С родителями	30	39
С бабушками и дедушками	31	
С учителями	54	–
С коллегами	–	20

Сами исторические эпохи часто репрезентируются в сознании людей через конкретные исторические персоналии. Оценивая их роль в обществе и общий образ, люди выражают свое отношение к историческому периоду, в который данные персонажи проживали, таким образом разбивая на отдельные «кусочки» картину прошлого, чтобы облегчить его анализ. Не всегда легко однозначно выразить свое мнение по поводу той или иной эпохи, и советская эпоха не стала исключением.

В ситуации, когда людьми оцениваются события XX в., срабатывает средне- и краткосрочная историческая память, когда многие

реальные их участники еще живы, а события истории еще являются частью личной жизни человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывают отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные, журналистские и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, многие из которых многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. По мере приближения к настоящему времени все более положительно оцениваются периоды идеализируемой «стабильности», в частности брежневская эпоха.

При определении того исторического времени, когда простым людям жилось лучше всего, школьники и молодые люди отдали свое предпочтение Л.И. Брежневу (27,1 и 23% соответственно), за ним с небольшим отрывом идет Н.С. Хрущев (24 и 18%).

Такой расклад, скорее всего, стал возможен потому, что данные руководители не стремились к радикальным переменам в общественной жизни (не считая десталинизацию). При них страна не испытывала серьезных потрясений, таких как массовые репрессии, смена политического режима и кардинальные реформы.

После сравнительного анализа ответов школьников и молодежи выяснилось, что в отличие от школьников молодые люди выделяют как положительного руководителя М.С. Горбачева, И.В. Сталина и В.И. Ленина, их общие оценки руководителей более вариативны, чем оценки школьников, так как они меньше связаны рамками школьной программы и получают основную информацию об истории по большей части из других источников.

В заключение можно отметить, что составляющие историческое сознание школьников и молодежи элементы – исторические знания, исторические представления, исторические переживания и исторические ценности – можно разделить только по условным границам, так они в своей эволюции взаимопереплетены и взаимосвязаны.

Основой исторического сознания школьной молодежи являются исторические знания, полученные из различных источников, на их основе возникают и закрепляются в историческом сознании исторические переживания, опосредованные собственным опытом и опытом близких людей, а также оценками учителей и авторов научной литературы.

В современном обществе историческая память оказывается существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определяющей их намерения, настроения, поведение, опосредован-

но оказывающей мощное влияние на их сознание, тем самым предопределяя характер и методы решения общественных проблем³. Таким образом, формирование исторического сознания молодежи является важнейшей государственной задачей, ибо она неразрывно связана с задачей воспитания личности гражданина демократического общества.

Примечания

¹ Историческое сознание представляет собой совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающую восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущую и характерную как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этнических групп (*Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 295).

² Историческая память – это устойчивая система компонентов, хранящая полученные в прошлом результаты различных видов деятельности людей (материальной и духовной) (*Яблокова Е.А.* Историческая память как феномен духовной культуры // Государственная служба . 2010. № 3. С. 96).

³ *Луман Н.* Общество общества. Ч. III. Эволюция / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2005.

М.Б. Буланова, П.А. Борисова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ

В статье исследуется специфика взаимодействия высшего образования и современного рынка занятости, определяются риски в отношении квалификации, компетентности и профессионализма трудоустраивающихся.

Ключевые слова: качество образования, профессионализм и квалификация, дополнительные образовательные услуги, трудоустройство, риски.

Динамизм социальных процессов и явлений современности подвергает значительным изменениям институциональные среды взаимодействия. Формируются новые реалии социокультурной жизни общества, векторы и тенденции которых характеризуются неоднозначностью и непредсказуемостью. Обозначенные реалии, с одной стороны, затрудняют осуществление социологического прогнозирования перспектив развития общественной жизни, с другой стороны, сами подвергаются «искажению» из-за использования не всегда валидного и релевантного теоретического и практического инструментария.

В фокусе обозначенной проблематики институциональная структура высшего образования приобретает статус наиболее актуальной и «болезненной». Образование традиционно выполняет функцию трансляции социокультурного капитала, обеспечивает воспроизводство социальной структуры, делает возможной социальную мобильность, выступая важным стратификационным элементом. Но насколько оправданны подобные ожидания в рамках современности? Ответу на вопрос: «Насколько коррелируют ожидания двух институциональных структур – высшего образования и рынка занятости?» посвящена данная статья.

Эмпирической базой выступает исследование «Профессиональные и социокультурные установки студентов московских ВУЗов»¹, которое было проведено 1–16 сентября 2013 г. в московских вузах (МГГУ, МГПУ, МГОУ, ГУУ, МИЭТ, МГУ, РГГУ, МАТИ, МФЮА, РГСУ). Объектом исследования являлись студенты-специалисты (1–5 курсы), а также студенты, проходящие обучение по образовательным программам бакалавриата и магистратуры. Методом анкетирования было опрошено 2438 человек. Выборка – гнездовая, квотная.

Согласно полученным данным большинство опрошенных респондентов склонны высоко оценивать качество образования, однако при дифференцировании однородного студенческого массива по курсам обучения мы столкнулись с контрастными изменениями по сравнению с зафиксированной «общей» ситуацией.

Корреляция по обозначенной переменной (курс обучения) была обнаружена при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, для дальнейшей трудовой деятельности Вам будет достаточно тех знаний, умений и навыков, которые Вы приобретете в Вашем учебном заведении?» Количество респондентов, затрудняющихся с ответом, оставалось высоким на протяжении пяти лет обучения, варьируясь от 35% на 1-м курсе до 25% на 5-м курсе. Данное обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что получаемая специальность, по мнению опрошенных, не всегда гарантирует успешную интеграцию в профессиональную сферу деятельности.

При этом количество респондентов, отрицательно оценивающих свои перспективы по трудоустройству, исходя из наличия образовательного капитала, к 5-му курсу составляет практически половину опрошенных – 46%.

Зависимость оценки адекватности полученных профессиональных навыков потребностям рынка труда проявляет себя и в различии позиций иногородних студентов и москвичей. Так, 40% иногородних студентов (против 31% москвичей) отметили, что приобретенная ими профессиональная квалификация на момент обучения не представляется конкурентоспособной в условиях современного рынка труда. Отчасти эта ситуация может быть проинтерпретирована через призму стартового ресурсного капитала (семья, место жительства, образование родителей, связи и знакомства, материальный и социальный статус), который в большей степени присутствует у москвичей.

Гендерной специфики в ответах респондентов не обнаружено. В обеих социальных группах достаточно высок процент респондентов, отрицательно оценивающих свои профессиональные перспек-

тивы, однако разница в их соотношении не представляется разительной: 34% у мужчин и 38% у женщин соответственно.

Достаточно интересными являются распределения ответов респондентов, дифференцированных по программам обучения. Ответ «да» на поставленный выше вопрос – «Как Вы считаете, для дальнейшей трудовой деятельности Вам будет достаточно тех знаний, умений и навыков, которые Вы приобретете в Вашем учебном заведении?» – выбрали 42% студентов-бакалавров, 35% студентов-специалистов и 23% студентов-магистров. Специфика распределения ответов свидетельствует о том, что студенты-бакалавры характеризуются на сегодняшний момент наиболее оптимистичным восприятием своего профессионального соответствия ситуации на рынке труда.

Образовательная программа студентов-бакалавров в большей степени ориентирована на формирование прикладного характера профессиональных знаний и умений. Во многом это соответствует потребностям современных студентов в инструментальном наполнении получаемого образования. Вторая ступень высшего образования, следующая за бакалавриатом, – магистратура – характеризуется, исходя из имеющихся эмпирических данных, значительным снижением оценки соответствия полученных знаний современным реалиям. На этот счет есть ряд точек зрения².

Во-первых, магистратура призвана формировать специалиста в конкретной профессиональной деятельности и субъекта общественных отношений, обладающего чувством достоинства, профессиональной этикой, способностью критической и рациональной оценки действительности. Возникает вопрос: а востребован ли сегодня такой профессионал? Конечно, благодаря высокому профессионализму профессорско-преподавательского состава высшей школы на ступени магистратуры происходит трансляция теоретического знания в критическом антропоцентристском фокусе. В результате студенты последнего года обучения склонны интуитивно ощущать личностную невостребованность, подменяемую инструментальной необходимостью. Отсюда девальвация ценности профессии, актуализация качеств адаптивности, самостоятельности, стрессоустойчивости, обозначенных как необходимые практически во всех вакансиях³.

Во-вторых, экономический сектор российского производства ориентирован во многом на сырьевой потенциал и предоставление услуг, что не требует от кандидата на определенную позицию значительного интеллектуального потенциала; наукоемкие отрасли хозяйства в стране, к сожалению, практически отсутствуют.

В-третьих, благодаря миграционным слабoreгулируемым потокам, латентно современная система образования обесценивается как «беспроигрышный» социальный «лифт» в профессиональное поле, с присущим последнему социальным и материальным капиталом.

Итак, такие переменные, как курс обучения, место жительства, программа обучения, способны оказывать влияние на общий характер удовлетворенности студентов профессиональными навыками и знаниями.

В анализируемом исследовании была также зафиксирована степень готовности респондентов работать по специальности по 11-балльной шкале (-5 – низкая готовность, 0 – нейтральная оценка, 5 – высокая готовность). На «отлично» и «хорошо» оценили свою профессиональную готовность 41% респондентов, на «удовлетворительно» 23%, негативно воспринимающие соответствие своей готовности будущей специальности составили суммарно 5%. Ситуация значительно меняется при дифференциации студентов по курсу обучения. Представим данные ответов респондентов (суммированный процент ответов «высокий – 4» и «очень высокий – 5») по годам обучения: 1-й курс – 50,3%, 2-й – 42,7, 3-й – 35,9, 4-й – 32,9, 5-й курс – 30,5%. Как видно, число респондентов, оценивающих готовность работать по специальности, снижается с каждым последующим годом обучения и на 5-м курсе составляет одну треть опрошенных.

Обратимся к анализу возможности совмещения работы и учебы в среде современного студенчества. Согласно полученным данным треть студентов московских вузов совмещает работу с учебой (28%). При этом доля респондентов, интегрированных в сферу трудовой деятельности, растет в зависимости от курса обучения: на 1-м курсе – 9%, на 2-м – 26, на 3-м – 32, на 4-м – 46, и на 5-м курсе – 36%.

В этом отношении важно подчеркнуть, что самый высокий процент работающих студентов на 4-м курсе и самый значительный всплеск восприятия своей профессиональной готовности как низкой также приходится на четверокурсников. Число работающих респондентов, трудоустроившихся по специальности, составляет лишь 17%, тогда как оставшиеся 83% совмещают учебу с работой не по специальности.

В ходе проведенного исследования были выявлены специальности, обучаясь на которых студентам чаще удается совмещать работу с учебой: «Журналистика» – 47%, «Маркетинг, реклама, связи с общественностью» – 36, «Информационные технологии и

педагогика» – 34, «Экономика и управление» – 33, «Социология» – 29%. Эти данные могут быть интерпретированы с нескольких точек зрения: во-первых, перечисленные специальности наиболее «емкие» и «востребованные» в условиях современной действительности динамично развивающегося общества. Во-вторых, специальности инструментальны по своему характеру, но не жестко алгоритмизированы. В-третьих, успешность работы по ряду специальностей зависит от личностных качеств кандидата, творческого потенциала, мобильности, адаптивности, рефлексивности, гибкости.

Указанный достаточно низкий процент трудоустроившихся по специальности, как свидетельствуют данные исследования, вовсе не означает отсутствие желания работать по ней⁴. Так, 71% респондентов при ответе на вопрос: «Хотели бы Вы работать по выбранной специальности?» дали положительный ответ, 19% – отрицательный и 10% затруднились с ответом.

Студенческая аудитория склонна достаточно пессимистично оценивать ситуацию в системе высшего образования. В качестве иллюстрации обратимся к данным исследования, проведенного ВЦИОМ⁵. Согласно представленным в указанном исследовании эмпирическим данным респондентам свойственна критическая оценка современных тенденций в области образования. Студентам был задан вопрос: «Если сравнивать сегодняшний день с тем, что было 15–20 лет назад, то в какую сторону, по Вашему мнению, произошли следующие изменения?» По мнению 43% опрошенных, «в культурном плане студентов, их кругозоре» изменения произошли в «плохую сторону», аналогичная пессимистическая оценка характерна и в «отношении студентов к учебе, их стремлении получать знания» – 44%, «возможности трудоустроиться по специальности» – 69, «возможности получить высокооплачиваемую работу» – 65%.

В свете обозначенных тенденций значительно актуализируется проблема дополнительных образовательных услуг. Если полученного образования недостаточно при трудоустройстве, то активизируется потребность в приобретении дополнительных навыков и умений, призванных повысить конкурентоспособность будущего молодого специалиста на рынке труда.

Для более подробного освещения этой проблемы вернемся к нашему исследованию. Согласно полученным данным существует корреляция между курсом обучения и долей студентов, получающих дополнительное образование: если на 1-м курсе число получающих дополнительное образование составляет 17%, то на 5-м –

23%. Работающие студенты также чаще получают дополнительное образование, чем неработающие – 23 против 15%.

В целом каждый второй респондент (51%) нуждается в дополнительных курсах. Согласно данным, полученным при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, нуждаетесь ли Вы в каких-либо дополнительных курсах, которые позволили бы Вам получить новые знания, умения, навыки?, у студентов, обучающихся на 5-м курсе, самая высокая потребность в получении дополнительного образования – 60% против 51%, у студентов первого года обучения.

Итак, изучение взаимосвязи высшего образования и трудоустройства позволяет выявить следующие риски.

1. В студенческой среде значителен процент (варьируется от трети до четверти опрошенных) испытывающих затруднение при оценке соответствия знаний, навыков и умений, получаемых в вузе, реальным потребностям работодателя. Обозначенная ситуация свидетельствует о наличии неопределенности положения студента относительно перспектив интеграции в профессиональное сообщество по выбранной специальности. Выбранная специальность, качество получаемого образования по ней не являются гарантиями успешного трудоустройства.

2. Наблюдается значительная корреляция между оценкой студентами соответствия приобретенных знаний, умений и навыков сфере трудоустройства и курсом обучения, местом проживания, а также образовательной программой. Так, более половины студентов специалитета и бакалавриата 5-го курса считают полученную профессиональную квалификацию неконкурентоспособной на рынке труда. Подобный пессимизм характерен для иногородних студентов, а также для обучающихся по магистерским программам. Другими словами, образовательные программы специалитета и магистратуры признаются студенческой аудиторией нерелевантными только по завершении обучения, когда ожидания оказываются стереотипными представлениями, а приобретенные умения и навыки – неактуальными в инструментальном отношении. Феномен риска можно зафиксировать в инерционном восприятии обозначенными группами высшего образования как эффективного стратегического ресурса адаптации и социальной мобильности.

3. Работающие студенты склонны в большей степени негативно оценивать свою готовность работать по специальности. Число трудоустроенных составляет треть от общего массива студентов, получающих высшее образование. При этом доля работающих по специальности составляет чуть менее одной пятой от общего числа студентов, совмещающих работу с учебой. Кроме того, работающие

студенты значительно чаще испытывают потребность в дополнительных навыках и знаниях, призванных повысить конкурентоспособность и общий уровень профессиональной адаптивности. Риск в данном случае порождается ситуацией «закрытости» образовательного процесса, проявляющейся в слабой рефлексии относительно тенденций на рынке труда и занятости.

На сегодняшний момент не создана структура, объединяющая вузы, предприятия, бизнес-структуры, политические и общественные организации регионального и федерального уровней и регулирующая их интересы на базе социального партнерства. Отсутствие такого социального партнерства всех субъектов образования объясняет тот факт, что выбранные выпускниками специальности не соответствуют профильным классам среднего (полного) образования, а работа после окончания вуза не соответствует получаемой профессии.

4. Наблюдается зависимость числа респондентов, получающих дополнительное образование, от года обучения. Студенты, обучающиеся на 5-м курсе, не только чаще признают потребность в дополнительном образовании, но и непосредственно его получают. Эта тенденция может быть оценена двояко. С одной стороны, получение дополнительных образовательных навыков является необходимым условием адаптации специалиста к профессиональной деятельности, требующей постоянной коррекции компетентности и квалификации. С другой стороны, само дополнительное образование может способствовать возникновению риска депрофессионализации, а также маргинализации имеющегося статуса специалиста.

5. Низкий процент трудоустроенных по специальности объясняется не только отсутствием желания работать по ней. Равно как и потребность получения дополнительных знаний и навыков не всегда вызвана отсутствием должного качества образования, предоставляемого высшей школой. Обозначенное явление во многом выступает следствием совокупности рисков: отсутствием координирования уровней партнерства между субъектами образовательного процесса и рынком занятости на местном, региональном и федеральном уровнях; невостребованностью услуг по профессиональной ориентации и неэффективной работой профильных классов, создающих условия, препятствующие профессиональной социализации школьника-абитуриента; ориентацией социальных групп на высшее образование, не подкрепленной реальной востребованностью специалистов с высшим образованием на рынке труда; депрофессионализацией и т. д.

Таким образом, можно сделать общий вывод о несоответствии образовательных ориентаций и программ высшей школы реальной ситуации на рынке труда. Отсутствие устойчивых стандартов качества профессионального знания и соответствующих им требований работодателя формируют благоприятные условия для институционализации риска.

Примечания

¹ Исследование выполнено по заказу Правительства Москвы («Департамент семейной и молодежной политики»). Проведено в рамках студенческого проекта «Гражданская смена».

² См.: *Осипов А.М., Карстанье П., Тумалев В.В., Зарубин В.Г.* О социальном партнерстве в сфере образования (Социологические исследования. 2008. № 11) [Электронный ресурс] // Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/548/633/1219/Osipov_15.pdf (дата обращения: 11.09.2013); *Кочетов А.Н.* Профессиональное образование и рынок труда: проблема взаимодействия [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267450955/Kochetov.pdf> (дата обращения: 08.09.2013); *Зборовский Г.Е.* Образование: научные подходы к исследованию [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/324/925/1216/004.ZBOROVSKIY.pdf> (дата обращения: 13.10.2013); и др.

³ Там же.

⁴ См.: *Кочетов А.Н.* Указ. соч.

⁵ Современные студенты: штрихи к портрету [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=111291> (дата обращения: 13.10.2013).

РЕЙТИНГ ВУЗОВ КАК ЭТАП ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ СО ШКОЛЬНИКАМИ

В статье сравниваются рейтинги высших учебных заведений 2011–2012 гг., проведен анализ рейтинга по среднему баллу Единого государственного экзамена как один из этапов планирования профориентационной работы со школьниками.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, Единый государственный экзамен, средний балл Единого государственного экзамена, абитуриент, рейтинг высших учебных заведений, профиль высшего учебного заведения.

Современная система образования дает возможность выбора учебного заведения для продолжения образования и получения профессии. Многообразие форм, способов и вариантов получения образования приводит к тому, что непосредственному потребителю трудно ориентироваться на образовательном рынке.

Процесс самоопределения и выбора профессионального пути, формирование устойчивых профессиональных интересов складываются исходя из личностных предпочтений индивида, а также его профессиональной осведомленности и правильной профессиональной ориентации, сформировавшейся под влиянием различных социальных институтов: семьи, школы, вуза, общества. На сегодняшний день наиболее выгодные, стабильные профессиональные позиции, в том числе с точки зрения защиты от рисков безработицы, обеспечивает высшее образование. Это обстоятельство, наряду с другими, является важнейшей мотивацией на получение высшего образования. За последние десять лет растет доля тех, кто прошел через систему высшего профессионального образования, с 65,8 до 73,2%¹.

В этом ключе важным представляется правильный, осознанный выбор вуза, который сможет предоставить знания, необходи-

мые для реализации в данной профессии, обеспечит высокий уровень качества образовательных программ и конкурентоспособное и востребованное образование. Один из способов составить представление о вузах, качестве предоставляемого образования, уровне обучения – это изучение их рейтингов по различным основаниям.

Так, по результатам опроса Тюменского государственного университета важными критериями при выборе высшего учебного заведения являются количество бюджетных мест (27,3%) и престиж (26,3%), а также качество преподавания (22,2%)². Эти критерии возможно оценить посредством существующих рейтингов.

С другой стороны, каждый вуз стремится видеть в своих стенах лучших абитуриентов и студентов. Соответственно, для вуза важно не только выполнить количественный показатель набора, т. е. обеспечить прием абитуриентов согласно утвержденным контрольным цифрам приема, но и обеспечить качественный набор учащихся, которые обладают определенным набором знаний по необходимым профильным предметам. В этой связи вуз также заинтересован в высоких рейтинговых позициях по различным критериям.

Одним из основных индикаторов деятельности вуза при распределении бюджетных мест на будущий год является средний балл поступивших абитуриентов по прошлому году, поэтому вузы ориентируются на рейтинги прошлых лет и стремятся улучшить свои позиции в текущих рейтингах.

Рейтинги вузов – один из способов упорядочить и сформировать представление о качестве предоставляемых образовательных услуг. Рейтинги способствуют формированию представления о качестве предлагаемых образовательных услуг на образовательном рынке, позволяют ориентироваться молодежи в получении профессии.

Рейтинги высших учебных заведений давно применяются в мировой практике и являются одним из основных способов анализа качества предоставляемого образования. В Европе и США практика построения рейтингов вузов появилась сравнительно давно. Так, рейтинги журнала *US News & World Report* представлены начиная с 1983 г. и являются наиболее достоверными рейтингами в США³.

Рейтинги, определяющие качество образования, формируются по различным основаниям, например на основе таких показателей, как успехи студентов, достижения преподавательского состава и академические ресурсы вуза⁴. Большинство мировых и российских рейтингов можно классифицировать по четырем видам. *Традиционные рейтинги* формируются на основе оценки объективных показателей деятельности университета, к которым относятся индексы

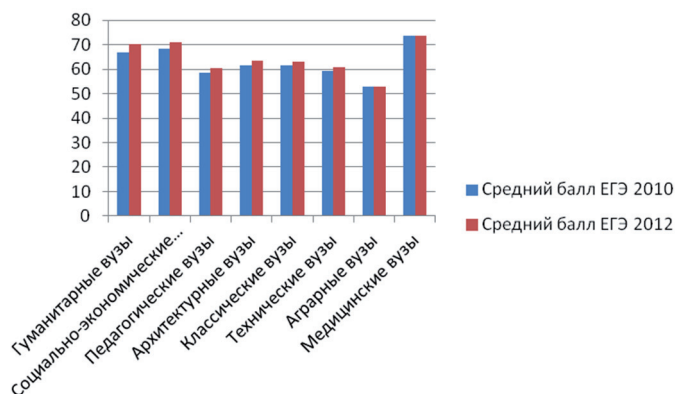
цитирования, показатели трудоустройства выпускников и другие количественные показатели. Существуют также *репутационные рейтинги*, построение которых основано на экспертной оценке специалистов, полученной на основе подготовленного опроса. *Виртуальные рейтинги* формируются на основе популярности в сети Интернет (популярность сайта, количество переходов на сайт, ссылок и т. д.). Заключительная группа представляет собой *смешанные*, или *гибридные, рейтинги*, которые включают несколько или все вышеописанные виды⁵.

Первые российские рейтинги вузов появились в 1990–2000 гг., когда Минобразованием России была разработана и использовалась на практике информационно-аналитическая система «Рейтинг специальностей и вузов России»⁶. Сегодня существует достаточное количество независимых рейтингов вузов России, составленных по различным основаниям (рейтинговое агентство «Эксперт РА»⁷, «Интерфакс» и радиостанция «Эхо Москвы»⁸, агентство «РейтОП»⁹, Благотворительный фонд В. Потанина¹⁰, РИА Новости и Высшая школа экономики).

«РИА Новости и Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) в рамках совместного проекта “Общественный контроль за процедурами приема в вузы как условие обеспечения равного доступа к образованию” по заказу Общественной палаты России опубликовали мониторинг качества приема студентов, зачисленных в 2012 году по результатам ЕГЭ на бюджетные места в государственные вузы. При анализе итогов приемной кампании учитывались баллы ЕГЭ студентов-очников, зачисленных на первый курс бакалавриата и специалитета, включая целевой набор и льготников, но не учитывались результаты тех, кто поступил по итогам олимпиад»¹¹.

Средний балл ЕГЭ как индикатор рейтинга является важным показателем качественного состава зачисленных абитуриентов. Это говорит о качественном составе студентов, формирует высокий уровень успеваемости в целом. По результатам анализа рейтингов, проводимых РИА Новости и Высшей школой экономики за 2010 и 2012 гг., наблюдается устойчивое повышение среднего балла ЕГЭ поступивших по всем профилям вузов, за исключением вузов медицинского профиля, где по сравнению с другими вузами самый высокий средний балл ЕГЭ поступивших (см. диаграмму).

Диаграмма

Наибольший прирост среднего балла ЕГЭ по сравнению с 2010 г. наблюдается у вузов гуманитарного профиля, где он вырос на 3,7 пункта и составил в 2012 г. 70,4 против 66,7 в 2010 г. (см. таблицу).

Таблица

Сравнение профилей вузов по средним баллам ЕГЭ

Профиль вузов	Средний балл ЕГЭ 2010	Средний балл ЕГЭ 2012
Гуманитарные	66,7	70,4
Социально-экономические	68,2	70,8
Педагогические	58,5	60,3
Архитектурные	61,6	63,3
Классические	61,7	63,2
Технические	59,3	60,6
Аграрные	52,7	52,9
Медицинские	73,5	73,5

При анализе качественного состава абитуриентов за 2010 и 2012 гг. по профилям вузов прослеживается тенденция возрастания популярности и привлекательности медицинских, социально-экономических и гуманитарных вузов.

Одна из инноваций профориентационной работы со школьниками – работа с талантливыми детьми, в том числе через привлечение их к участию в олимпиадах вуза. Талантливые и способные школьники имеют возможность проявить себя посредством участия в олимпиадах, получив преференции при поступлении в вуз без вступительных испытаний или приравняв результат олимпиады к максимальному баллу ЕГЭ по определенному предмету. При анализе качественного состава поступивших абитуриентов можно говорить, что наибольший процент зачисленных абитуриентов (8%) по результатам олимпиад у социально-экономических вузов, где и средний балл ЕГЭ зачисленных очень высок и составляет 70,2 балла, наименьший – у медицинских вузов (1% зачисленных). Практически не используют олимпиады педагогические, архитектурные и аграрные вузы.

В рассматриваемом рейтинге представлено 24 аграрных вуза, общее количество зачисленных – 26 057 человек. Из них по результатам олимпиад принято в высшую школу всего 10 человек, что является минимальным по сравнению с общим количеством зачисленных абитуриентов. Возможно, распространение олимпиадного движения в этой области будет способствовать лучшему ориентированию школьников в профессиональной сфере. На основе представленных данных становится очевидной необходимость развития профориентационной работы для данной категории вузов, а также распространения и создания дополнительных профильных олимпиад с целью привлечения абитуриентов к дальнейшему поступлению в вузы аграрного профиля.

Процент «олимпиадников», зачисленных в технические вузы с высоким средним баллом ЕГЭ (от 75 до 92,3 балла), составил 17%. В технических вузах, где средний балл ЕГЭ является низким (от 44,1 до 60 баллов), процент «олимпиадников» равен нулю. Аналогичная ситуация наблюдается и среди вузов социально-экономического и классического профиля.

Таким образом, использование рейтингов не просто оправданно, но и необходимо для формирования представлений абитуриентов, их родителей и общественности о вузах, привлекательности определенных направлений подготовки, о качестве профессорско-преподавательского состава, а также качественного состава студентов и предоставляемого образования.

Для вузов участие в рейтингах – способ укрепить свои позиции на образовательном рынке, оценить и сравнить ситуацию по отношению к другим вузам. Рейтинги на основе среднего балла ЕГЭ позволяют анализировать качественный и количественный состав

абитуриентов, зачисленных по различным основаниям, что будет способствовать разработке комплекса мер по профориентационной и рекламной политике с целью привлечения успешных абитуриентов с высоким средним баллом ЕГЭ на определенные профессии.

Примечания

- ¹ *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи) [Электронный ресурс]. М.: ИС РАН, 2012. 1 CD ROM. 332 с.
- ² Как выбирают вуз в городе Тюмени [Электронный ресурс] // Тюменский государственный университет. URL: <http://go.utmn.ru/?p=8797> (дата обращения: 16.08.2013).
- ³ Национальный рейтинг университетов, 2009 / Международная информационная группа «Интерфакс»; Радиостанция «Эхо Москвы». М., 2009. С. 5.
- ⁴ *Кларк М.* Некоторые идеи о рейтингах академического качества // Высшее образование в Европе. 2002. Т. XXVII. № 4.
- ⁵ *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Сравнительная надежность глобальных рейтингов университетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11.
- ⁶ Приказ Министерства образования Российской Федерации от 26 февраля 2001 г. № 631 «О рейтинге высших учебных заведений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_26336.html (дата обращения: 06.08.2013).
- ⁷ Рейтинги университетов [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». URL: <http://raexpert.ru/rankings/vuz/> (дата обращения: 06.08.2013).
- ⁸ Рейтинг вузов России [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/txt.asp?id=310566> (дата обращения: 06.08.2013).
- ⁹ Образование в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reitor.ru/> (дата обращения: 06.08.2013).
- ¹⁰ Фонд В. Потанина представил рейтинг вузов 2012/2013 [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд В. Потанина. URL: <http://www.fondpotanin.ru/novosti/fond-v-potanina-predstavil-rejting-vuzov-20122013-353> (дата обращения: 06.08.2013).
- ¹¹ Качество приема в государственные вузы РФ по профилю – 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/ratings_rt2012/ (дата обращения: 20.07.2013).

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ

Статья посвящена противоречивости социального положения в обществе социально-профессиональной группы школьных учителей. С одной стороны, в обществе декларируется и признается высокая социальная значимость педагогического труда, с другой – наблюдается снижение социального статуса и престижа профессии, что сказывается как на ее востребованности со стороны молодежи, так и на социальном самочувствии людей, занятых в данной сфере.

Ключевые слова: учителя, престиж профессии, социальный статус, социальное самочувствие.

Престиж профессии можно определить как авторитет, уважение к профессии со стороны общества, репутацию профессии в социуме, ее положение в иерархии относительно других профессий в представлениях людей¹.

В современных условиях представления о престиже и статусе той или иной профессии становятся одним из оснований при выборе вуза, направления обучения, специальности и специализации, работы. Именно поэтому знания о существующих тенденциях престижности профессий могут выступать в качестве методологической основы как маркетинговой стратегии образовательных заведений, так и регулирования рынка труда в различных профессиональных сферах.

Социально-экономические и политические трансформации, происходящие последние 30 лет в России, способствовали серьезным изменениям в социальной структуре общества. В последние десятилетия появляются новые социальные и профессиональные группы, изменяются положение и сущностные характеристики имеющихся групп.

Одной из системообразующих фигур образовательного пространства является учитель. Именно он участвует в разработке и реализации процесса трансляции знаний, он – главный актер первой ступени образовательного процесса, который готовит человека к дальнейшему повышению образования. Между тем современное учительство испытывает на себе все сложности и противоречия

общесистемной трансформации общества и процессов, происходящих именно в сфере образования. Наблюдаются такие негативные тенденции, как снижение престижа учительской профессии, отсутствие интереса со стороны молодежи, старение педагогических кадров, отток профессиональных специалистов в другие сферы.

По данным ВЦИОМ, индекс профессии учителя по критериям «престиж» и «перспективность» является крайне невысоким по сравнению с другими профессиями² (табл. 1, 2).

Таблица 1

Рейтинг профессий с точки зрения престижности
по 5-балльной шкале

Распределение ответов на вопрос «Какое положение в обществе, по вашему мнению, сегодня занимают представители следующих профессий?»		
	2010 г.	2013 г.
Работник государственных органов, администрации	3,92	4,12
Предприниматель	3,94	4,10
Политик	4,03	4,06
Врач	3,49	3,55
Журналист	3,53	3,51
Ученый	3,49	3,43
Военнослужащий	3,09	3,42
Полицейский	3,06	3,37
Священнослужитель	3,60	3,27
Учитель	2,83	2,90

Эти данные соотносятся с результатами исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2012 г.³ Мнения россиян относительно престижности профессии учителя разделились: 47% опрошенных считают, что профессия учителя не пользуется уважением в обществе, а 43% респондентов полагают, что профессия учителя является в обществе уважаемой. Наблюдается противоречие, при котором уровень образования и общественная значимость труда школьных учителей уступают «в весе» стратификационным критериям «доход» и «престиж» как в общественном мнении населения, так и в самооценках самих специалистов.

Для сравнения, в 2008 г. результаты опроса ФОМ демонстрировали следующие результаты. Половина россиян (50%) считали, что профессия учителя не пользуется уважением, а 39% – что пользуется. На основании этих данных можно говорить о слабовыраженной тенденции к повышению престижа учительской профессии, но не более того⁴.

Представление о высоком или низком положении профессии в обществе во многом основано на представлениях о системе оплаты труда в данной профессиональной сфере. Опрос, проведенный ФОМ, показал следующее: отвечая на вопрос «У большинства учителей там, где вы живете, зарплата выше или ниже среднего уровня зарплат в вашем регионе? Или зарплата учителей примерно такая же, как средняя зарплата в вашем регионе?», 37% россиян сделали предположение, что зарплата учителей ниже средней по региону, 23% считают, что зарплата учителей соответствует средней по региону, 32% затруднились с ответом на данный вопрос⁵.

Как следствие, представление о статусе профессии и оплате труда данной профессиональной группы несомненным образом сказывается на привлекательности профессии для молодежи и на желательности данного профессионального выбора взрослыми для своих детей с позиции перспективности.

Таблица 2

Рейтинг профессий с точки зрения перспективности
по 5-балльной шкале

Распределение ответов на вопрос «Если у вас есть (были бы) подрастающие дети, внуки, какую профессию, род занятий вы бы для них пожелали, а какую – нет?»

	2010 г.	2013 г.
Врач	3,90	3,74
Предприниматель	3,51	3,72
Работник государственных органов, администрации	3,54	3,69
Ученый	3,30	3,34
Политик	2,73	3,11
Журналист	3,08	3,06
Военнослужащий	2,74	2,96
Полицейский	2,38	2,73
Учитель	2,67	2,57
Священнослужитель	2,08	2,25

Одной из характеристик социально-профессиональной группы учителей является ее феминизация. В марте–июне 2013 г. автором статьи было проведено исследование⁶, направленное на изучение учителей как социально-профессиональной группы (на примере учителей московских школ). Чтобы узнать, почему мужчин в данной профессии не так много, был задан открытый вопрос на эту тему. Так, 50% респондентов отметили, что причина данного явления в том, что профессия учителя не престижна в современном российском обществе, а мужчине важно иметь престижную работу, высокий общественный статус. Также, по мнению респондентов, работа должна приносить достаточное количество средств, для того чтобы обеспечить семью. 60% респондентов высказывались о том, что мужчины реже выбирают профессию учителя именно потому, что она низкооплачиваемая. Так, мужчина 38 лет со стажем работы до 20 лет пишет: «Учитель-мужчина с трудом способен обеспечить семью». С этим мнением согласно и большинство респондентов.

Еще одной из причин, которую отметили 20% респондентов, является то, что женщина от природы обладает навыками воспитания и материнским инстинктом, она традиционно занимается воспитанием детей, в отличие от мужчины. Девушка 24 лет с опытом работы до 3 лет пишет: «Воспитанием издревле занимались женщины», ее поддерживает и женщина 54 лет: «Традиционно женщина воспитывала детей, а мужчина содержал семью, поэтому женщины идут в педагогику чаще». Говоря об особых навыках, которыми женщины обладают в отличие от мужчин, многие респонденты (15%) отметили, что для профессии учителя у женщин больше терпения и это облегчает их работу с детьми. Женщина 45 лет пишет: «Женщинам проще контактировать с детьми, они более терпимы, легче прощают чужие недостатки, более гибки в психологическом плане», ее мнение также подтверждает девушка 22 лет: «Наверное, женщины более терпимы к детям, их порой не совсем примерному поведению, нежели мужчины. Возможно, срабатывает материнский инстинкт». Еще 5% отметили, что многие женщины работают учителями из-за своих детей, так, женщина 44 лет со стажем работы более 20 лет пишет: «Женщины часто “приходят” в школу со своими детьми». Это действительно нередкое явление, поскольку так можно обеспечить место ребенку в хорошей школе и быть уверенной в качестве его образования.

Таким образом, мужчины реже выбирают профессию учителя по той причине, что они (по их мнению) не обладают некоторыми специфическими навыками и характеристиками, присущими только женщинам, что облегчает им работу в школе. Также мы видим,

что профессия учителя недостаточно престижна и приносит малый доход по сравнению с другими профессиями, что также отталкивает мужчин от этой работы, так как в большинстве семей мужчина – это кормилец, следовательно, он должен получать достаточные для этого средства.

Что касается возрастных характеристик данной социально-профессиональной группы, анализ данных регионального российского исследования социально-профессиональных характеристик учительства, опубликованного в 2011 г., показывает следующую возрастную дифференциацию: «62,7% учителей общеобразовательных школ – старше 40 лет, причем почти треть всех педагогов – старше 50 лет. Учителей до 30 лет оказалось 13,5%»⁷. Такие результаты выявляют серьезную проблему российского школьного образования – это старение кадров и низкий уровень их обновления, так как малое количество выпускников педагогических вузов идет работать по специальности – учителями школ.

Важно сказать, что старение педагогических кадров влияет на их профессиональную мобильность, снижает конкурентоспособность, создает социально-психологические установки на неприятие инноваций в учебно-воспитательном процессе, а также проявляется в снижении трудовой активности. Данные факторы в целом снижают конкурентоспособность не только самих кадров, но и всей системы школьного образования.

По данным федеральной службы государственной статистики, заработная плата работников общего образования в среднем по Российской Федерации в I квартале 2013 г. составила 25 672 руб. А по данным Минобразования и науки РФ, среднемесячная заработная плата педагогических работников общего образования во II квартале 2013 г. выросла по сравнению с I кварталом на 25,5 % и составила 32,2 тыс. руб. В первом полугодии 2013 г. целевое соотношение среднемесячной заработной платы педработников общего образования к среднемесячной заработной плате в среднем по Российской Федерации составило 100,6 %. Между тем остаются регионы, в которых зарплата учителей не превышает 15–20 тыс. руб.

По результатам авторского исследования, которое проводилось в Москве, где уровень жизни и соответственно требования к уровню заработной платы значительно выше, чем в регионах, заработная плата опрошенных учителей значительно превышает 15 тыс. руб. Большинство респондентов получают зарплату от 40 до 50 тыс. руб. (62%), еще 15% получают свыше 50 тыс. руб., 4% опрошенных – до 30 тыс. руб. и 19% зарабатывают от 30 до 40 тыс. руб. (что говорит о том, что заработная плата учителей в Москве

в 2–3 раза выше, чем по стране). Фактически все 4% респондентов, которые зарабатывают до 30 тыс. руб., – это учителя в возрасте 22–27 лет, имеющие стаж работы меньше 5 лет⁸.

Статусное положение профессии в обществе влияет на социальное самочувствие занятых в этой сфере работников. По данным авторского исследования, практически половина опрошенных отметили, что «абсолютно довольны» своей работой, – это 48% респондентов, но доля тех, кто неуверенно ответил на этот вопрос, сказав, что «скорее доволен» своей работой, также велика – 45%, и еще 5% учителей «скорее не довольны» своей работой и видят в ней много недостатков. Важно отметить, что среди абсолютно довольных своей работой учителей половина – это респонденты в возрасте до 26 лет со стажем работы до 5 лет, в то же время большинство тех, кто видит множество недостатков в своей работе, – это учителя в возрасте 45–55 лет. Это говорит о том, что, только придя в профессию, молодые учителя не видят в ней такого множества недостатков, трудовая деятельность для них – это возможность заняться чем-то новым, в отличие от людей, стаж работы которых в одной профессии составляет свыше 20 лет.

Для полноты нашего анализа важно выявить, что влияет на уровень удовлетворенности своим трудом у современных учителей. Полученные данные условно можно разделить на следующие группы: «творческий характер деятельности» – 31% ответов; специфические характеристики профессии: «гарантированная заработная плата» – 26% ответов, «длинный отпуск» – 25, «режим труда» – 6%. Были и те, кто выделил как фактор удовлетворенности работой, ближайшее окружение, т. е. «коллег» – 11% и «учащихся» – 5%. Всего 1,2% респондентов отметили общественный престиж профессии в качестве того, что является привлекательным в работе учителя.

Данные авторского исследования подтверждаются результатами масштабного всероссийского исследования⁹, проведенного в 2008–2009 гг., в котором основными факторами удовлетворенности являются: возможность творческой самореализации (44%), большой отпуск (36%) и удобный график работы (20%). Важно отметить, что по России также высоко ценятся возможность учить и воспитывать детей (44%) и возможность передавать детям свои жизненные взгляды (28%).

Результаты проведенных исследований показывают, что учителя демонстрируют высокую степень удовлетворенности разными аспектами своего труда. Привлекательность профессии учителя для них, прежде всего, связана с творческими условиями работы,

самовыражением, гарантируемыми условиями труда, пониманием социальной значимости своей профессии.

Основным фактором неудовлетворенности трудовой деятельностью, по мнению респондентов, является недооценка значимости труда учителя в обществе, что говорит о низком престиже профессии. Так, в ответах в авторском исследовании на вопрос «Считаете ли Вы профессию учителя престижной?» 24% респондентов выбрали ответ «Скорее нет», а 48% – «Совершенно точно нет, профессия учителя не является престижной».

В авторском исследовании задавались и косвенные вопросы, которые помогают выявить отношение учителей к своей профессии, например: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети тоже выбрали профессию учителя?» Большинство респондентов (38%) «скорее не хотят», чтобы их дети тоже выбрали профессию учителя, при этом еще 36% опрошенных «категорически против этого». Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, при которой сами учителя (в данном исследовании принимали участие только учителя общеобразовательных школ г. Москвы) оценивают престиж своей профессии еще ниже, чем общество в целом. Социальная привлекательность и престиж профессии учителя за последние годы достигли предельно низкого уровня, в том числе и в оценках самих специалистов этой сферы. Несмотря на заявления политиков о повышении престижа профессии (например, в заявлениях Помощника Президента РФ А. Фурсенко)¹⁰, в России очевидна нехватка квалифицированных педагогических кадров, в то же время очевидна и непривлекательность данной профессии для молодежи.

Вне всяких сомнений, государству, осознавшему необходимость повышения статуса работников системы образования, необходимо не только принимать меры по повышению системы оплаты труда, но и вести целенаправленную деятельность по улучшению имиджа учительской работы. Престиж профессии учителя будет напрямую зависеть от престижа образования в обществе, положения дел в системе образования на всех ее уровнях.

Примечания

¹ См. подробнее: *Руднев М.Г.* Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. № 2.

² См. подробнее: Профессия «учитель»: положение педагогов на рынке труда [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения обще-

- ственного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114530> (дата обращения: 10.09.2013).
- ³ См. подробнее: Три четверти россиян считают: учитель должен не только учить [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10659> (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁴ Современный учитель: образ профессии [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d084022> (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁵ Мониторинг социальных задач: повышение зарплаты учителям [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10936> (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁶ Авторское исследование «Учителя как социально-профессиональная группа». Проведено в марте–июне 2013 г. Метод исследования – анкетный опрос. Выборка гнездовая. Объем выборки – 300 учителей (без возрастных ограничений) общеобразовательных школ г. Москвы.
- ⁷ Красова Е.Ю. Социально-профессиональные характеристики учительства (социологический анализ) // Электронный научно-культурологический журнал. 2011. № 4. С. 3.
- ⁸ По данным авторского исследования «Учителя как социально-профессиональная группа».
- ⁹ Социально-профессиональный портрет педагога: Науч. докл. / И.И. Соколова, Н.М. Александрова, А.С. Мищенко [и др.]. СПб.: Учреждение РАО ИПО, 2009. С. 7.
- ¹⁰ См. подробнее: Престиж профессии учителя в России растет [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/society/20130409/931668812.html> (дата обращения: 10.09.2013).

РЕФОРМА РАН КАК КАТАЛИЗАТОР СОЛИДАРИЗАЦИИ УЧЕНЫХ

В статье проанализированы события 2013 г., сопровождавшие принятие закона о реформе Российской академии наук. Рассматриваются предпосылки усиления солидаризации научного сообщества в контексте теорий коллективных действий.

Ключевые слова: реформа РАН, солидарность, коллективные действия, солидаризация.

В фокусе внимания данной статьи лежит процесс организованного мирного противостояния граждан осуществлению реформы РАН в 2013 г. Начало этому процессу¹ положили утверждение 27 июня 2013 г. Правительством РФ плана по масштабному реформированию российской системы академической науки² и последующая публикация 28 июня соответствующего законопроекта³. Эти события повлекли за собой незамедлительную реакцию руководства РАН, профсоюза его работников, общественных организаций и большого числа ученых, выступивших с резкой критикой положений реформы. Последнее по своей сути является отправной точкой солидаризационного процесса, который будет описан далее.

Под солидарностью нами понимается социальное явление, представляющее собой объединение индивидов для достижения общих целей и минимизации социальных рисков, характеризующееся отторжением личностного суверенитета каждого индивида в пользу солидарной общности в обмен на гарантии защиты индивидуальных интересов, а также наличием групповой идентичности. В основе этого определения в первую очередь лежат представления об этом явлении с точки зрения теории рационального обмена Дж. Коулмена⁴, а также взгляды Э. Гидденса⁵.

Главными «действующими лицами» здесь являются индивид – агент («носитель») солидарности, и солидарная общность – сово-

купность вышеупомянутых индивидов, в которых и наблюдается солидарность. Термин «общность» выбран в связи с тем, что это понятие предполагает наличие идентичности внутри этого объединения, являющейся одним из критериев возникновения солидарности. Применительно к нашему объекту идентичность общности основана на профессиональной принадлежности ее членов, т. е. участников указанных событий, – в более широком смысле принадлежность к научному сообществу, а в более узком – к работникам РАН. Однако если проанализировать некоторые списки подписавшихся под петициями против реформы⁶, а также материалы СМИ, становится очевидно, что в коллективных действиях, направленных против принятия законопроекта, принимали участие не только ученые, но и представители других профессий. Таким образом, в данном случае солидарную общность можно структурировать следующим образом: «ядро» – сотрудники РАН и активные ученые других учреждений, границы этой части общности очерчены наиболее явно, так как ее члены являлись непосредственными участниками событий; и «сочувствующие» – это люди, тем или иным образом оказывающие поддержку представителям «ядра», границы этой области чрезвычайно размыты, а основаниями идентичности могут выступать различные признаки (например, осознанное несогласие с положениями реформы, дружеские отношения с представителями «ядра», протестная пассионарность и т. д.). Более детальное определение свойств этих двух составляющих требует проведения отдельного эмпирического исследования, что выходит за рамки данной статьи.

Предпосылкой для объединения и последующей солидаризации индивидов является, с одной стороны, возникновение некой общей угрозы или возрастание социальных рисков для каждого участника процесса, а с другой – осознание необходимости достижения некоторого результата, который позволит предотвратить или минимизировать угрозы и риски. В данном случае в качестве угрозы рассматриваются положения реформы РАН, связанные со значительным ограничением самостоятельности академии и ее подразделений. По мнению ученых, осуществление положений этой реформы негативно отразится на их деятельности, т. е. увеличит профессиональные риски. Последние были сформулированы в обращении профсоюза РАН⁷ 30 июня: сокращение сотрудников РАН; ликвидация учреждений РАН; расхищение имущества РАН; увеличение аппарата управления и расходов на него; ущемление прав ученых; ликвидация наиболее эффективно работающего сектора российской науки.

Таким образом, в начале процесса была четко и осознанно сформулирована цель – препятствие принятию законопроекта в его первоначальной редакции, вовлечение непосредственных представителей науки в процесс разработки положений реформы. То есть для общности помимо описанных выше оснований идентифицирующим фактором выступало принятие этой цели, разделение опасений о возрастании рисков и возникновении угрозы.

Благодаря тому что цели впервые были сформулированы и задокументированы профсоюзом РАН, эта организация фактически заявила о готовности стать легальным, юридически оформленным и обладающим соответствующими правами и полномочиями «каркасом» общности. Согласно российскому законодательству работники профсоюза имеют право представлять интересы своих членов. В той или иной степени в коллективных действиях принимали участие и другие организации, например в самом начале подключившееся к ним Межрегиональное общество научных работников (ОНР)⁸.

Кроме организаций и объединений протест поддержали представители различных социальных групп, например научные работники, депутаты (в том числе и лауреат Нобелевской премии, депутат Ж. Алферов⁹, депутат, академик В. Черешнев), преподаватели вузов и т. д. Следовательно, можно говорить о том, что описываемая солидарная общность включает в себя другие общности и группы, состав и характеристики которых могут варьироваться. Говоря математическим языком, если рассматривать общности как множества индивидов с набором социальных характеристик, то солидарная общность, образовавшаяся в результате реакции общества на процесс реформирования РАН, находится на пересечении этих множеств-общностей – совпадение социальных характеристик индивидов и их установок детерминирует их вовлечение в процесс солидаризации и обуславливает степень их вовлеченности.

Одним из ключевых положений выбранной теоретической модели солидарности как социального явления выступает готовность к отторжению личностного суверенитета индивида в пользу общности. Под этим понимается передача индивидом части персональных ресурсов (личное время, деньги, навыки, символический капитал и т. д.) общности для реализации коллективных действий. В рамках данной статьи можно сделать только поверхностную оценку этого компонента солидарности. В этой связи можно говорить о существенном различии степени проявления этого компонента у разных агентов солидарности. Например, готовность к отторжению личностного суверенитета человека, участие которого в

солидарных действиях ограничилось подписанием петиции, ниже по сравнению с участником митинга, который в свою очередь уступает по «значению» этого параметра организатору.

Важным при изучении явления солидарности является анализ действий членов солидарной общности как коллективных, так и индивидуальных, но обусловленных целями общности – солидарных действий. Именно это по сути своей является проявлением солидарности в социальной реальности. В рамках анализа данного случая можно выделить виды действий описываемой общности на основании их функционального назначения (табл. 1).

Таблица 1

Функции коллективных действий

Функция действия	Объект	Средства и методы
Обеспечение связей внутри общности	«Действующие» члены общности	Собрания, заседания, работа в социальных сетях, публикация заявлений, создание Сети координации институтов (СКИ) ¹⁰
Расширение общности, привлечение новых членов	Потенциальные члены общности, «сочувствующие»	Сбор подписей, петиции, митинги, работа в социальных сетях и блогах
Взаимодействие с контрагентами интересов – продвижение интересов общности	Представители политической элиты, члены правительства, президент	Передача петиций и подписей, резолюций митингов и заседаний, обращений, открытых писем представителям власти, выступления

Необходимо подчеркнуть, что одно и то же действие может нести несколько функций. Например, митинг как форма коллективных действий использовался как с целью донесения позиции общности до основных ее контрагентов – государственных деятелей, так и с целью привлечения внимания к проблеме новых потенциальных участников, а также для укрепления связей внутри общности.

В табл. 2 указаны группы форм коллективных действий, использовавшихся солидарной общностью в период с 1 июля по 11 ноября 2013 г. Можно предположить, что большинство членов

солидарной общности (включая и представителей «ядра», и «сочувствующих») предпочитает действия, не связанные с участием в уличных протестах. При этом наиболее массовыми формами действий были сборы подписей под петициями. Достаточно высокое количество уличных акций протеста связано с их географией – акции проходили в разных городах России. Центрами уличной активности, где митинги собирали более 1000 человек, являлись Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. Однако стоит принять во внимание численность населения этих городов и количество научных учреждений.

Таблица 2

Формы коллективных действий

Форма действия	Количество	Число участников
Письма, обращения, постановления	Более 100	–
Конференция, заседание, семинар	Более 100	До 2500 человек ¹¹
Сбор подписей, петиции	5	Всего 121 865 подписей ¹²
Флешмоб, акция, пикет ¹³	Около 20	От 1 до 100 человек
Митинг, шествие ¹⁴	Более 50	От 100 до 1200 человек

География солидарных действий заслуживает отдельного внимания при описании процесса солидаризации граждан во время противодействия реформе РАН. Несмотря на то что традиционно в России центром социальной активности в рамках несогласия с политикой федеральной власти является Москва, здесь практически в равной степени участвовали жители городов в разных частях страны. Это обусловлено географией подразделений РАН. Кроме того, поддержку российским ученым оказывали и их иностранные коллеги (как россияне, работающие за рубежом, так и нероссияне). Таким образом, в данном случае солидарная общность, а следовательно, и сама солидарность имеет транслокальный характер. То есть солидарная общность не имеет определенной локализации, ее «географические границы» размыты, члены общности (агенты солидарности) могут находиться на больших расстояниях друг от

друга и при этом тем или иным образом взаимодействовать между собой.

Итак, предложенная руководством страны реформа РАН выступила своего рода катализатором процесса солидаризации людей, обеспокоенных состоянием российской науки, т. е. стала причиной расширения общности индивидов, солидарных между собой в этом вопросе. Это не означает, что до начала этих событий такая общность не существовала. Нельзя утверждать, что до указанных событий между членами «ядра» общности не существовало каких-либо социальных связей, напротив, их наличие, вероятно, и обусловило его возникновение. Указанные события побудили членов общности к действиям, трансформировали ее. Этот процесс позволил «сочувствующим» выразить их позицию, обозначить себя. В связи с этим можно высказать предположение о существовании некоей «латентной» солидарности, т. е. наличия у индивидов ввиду некоего сочетания социальных характеристик потенциала к объединению и созданию новой солидарной общности или присоединению к уже существующей. Тогда для объективизации этого потенциала необходимо возникновение определенной социальной ситуации, вызывающей «возмущения», говоря языком физики, участков «поля латентной солидарности». В данном случае спорные положения реформы РАН продуцируют социальные риски и угрозы и тем самым запускают механизм противодействия со стороны индивидов, которые в силу своего солидаризационного потенциала стремятся к объединению. Скрытая солидарность становится явной и приобретает характеристики, детерминированные социальной ситуацией и средой.

Примечания

- ¹ Краткая хронология событий // Российская академия наук. Хроника протеста. Июнь–июль 2013 г. / Сост. А.Н. Паршин. М.: Журнал «Русский репортер», 2013. С. 10.
- ² Стенограмма заседания Правительства от 27.06.2013 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/2666> (дата обращения: 10.09.2013).
- ³ Проект Федерального закона № 305828-6 «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz010713.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁴ Coleman J.S. Foundations of social theory. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990.

- ⁵ *Гидденс Э.* Последствия современности: Пер. с англ. М.: Практис, 2011.
- ⁶ List of all signatures (список всех подписавшихся) [Электронный ресурс] // Save Russian Academy = Спасите РАН. URL: <http://www.save-russian-academy.org/list/> (дата обращения: 10.09.2013); Сбор подписей в поддержку Заявления Совета ОНР по законопроекту о ликвидации госакадемий [Электронный ресурс] // Общество научных работников (ОНР). URL: <http://onr-russia.ru/sites/default/files/podpisi-onr-otzyv-zakonoroekta-o-reforme-ran-10-08-2013.xls> (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁷ Обращение к профактиву и сотрудникам РАН [Электронный ресурс] // Российская академия наук. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=566b3d1c-329f-4e18-9e73-033d069178c5#content> (дата обращения 10.09.2013).
- ⁸ Хроника акций против безумной реформы РАН [Электронный ресурс] // Общество научных работников (ОНР). URL: <http://onr-russia.ru/content/хроника-акций-против-безумной-реформы-ran> (дата обращения: 10.09.2013).
- ⁹ *Алферов Ж.И.* «Нам нужен закон о развитии науки и технологий, а не реструктурирование РАН» [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/122954.html> (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹⁰ Сеть координации институтов [Электронный ресурс] // Газета «Троицкий вариант – Наука». URL: <http://trv-science.ru/2013/07/12/set-koodinacii-institutov/> (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹¹ О конференции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конференции научных работников РАН «Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук». URL: <http://www.gasconference.ru/about.html> (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹² Ученые собрали 120 тысяч подписей под обращением о реформе РАН [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/science/20130926/965948544.html> (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹³ Прошедшие акции протеста [Электронный ресурс] // Реорганизация Российской академии наук 2013. URL: http://www.saveras.ru/scientsts_protest/protest_actions/protest_cronicle (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹⁴ Там же.

Abstracts

L. Adilova, V. Mishchenko

IMAGE OF FAMILY AND FAMILY VALUES IN THE RUSSIAN MEDIA

Authors analyse the relation of destructive influence of modern mass-media on family (as the major institute of socialization) to the personal attitude of members of journalistic community to family values and a corresponding media-content. It is established, that among employees of mass-media as an ideal of family attitudes conditionally conservative positions prevail. Journalists critically perceive an existing media-content and positively activation of the socially-state influence on the editorial policy, aiming at rise of the prestige of family and strengthening of family values.

Key words: institute of family, the image of the family, family values, mass-media, journalists, a media-content, the information policy.

G. Arkin

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES REFORM AS THE CATALYST OF SOLIDARITY OF ACADEMIC SCHOLARS

Events of the 2013 following the adoption of the Law about RAS reform were analysed in this article. Preconditions of increasing for solidarity in the context of the theory of collective actions are considered.

Key words: reform, solidarity, collective actions.

I. Babanov

SPORT AS THE FACTOR OF SOCIALIZATION: FEATURES AND MECHANISMS

This article reviews the phenomenon of sport socialization. Basing on the Social Construction of Reality Theory, the author describes sportsman's entering into the new social space, mastering gym's norms and values. Basic mechanisms of sport socialization are analysed and

the main of them are described in the article. The author separately reviews “primary” and “secondary socialization” definitions. Interaction mechanism between a beginner, his trainer and sport group is also demonstrated by the example of boxing as a specific sport. In conclusion the author proposes his own definition of “sport socialization” and his comprehension of this phenomenon.

Key words: sport, socialization, norms, values.

M. Bulanova, P. Borisova

HIGHER EDUCATION AND EMPLOYMENT: MODERN RISKS

The article considers the specifics of the interaction between higher education and the modern labor market, and determines risks in respect of qualification, competence and professionalism of employees.

Key words: quality of education, professionalism and qualification, additional educational services, employment, risks.

S. Dokuka

CONTEMPORARY APPROACHES TO THE INVESTIGATIONS OF THE VIRTUAL COMMUNITIES

For the last decade a lot of researchers with different background contributed to study of the virtual communities using many various methods and techniques. For example, sociologists and specialists in cultural studies were joint by physics, mathematicians, computer scientists and linguists. This paper emphasizes key interdisciplinary approaches for the virtual communities investigation and observes the most important issues being currently researched for the field.

Key words: methodology, Internet, communication, social networks, interdisciplinary research.

E. Evdokimova

SOCIALIZING FUNCTION OF THE CHILDREN'S CREATIVITY IN RUSSIAN SOCIETY: THE DEFINITION OF THE BASIC CONCEPT

The article presents socializing function of the children's creativity in the modern Russian society. Two principal approaches are considered to substantiate the concept of "creativity", and differences in the definition of scientific, technical and artistic creativity are revealed. Particular attention is paid to the mechanisms of creativity, socializing value of children's creativity, stages and phases of the creation process. The article also reflects conditions of the children creativity, it justifies the role of children's creativity in the process of social and cultural development of the individual.

Key words: creativity, socialization, children's creativity, innovative technologies in the process of creation, social and cultural changes, the structure of creativity, the forms of creativity, phases of creative process.

A. Goloseeva, A. Khokhlov

PROBLEMS OF SELF-ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF INFORMAL COMMUNITIES IN THE FIELD OF CULTURE IN THE RUSSIAN PROVINCE

This paper deals with problems of cultural policy in small and medium-sized cities of the Russian Federation. The article discusses results of the study "Cultural Policy in the strategic development of medium and small-sized cities of Russia", in particular relating to the features of cultural self-organization of the population, as well as the general status and functioning of informal cultural sector in the Russian province. The assessment of the effectiveness of interaction between local cultural communities and administration is given.

Key words: small and medium-sized cities of Russia, cultural policy, province, cultural self-organization, informal communities.

A. Gubanova

CRITERIA USED IN SELECTION OF WEB RESOURCES FOR CHILDREN: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article discusses the quality of existing online content and its suitability for adolescents. Special attention is paid to obtaining accurate information about the risks that exist on the Internet, and places where they are, as well as the need of clear criteria for assessing the degree of danger in content of certain sites for children.

Key words: Internet, content, web-site, behavior, children, teens, online.

N. Ilyukhina

UNIVERSITY RATING AS A STAGE OF PLANNING A CAREER-ORIENTED WORK WITH SCHOOL-LEAVERS

The paper reviews the ratings of the universities, provides the analysis of rating of the average score of Unified State Exam in 2010 and 2012, as one of the stages of the planning of career guidance to school-leavers.

Key words: higher education, Unified State Exam, the average score of the Unified State Exam, school-leaver, rating of universities, profile of university.

E. Ivanova

STRUCTURAL AND SOCIETAL FACTORS IN HEALTH OF RUSSIAN POPULATION

Parameters of health depend on structure of morbidity and mortality. In turn, their levels are formed in accordance with changes, which occur within these processes, and in accordance with complex influence of various societal factors. The factors which influence levels of morbidity and mortality involve two main groups: endogenous and exogenous. The article depicts both of them. The structural changes in morbidity and mortality of Russian population are considered as endogenous and the societal changes are considered as exogenous. Trends in evolution of structural and societal factors of mortality and morbidity are analysed through the perspective of rotation of social-demographic generations in Russia.

Key words: health, morbidity, mortality, generation, socio-demographic stratification, population reproduction.

S. Kasatkin

PRINT MEDIA IN RUSSIA: MAJOR FACTORS OF FORMATION AND STAGES OF TRANSFORMATION (end of XX – beginning of XXI century)

Print media in post-Soviet Russia has undergone a significant transformation of the qualitative and quantitative nature. The leading factors that caused changes in the state of the information field of print media were changes in the political system and economic relations in society.

Changed market conditions, market relations and publicity were proclaimed. Political spectrum expanded; a lot of social groups with different interests came into being. All of this was the beginning of a new stage in the development of the private media.

Thus, the transformation of the media in Russia was affected by a number of factors: economic, political, social and technological.

Key words: print media in Russia, the post-Soviet period, the media, the media on the Internet, the information field, media market.

L. Khafizova

BIRTH RATE IN RUSSIA: ISSUES AND TENDENCIES

The article deals with the birth rate decrease in Russia and also with its possible reasons: the changing of traditional family institute, initiation of a specific family type – the European one, demographic transition, western value influence and values' transformation. The question is whether these changings are natural and regular or if they are a manageable process in terms of Earth overpopulation. The possibility to influence the reproductive norms and behaviour are described in context of Malthusianism, concepts of a “golden milliard” and “the limits to growth”.

Key words: demographic crisis, low birth rate, family institute crisis, demographic transition, reproductive behavior, “golden milliard”, “the limits to growth”.

E. Kolosova

CHILDREN'S READING IN MODERN RUSSIA: CONCEPT, STRUCTURE AND PRACTICES

The article discusses the concept of children's reading, its manifestation in contemporary Russian society. The author's vision of structure of children's reading and traditional and new reading practices of primary school and preschool ages are provided.

Key words: children's reading, children's reading practice, sociology of childhood, early socialization.

A. Kuchenkova

ON THE METHOD OF QUALITATIVE COMPARATIVE ANALYSIS AND FUZZY SETS

The article examines one of the algorithms of qualitative comparative analysis, based on fuzzy sets (fsQCA), developed by C. Ragin. Search strategy of regularities and methodological specifics are described. Possibilities of its application in Sociology are demonstrated by the example of study of determinants of generalized trust.

Key words: qualitative comparative analysis, fuzzy set.

I. Malkova

ETHNIC RELATIONSHIPS IN THE STUDENT COMMUNITY

This article notices the state of tolerance of modern student's youth and also modern reality of interethnic interaction of youth. On the basis of results of researches among students at higher educational institutions the author analyses the current state of interethnic relations among the young.

Key words: youth, student youth, interethnic relations, tolerance, intolerance.

D. Maltseva

PROFESSIONAL SOCIOLOGICAL COMMUNITY FROM THE NETWORK APPROACH POSITION

The article presents results of the sociological research “Professional communication in the community of sociologists”. Professional communications in the research community are considered in the perspective of network approach. The units of analysis are the sociological centers and collectives of Russia. Results of network analysis lead to the conclusion about the prevalence of the “customer – executor” model of communication between metropolitan and regional research companies.

Key words: professional sociological community, network approach, social network analysis, metropolitan and regional research companies.

S. Mayorova-Shcheglova

TRANSFORMATIONS OF CHILDHOOD IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY (refining of the concept of social construction of childhood)

This paper explains the possibility of using the author's concept for the analysis of contemporary domestic model of social phenomenon of childhood. There is the forecast of the development of childhood and intergenerational relations in the long-term prospect influenced by three factors: a new attitude to the reproduction, the expansion of the rights of children and the development of the consumer market of children's goods and services.

Key words: childhood, children, social construction, public policy in the interests of children, the sociology of childhood.

E. Nechaeva

SOCIAL TECHNOLOGIES: THE HISTORY OF FORMATION AND VERSION OF UNDERSTANDING

This article considers the concept of social technologies. Opinions of various sociologists with unlike scientific interests working in different

object fields are given in the article. Interpretations allowed to delve deeply into problematics of social technologies usage in administrative sciences.

Key words: social technologies, management, technification, projected result, organization.

N. Romanovski

SOCIOLOGY ON THE EVE OF THE WORLD CONGRESS IN YOKOHAMA

The article considers tendencies in the development of modern sociology sections that may occur and be of interest to participants and observers at International Sociological Association Congress in 2014 in Yokohama. There are materials and pictures and illustrating specific factors of development of our science, shaping it in the future. Special attention is paid to Russian sociology, its limited ability to participate in the formation of a new social face of the country.

Key words: modern sociology, “other” sociology, International Sociological Association, World Congress of Sociology 2014, Russian sociology, development of sociology.

I. Shevchenko

SINGLE FATHERS IN RUSSIA: EVERYDAY PRACTICES AND CHALLENGES

Article considers the phenomenon of single parenthood in modern Russia. On empirical material analysed the socio-legal status of single fathers, the everyday life of father's family, the relationships between fathers and children, problems and difficulties for such families.

Key words: single fathers, children, everyday practices, children relations, problems of paternal families.

M. Shumilina-Pavlova

SOURCES OF FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN YOUTH

This article analyses the main sources and factors in the formation of historical memory and historical consciousness of the Russian youth aged 16 to 24 years. In modern Russian society there are acute problem of identity and the related dilemma of choosing further ways for development of the country. Elaboration of specific behaviour strategy for citizens of the society depends greatly upon the prevailing public attitudes towards the past and it is exactly the youth that is a potent force to implement the chosen strategy in the future.

Key words: historical consciousness , historical memory , youth.

V. Smirnov

YOUTH POLICY AS AREA OF REPRODUCE OF IMITATION

The article considers some aspects of state youth affairs policy implementation in the contemporary Russia with view to reproduction of imitation. The author investigates how projects and programs of youth affairs authorities and youth public organizations and also organizations of youth representation (youth parliaments, self rule systems in education institution) help forward reproduction of discursive and pragmatist models of imitation.

Key words: the imitation, youth affairs policy, reproduction of imitation, the projects and the programs of action, system of youth representation.

S. Solovchenkov

VILLAGE IN THE SOUTH OF THE FAR EAST – CONSEQUENCES OF 20 YEARS OF CHANGE

This article describes the process of organizational change in rural areas, associated with the transition to market forms of management. Based on the results of concrete sociological research, the author reveals

adaptation strategies of the rural population, gives an estimate of the structural shift in rural employment.

Key words: adaptive capacity, rural community, self-identity, adaptation strategies.

Zh. Toshchenko

ABOUT SOCIOLOGICAL STRATEGIES IN SOCIOLOGY

The article analyses theories, concepts, schools with their variety of approaches to the learning process of a social reality, and to the potential influence of social knowledge on this reality. However, despite the variety of interpretations and explanations, they all boil down to three basic methodological strategies – sociological realism, sociological nominalism and sociological constructivism. In line with this describes the main tenets and features of each of them.

Key words: Sociology, theory, methodology, concept, school of Sociology.

N. Velikaya, N. Belova

LEGISLATIVE AND FINANCIAL ENSURING OF CULTURAL POLICY IN THE SMALL AND MEDIUM CITIES OF RUSSIA ACCORDING EXPERT'S EVALUATIONS

Survey of legislative and financial grounds of cultural policy in the small and medium cities, representing in federal, regional and local laws and budgets, is given in this article. On the basis of experts enquiry position of experts community about cultural sphere and prospects of actual cultural policy is analysed.

Key words: cultural policy, cultural sphere, small and medium cities.

I. Vorobyova

PRESTIGE OF THE TEACHING PROFESSION

The article considers inconsistencies in public position of schoolteachers as socio-professional group. On the one hand the society

declares and recognizes high social significance of pedagogic work and on the other – there is the fall in social status and prestige of that profession. That affects as demand for it among the youth and also social well-being of those who are employed in that sphere.

Key words: teachers, prestige of the profession, social status, social well-being.

A. Zhirikova

LEISURE PRACTICES OF MEDIUM-SIZED AND SMALL CITIES RESIDENTS

The concept of leisure and leisure practices as a component part of socio-cultural development in Russia is analysed in this article. On the basis of the secondary analysis of data the factors are identified which have an influence on leisure practices. The results of the survey which are based on experts' interviews represent leisure in medium- sized and small cities and allow to choose similar and specific factors which influence leisure activity of inhabitants.

Key words: leisure, leisure practices, leisure activity, cultural leisure, factors of leisure activity.

Сведения об авторах

Адилова Людмила Федоровна – д-р полит. наук, профессор РГГУ, член Президиума ЕАТР, adilovaam@mail.ru

Аркин Григорий Олегович – аспирант социологического факультета РГГУ

Бабанов Иван Владимирович – аспирант социологического факультета РГГУ, BabanovIvan@yandex.ru

Белова Наталья Ильинична – канд. социол. наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, n.i.belova@mail.ru

Борисова Полина Алексеевна – аспирант социологического факультета РГГУ

Буланова Марина Борисовна – д-р социол. наук, профессор кафедры теории и истории социологии РГГУ, marina_bulanova@inbox.ru

Великая Наталия Михайловна – д-р полит. наук, профессор, завкафедрой политической социологии РГГУ, velik69@mail.ru

Воробьева Ирина Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, vorobyova.irina@list.ru

Голосеева Анна Анатольевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политической социологии РГГУ, goloseyeva@gmail.com

Губанова Александра Юрьевна – соискатель социологического факультета РГГУ, научный сотрудник отдела социологических исследований Российской государственной детской библиотеки, gubanova@rgdb.ru

Докука София Владимировна – аспирант социологического факультета РГГУ, dokuka@inbox.ru

Евдокимова Евгения Юрьевна – аспирант социологического факультета РГГУ, evdoevgu2014@yandex.ru

Жирикова Анна Андреевна – аспирант социологического факультета РГГУ, zhirikova.anna@gmail.com

Иванова Елена Игоревна – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии организаций и социальных технологий РГГУ, eligivan@rambler.ru

Илюхина Наталия Анатольевна – аспирант кафедры прикладной социологии РГГУ, iluhina@inbox.ru

Касаткин Сергей Сергеевич – аспирант кафедры политической социологии РГГУ, маркетолог по системе распространения в ИД «Коммерсантъ», kasatkinss@yandex.ru

Колосова Елена Андреевна – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, the_shmiga@mail.ru

Кученкова Анна Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры прикладной социологии, ассистент кафедры прикладной социологии РГГУ, a.kuchenkova@rggu.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Малкова Ирина Александровна – аспирант РГГУ, malkova.irina@mail.ru

Мальцева Дарья Васильевна – аспирант социологического факультета РГГУ; социолог-аналитик, специалист по связям с общественностью Исследовательской группы ЦИРКОН, d_malceva@mail.ru

Мищенко Владимир Анатольевич – исполнительный директор Фонда Андрея Первозванного, adilovaam@mail.ru

Нечаева Елизавета Олеговна – аспирант кафедры прикладной социологии РГГУ, руководитель группы статистики и анализа Банка ВТБ24, Neo88@bk.ru

Романовский Николай Валентинович – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории социологии РГГУ, romanival@yandex.ru

Смирнов Владимир Алексеевич – д-р социол. наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе Костромской государственной сельскохозяйственной академии, kano_igt@mail.ru

Соловченков Сергей Александрович – канд. социол. наук, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточ-

ного отделения Российской академии наук, solovchenkov@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, завкафедрой теории истории социологии РГГУ, декан социологического факультета РГГУ, главный редактор журнала «Социологические исследования», zhantosch@mail.ru

Хафизова Лиана Айдаровна – аспирант социологического факультета РГГУ, khafizova.liana@gmail.com

Хохлов Андрей Анатольевич – канд. социол. наук, доцент, Институт «Справедливый мир», goloseyeva@gmail.com

Шевченко Ирина Олеговна – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий РГГУ, sheviren@yandex.ru

Шумилина-Павлова Мария Олеговна – аспирант социологического факультета РГГУ

General data about the authors

- Adilova Lyudmila F.* – Dr. in Politics, professor, Russian State University for the Humanities, member of the presidium of the Eurasian Academy of Television and Radio, adilovaam@mail.ru
- Arkin Grigoriy O.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities
- Babanov Ivan V.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, BabanovIvan@yandex.ru
- Belova Natalia I.* – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, n.i.belova@mail.ru
- Borisova Polina A.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities
- Bulanova Marina B.* – Dr. in Sociology, professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, marina_bulanova@inbox.ru
- Goloseeva Anna A.* – Ph.D. in History, senior lecturer, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, goloseyeva@gmail.com
- Gubanova Alexandra Yu.* – applicant, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; chief specialist, Department of Sociological Researches, Russian State Children's Library, gubanova@rgdb.ru
- Dokuka Sofia V.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, dokuka@inbox.ru
- Evdokimova Evgeniya Yu.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, evdoevgu2014@yandex.ru
- Ilyukhina Natalia A.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, iluhina@inbox.ru
- Ivanova Elena I.* – Dr. in Sociology, professor, Department of Sociology of Organizations and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, eligivan@rambler.ru

- Kasatkin Sergey S.* – postgraduate student, Department of Sociology, Russian State University for the Humanities; marleter on the distribution system, Publishing House «Kommersant», kasatkinss@yandex.ru
- Khafizova Liana A.* – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, khafizova.liana@gmail.com
- Khokhlov Andrey A.* – Ph.D. in Sociology, associate professor, Institute «Spravedliviy mir», goloseyeva@gmail.com
- Kolosova Elena A.* – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, the_shmiga@mail.ru
- Kuchenkova Anna V.* – Ph.D. in Sociology, associate professor, assistant, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, a.kuchenkova@rggu.ru
- Mayorova-Shcheglova Svetlana N.* – Dr. in Sociology, professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru
- Malkova Irina A.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, malkova.irina@mail.ru
- Maltseva Daria V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; sociologist-analyst, PR-manager, ZIRCON Research group, d_malceva@mail.ru
- Mishchenko Vladimir A.* – executive director, Fund of Andrei Pervozvanniy, adilovaam@mail.ru
- Nechaeva Elizaveta O.* – postgraduate student, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities; head, Statistics and Analysis Group, Bank VTB24, Neo88@bk.ru
- Romanovskiy Nikolay V.* – Dr. in History, professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, romanival@yandex.ru
- Shevchenko Irina O.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of Sociology of Organizations and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Shumilina-Pavlova Maria O. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities

Smirnov Vladimir A. – Dr. in Sociology, associate professor, vice-rector for educational and social work, Kostroma State Agricultural Academy, kano_igt@mail.ru

Solovchenkov Sergey A. – Ph.D. in Sociology, Institute of Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, solovchenkov@yandex.ru

Toshchenko Zhan T. – corresponding member, Russian Academy of Sciences, head, Department of Theory and History of Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; editor in chief, Journal “Sotsiologicheskie Issledovaniya”, zhantosch@mail.ru

Velikaya Natalia M. – Dr. in Politics, professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, velik69@mail.ru

Vorobyova Irina V. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, vorobyova.irina@list.ru

Zhirikova Anna A. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, zhirikova.anna@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *И.К. Кирикова*

Формат 60×90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 44

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru